

4
(58)

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

«Уродство есть закономерное явление. Уроды появлялись и будут появляться везде и всегда. Это — универсальное явление. Если бы уроды не появлялись сами собой, люди стали бы производить их специально. Впрочем, это в той или иной форме в истории делалось постоянно. Разве мы не культивируем уродов в духе потребностей нашего общества?! Включи телевизор, и ты их увидишь в изобилии. Только благодаря уродам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей или впадают в иллюзию нормальности. Сами отклонения от нормы суть норма. Ненормально другое, а именно — когда отклонения от нормы начинают доминировать над нормой, когда уродство становится более обычным явлением, чем его нормальный образец. Тогда все переворачивается. Наступает деградация. Общество в целом превращается в социального урода».

А.А. Зиновьев

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

2008

В НОМЕРЕ:

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
ФИЛОСОФИЯ ФИНАНСОВ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
АЛГОРИТМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

N4 (58)

ГЛАМУР КАК ИСКУШЕНИЕ И ПОРЧА
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ **№4(58)**

МОСКВА 2008

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2008. № 4. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

Л.А. Асланов; И.В. Бестужев-Лада; И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
И.К. Быстрыков (Украина); В.Г. Белолипецкий, заместитель гл. редактора;
Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский);
В. Драшкович (Черногория); Л.Н. Дробышевская (Краснодар); В.Я. Иохин;
Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
О.В. Иншаков (Волгоград); С.Г. Кара-Мурза; Д.С. Клементьев;
С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); В.П. Колесов; В.И. Корняков (Ярославль);
В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); П.С. Лемещенко (Белоруссия);
С.П. Макаров; М.А. Маслин; А.З. Новак (Польша);
Ю.М. Осипов, председатель совета; А.А. Пороховский;
В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
В.С. Сизов (Киров); И.П. Смирнов; В.М. Сологубов (Екатеринбург);
Е.А. Субботин (Екатеринбург); А.С. Филипенко (Украина);
В.В. Чекмарев (Кострома), В. Шмидт (Германия); Н.Б. Шулевский;
Ю.В. Яковец; Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Д.В. Дейнеко*

Компьютерная верстка — *Д.В. Дейнеко,*

Л.В. Дейнеко, С.С. Нина

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *С.Ю. Синельников,*

Н.П. Недзвецкая, Т.С. Сухина, С.С. Нина

Научно-вспомогательная работа — *А.А. Антропов, В.А. Луковенко*

Издается с участием Философско-экономического ученого собрания
и Академии гуманитарных наук

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Воробьевы горы, МГУ, II учебный корпус,
экономический факультет, к. 441, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

<http://www.econ.msu.ru/cd/110/>

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

www.barrel.ru

ISBN 5-88010-200-9

© «Философия хозяйства», 2008 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества.....	9
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метафизика разлада власти и отцов.....	27
<i>И.А. Горюнов</i>	
Экономика знаний: от когнитивного капитализма к научному коммунизму?	40
<i>С.О. Хохлов</i>	
Интеллектуальное наполнение общества	60
Раздел II	
Философия финансов	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия финансов	79
<i>А.И. Агеев</i>	
Западня фиктивного капитала.....	85
<i>А.-З. Новак, К. Рычъ</i>	
Глобализация, транснациональная интеграция и валютные зоны (качественный подход).....	97
<i>В.М. Сологубов</i>	
Финансовые инновации порождают финансовые кризисы.....	112
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>В.Г. Белолитецкий</i>	
Будущее прикладной экономической науки.....	121
<i>С.С. Губанов</i>	
К вопросу о цене производства и тенденции нормы прибыли к понижению	126
Раздел IV	
Алгоритмы современной экономики	
<i>А.С. Филипенко</i>	
Региональные аспекты инновационного развития (на примере Украины).....	139
<i>М.М. Гузев</i>	
Поглощение и слияние стран и народов в аспекте глобальных демографических изменений в XXI веке	150
<i>Г.Б. Рустамбеков</i>	
Постсоветские страны в глобальной экономике: критерии интеграционной мотивации.....	161
<i>С.А. Дунаев</i>	
О структурной эволюции модели мирового хозяйства	173
<i>Л.В. Дейнеко</i>	
Проблема минимизации издержек сферы обращения	178

<i>А.А. Антропов</i>	
Циклическая составляющая инноваций.....	183
Раздел V	
Гламур как искушение и порча	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Гламур как искус и порча.....	201
<i>С.П. Макаров</i>	
Гламурная экономика.....	202
<i>А.К. Попов</i>	
Гламур креативного класса и низложенных масс.....	205
<i>И.И. Рудяк</i>	
Эйзенштейн и старик Хоттабыч: гламур как маргинальность и мерности экономики как пространства.....	208
<i>В.А. Луковенко</i>	
Гламур как потребление.....	212
Раздел VI	
Энциклопедия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Металогика.....	219
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Метасмыслы.....	223
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Метасмыслология.....	225
Раздел VII	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия в ожидании... очередного чуда.....	233
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Проблемы науки и хозяйства в творчестве Л.Н. Толстого.....	235
<i>И.М. Теняков, З.А. Корчагина</i>	
Рикардо и Маркс для политической экономии и экономической политики в XXI веке.....	257
<i>А.П. Яценюк</i>	
Экономическая ситуация в Украине: вызовы времени.....	271
<i>Е.Е. Олейник</i>	
«Присутствие бытия в мире...».....	277
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия: стратегия в эпоху перемен.....	289
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономический мир на переломе.....	294
Ответы Ю.М. Осипова на вопросы оргкомитета Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций».....	296
Наши авторы	302

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

The Philosophy of Economy as the Property of Reflecting Humanity..... 9

N.B. Shulevskiy

The Metaphysician of the Disorder of Authority and Fathers..... 27

I.A. Goryunov

The Economy of the Knowledge: from Cognitive Capitalism
to the Scientific Communism? 40

S.O. Khohlov

Intellectual Filling of the Society 60

Part II

Philosophy of Finances

Yu.M. Osipov

The Philosophy of the Finances 79

A.A. Ageev

The Trap of Fictitious Capital 85

A.-Z. Novak, K. Rych

Globalization, Transnational Integration
and Currency Areas (Qualitative Approach)..... 97

V.M. Sologubov

Financial Innovations Generate the Financial Crises 112

Part III

Economic Theory

V.G. Belolipetskiy

Future of the Applied Economic Science..... 121

C.C. Gubanov

A Question about the Price of Production and Tendency
of Rate of Profit Toward the Reduction 126

Part IV

The Algorithms of the Contemporary Economy

A.S. Filipenko

The Regional Aspects of Innovation Development Based
on the Example of the Ukraine..... 139

M.M. Guzev

Absorption and the Confluence of the Countries and Peoples in the Aspect
of Global Demographic Changes in the XXI Century 150

G.B. Rustambekov

The Post-Soviet Countries in the Global Economy:
the Criterion of the Integrated Motivation 161

S.A. Dynajev

About the Structural Evolution of the Model of the World Economy..... 173

L.V. Deyneko

Ways of Minimization of Trade Costs 178

<i>A.A. Antropov</i>	
Cyclic Component of the Innovations.....	183
Part V	
Glamur as Temptation and the Spoiling	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Glamur as Trial and Spoiling.....	201
<i>S.P. Makarov</i>	
Glamorous Economic.....	202
<i>A.K. Popov</i>	
Glamur of Kreativ Class and Deposed Masses	205
<i>I.I. Rudyak</i>	
Eisenstein the Old Man Khottabych: Glamur as Marginality and the Regularity of the Economy as Spaces.....	208
<i>V.A. Lukovenko</i>	
Of Glamur as Consumption	212
Part VI	
Encyclopedia	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Metalogics.....	219
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Metasense	223
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Metasenselogics	225
Part VI	
Review and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia in the Expectation... of Sequential Miracle.....	233
<i>N.B. Shulevskiy</i>	
The Problem of Science and Economy in the Creation L.N. Tolstoy.....	235
<i>I.M. Tenyakov, Z.A. Korchagina</i>	
Ricardo and Marks for the Political Economy and the Economic Policy in the XXI Century.....	257
<i>A.P. Yatsenyuk</i>	
Economic Situation in the Ukraine: the Calls of Time.....	271
<i>E.E. Oleynik</i>	
«Presence of Existence in the World».....	277
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia: Strategy in the Epoch of the Changes.....	289
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Economic Peace on the Break.....	294
The Answers of Yu.M. Osipov to Questions of the Organization Committee of World Public Forum «The Dialogue of Civilizations»	296
Our Authors	302

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

**Философия хозяйства как достойное
размышляющего человечества***

Хозяйство — не экономика, не всегда экономика, хотя экономика — всегда хозяйство!

Это важнейший предметно-познавательный вывод с далеко идущими следствиями не только для экономики, но и для самого хозяйства, что усиливается также привлечением для познания и осмысления хозяйства не одной лишь науки, но и философии. Однако не вообще наработанной человеком философии, а философии, являющейся эманацией не просто человека, размышляющего о хозяйстве, а размышляющего как бы от имени хозяйства, да и ради самого хозяйства.

Возникновение философии хозяйства — не одно лишь обращение к хозяйству с философией в уме — такое уже бывало, — а более всего обращение... именно хозяйства к философии, вытекающей из самого хозяйства.

Философия хозяйства — продукт сложного взаимодействия хозяйства и философии, когда оба феномена, нуждаясь друг в друге, производят на свет особого рода знание, востребуемое не только человеком, но и самим хозяйством, как бы желающим целенаправленно в самом себе разобраться, и лишь окормляемое вообще философией, как наиболее подходящей для этого формой познания и осмысления.

Человек размышляющий подходит к философии хозяйства, а точнее, к моменту возникновения философии хозяйства, постепенно — на это ему потребовались века.

Своими истоками философия восходит к древним временам, в частности, к древнегреческой философской мысли (Ксенофонт, Платон, Аристотель). Начала философии хозяйства присутствуют в трудах И.Т. Посошкова, А. Смита, Д. Юма, заметно развиты в трудах К. Маркса, В. Зомбарта, М. Вебера, Г. Шмоллера. Приложили свой пытливый ум к философии хозяйства, разумеется, о ней не помышляя, М.В. Ломоносов и Д.И. Менделеев. Но открыл философию хозяйства как собственно *философию хозяйства* С.Н. Булгаков, когда защитил в Московском университете в 1912 г. одноименную докторскую диссертацию.

* Продолжение. Начало см.: Философия хозяйства. 2008. № 3.

Булгаков выступил с критикой одновременно материализма, сциентизма, экономизма, политической экономии, марксизма. Преодолевая последние, он перешел к философии идеализма, обращенной к хозяйству. Булгаков рассматривал хозяйство как реализацию жизни человека в целом, а жизнь человека — как реализацию им своего хозяйства, хотя и не проводил четкого различия между хозяйством и экономикой. Главное, Булгаков выразил неудовлетворение господствовавшей тогда экономической мыслью, весьма оторванной от реальности, дающей о ней неполное и в общем-то искаженное представление, игнорирующей многое из происходящего в хозяйственной жизни человека, примитивизированно трактующей самого хозяйствующего человека, не дающей целостного представления и адекватного понимания истории и судьбы хозяйства, даже не ставящего всерьез вопросов хозяйственной телеологии (целеполагания) и хозяйственной эсхатологии (завершений).

Булгаков открыл философию хозяйства, но не утвердил ее, а тем более не развил достаточно, оставив по ряду причин занятие открытой им отраслью знания. В 1922 г. он был выслан большевистским правительством за границу, где и провел оставшиеся 22 года своей жизни, занимаясь более всего богословием, к тому времени уже став священником и главой Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже. В силу господства в СССР марксистской идеологии и атеизма философско-хозяйственный труд Булгакова попал под запрет и был совершенно неизвестен ученому сообществу.

Но потребность в философии хозяйства, как и потребность в преодолении пороков и заблуждений господствовавшей в СССР и за рубежом обществоведческой и экономической мысли, не исчезла. Пришло время нового обращения к философии хозяйства, что и произошло во все том же Московском университете в последней четверти XX в. — сначала без учета достижений неизвестного тогда Булгакова, а потом уже с привлечением его бессмертного труда, почитаемого ныне за классический.

В настоящее время в МГУ создана и действует научно-образовательная школа философии хозяйства, признанная официально и пользующаяся известностью далеко за пределами университета.

Нынешняя философия хозяйства, вобрав в себя необходимую ей предшествующую мысль, в том числе и выказанную Булгаковым, образуется как сложное, синтезное, междисциплинарное течение гуманитарной и обществоведческой мысли, выливающееся и в особую отрасль знания, обращенную к познанию человеческого бытия в его субъектно-творческой реализации, когда человек выступает как творец собственного бытия, а творчество человека предстает как процесс реализации заложенного в человеке, его сознании и в ноосфере сверхприродного творческого потенциала, позволяющего проявлять сверхприродные проективные инициации и добиваться сверхприродных результатов, используя жизнеутверждающий потенциал природы, изменяя целеположенно природу и построив на ее базе неприродный —

искусственный, исходно человеческий — мир, обращенный в неведомое, но конструируемое так или иначе человеком, будущее.

Человеческое бытие как творческое бытие человека, как человеческое творение, как эманация человека, его сознания, как продукт ноосферы, свершающееся в среде природы и сверхприроды, в единстве имманентного (видимого, доступного, знакомого) и трансцендентного (невидимого, недоступного, незнаемого) миров, реализующееся посредством проективного и продуктивного взаимодействия имманентного и трансцендентного начал в самом человеке, его сознании, в ноосфере, в творчестве, в бытии.

Бытие человека как деятельность, как познание, как целеполагание, и целедостижение, как проектирование и созидание, как обретение нового, как движение к неизвестному, как чаяние совершенного, как стремление к *иному* — одним словом, как *хозяйство*.

Одной наукой как таковой тут *в целом* ничего не решить, ибо предмет сложен, объемен, глубинен, неопределен, хотя можно и нужно проводить те или иные локальные фактологические и феноменологические исследования, — тут явно потребна помимо науки, философия, предназначенная, учитывая и научные результаты, обеспечить адекватное представление об обширном и достаточно неопределенном предмете.

Физика хороша, но метафизика здесь важнее!

Прорыв к подобной метафизике сделал впервые Булгаков в начале XX в., но его голос не был достаточно услышан — век-то был научно-технократический, победоносный для науки и техники, а потому и убийственный для хозяйственной философии, как, соответственно, и для всей философии, что и подтвердилось, с одной стороны, растущей прагматизацией и математизацией науки, а с другой — полным онаучиванием философии, как и оттеснением сколько-нибудь метафизической философии.

Даже классическая политэкономика перестала устраивать слишком уж онаученное ученое сообщество, не говоря уже о классической философии. И если последнюю хотя бы продолжали изучать всесторонне как существенное и необходимое наследие, то классическую политэкономию попросту загнали в курс истории экономической мысли как отживший свой век библиотечный экспонат.

Наука явно торжествовала победу, но... лишь на университетских кафедрах и в академической печати, но никак не в склонном к адекватной реальности размышлениям беспокойном творческом сознании.

Отринув философию хозяйства, точнее, придав ей, а лучше сказать, ее остаткам, служебный перед вроде бы «точной наукой» характер,

XX в. ... подтвердил вдруг... и великую нужду как раз в... философии хозяйства... хотя бы для исполнения ею, — или, как более принято говорить за рубежом философией экономики, — объединительной функции в сфере развалившейся на отдельные куски теоретической экономики.

Сколько-нибудь общей экономики, какой была когда-то классическая политэкономия, сегодня в мире нет, а есть лишь разные экономические, а в некотором роде и постэкономические (технологические, математические, правовые) теории, никак между собою органично не связанные.

Что касается философии вообще, то она попыталась спастись, пойдя по пути фактически постонтологической и даже постгносеологической философии... становясь и сама... постфилософией: если предметом любомудрствующей мысли оказывается лишь сама мысль и философия в лучшем случае превращается в мысль о мысли, то тут уже не до реальной онтологии и реальной гносеологии. Окружающей реальности для постфилософии либо вовсе нет, либо реальность, будучи не более чем мыслью, попросту иллюзорна, если не галлюциобразна.

И вот тут-то и выплывает, как раз на рубеже XX—XXI вв., спасительная для философии и экономики метафизическая философия, но... философия более всего... именно... хозяйства, способная к созданию адекватного целостного и полноценного представления о бытии человека, но... уже как о бытии хозяйственном, включая и его ирреальную, иной раз и патологическую, составляющие.

Трактуя человека как существо одновременно природное (животное) и неприродное (осознанное), находящееся в воспроизводственном единении, но не в животном единстве с природой, а потому и хозяйствующее не только и не столько по-природному, сколько по-неприродному (и по-сверхприродному), философия хозяйства трактует бытие человека как бытие не столько животное, сколько осознанное, имеющее и воспроизводящее явную неприродную компоненту, увеличивающую свое значение и долю по мере хозяйствования человека в природе. Отсюда и смысло-историческая ось человеческого бытия — *от природы к неприроде через сверхприроду*.

Поначалу человек хозяйствовал, конечно же, максимально в природе и по-природному, пользуясь природой как единственно возможной для себя средой обитания и главной производительной силой. Однако по мере развития сознания и творческой способности, не избегшего и череды судьбоносных катастроф, человек усиливал исходящую от него неприродную компоненту в хозяйстве и бытии, преодолевая

зависимость от природы и вступая с нею уже во все более партнерские отношения.

Такое партнерство, которое, разумеется, редко бывало идиллическим, длилось веками, ибо человек долгое время не имел ни объективной возможности, ни субъективного желания отрываться от природы-матери, всячески ее при этом сакрализуя. Сознание человека склонялось к природе, а ручной труд, оснащенный ручными же орудиями, не давал возможных оснований для радикального выхода за пределы природы. Все неприродное, что исходило от человека, было включено в природу, к ней приспособлено. Это не мешало человеку не только воспроизводиться физически, но и развиваться умственно и духовно, обогащая и совершенствуя язык, создавая культуры, письменности и цивилизации, города и государства (вплоть до империй), обретая религии, философии и идеологии, науку (астрономию, математику, механику, грамматику, медицину, алхимию, историю), литературу и искусства, занимаясь тем же самым изощренным ораторством.

Если за первую великую человеческую революцию посчитать возникновение языка и рождение сознания, а за вторую — появление письменности, фиксировавшей бытие человека и его сознания как бы уже и вне действующего сознания, то вырыв человека, его сознания, из-под власти природы можно вполне принять за третью великую революцию, случившуюся в Европе в середине II тысячелетия от Р. Х. и отмеченную феноменом так называемого Возрождения, который правильнее было бы называть не Возрождением, а Перерождением — *человека природного в человека неприродного*.

Копившийся веками неприродный потенциал наконец-то вырвался в человеке на свободу: то была, с одной стороны, победа человеческого сознания над природностью человека, а с другой — освобождение человеческого сознания от какой бы то ни было внешней и внутренней зависимости перед лицом природы и «курировавшего» человека божественного начала — что природной, что идейной, что сакральной, что трансцендентной.

Триумф сознания над самим собой — прорыв сознания к самому себе — вторжение сознания в сферу сверхприродного!

Сознание вышло на новую ступень своего бытия, вытягивая в новое состояние и в новую хозяйственную реализацию самого человека. Наступило время тотального преобразования природы и всего обитаемого мира в соответствии с новыми чаяниями, представлениями и возможностями возвысившегося над природой и миром хозяйствующего человека, его освобожденного сознания, позволившего человеку почувствовать себя чуть ли не *богом-творцом*. В итоге произошел пе-

реход от природообусловленного хозяйства, включавшего приспособленную к природе неприродную составляющую, к хозяйству сверхприродному, включавшему природную составляющую уже в качестве подчиненной. Такое обновление хозяйства и самого бытия человека, сопровождаемое его денатурализацией и секуляризацией, получило определение *Модернизации*, а эпоха такой Модернизации стала называться *эпохой Модерна*, как раз соответствовавшей тому, что в истории стало называться *Новым временем*.

Соответственно все предшествующее Модерну историческое бытие человека получило определение *Премодерна*.

Модерн — время торжества таких эманаций человеческого сознания и сопряженной с ним ноосферы, как наука, техника и экономика, в корне изменивших хозяйство и само бытие человека. Научная философия с ее материализмом, объективизмом, логизмом, механицизмом, позитивизмом, даже диалектику превратившая в особого рода механику, как и политическая экономия с ее приверженностью материализму, рационализму, «машинизму», математизму и экономизму — продукты Модерна. Реалистическая литература вкупе с реалистическим же искусством, пусть впоследствии и романтизированные — продукты Модерна. Сама цивилизация стала продуктом Модерна, оснастившись промышленными городами, предпринимательством, капиталами, финансами, сферой науки и образования, так называемыми демократическими государствами. И человек весьма изменился, став свободным исследователем, экспериментатором и конструктором, почувствовав себя господином природы и демиургом нового мира.

Модерн — время расцвета «от-человеческого хозяйства», не только противопоставившего себя природе, но и подчинившего ее себе, преодолевавшего ее и переделывавшего, стремившегося к какому-то явно иному — уже вполне и целостно неприродному — бытию.

Если в Премодерне неприрода человеческая вполне помещалась в среде природы, то в Модерне, наоборот, природа оказывается все более в положении зависимой от неприроды ее внутренней части.

В итоге произошел величайший переворот в соотношении между элементами магического четырехзвенника: вместо характерного для Премодерна «Бог — Природа — Человек — Неприрода» Модерн выдал прямо наоборотное: «Человек — Неприрода — Природа — Бог», а затем и вовсе отменил Бога, перейдя к трехзвеннику: «Человек — Неприрода — Природа». Данный переворот, несмотря на многие по его поводу разговоры, до сих пор не осознан в полной мере человеком, — но такое осознание предложено и ведется сегодня философией хозяйства, прямо для такого рода осознаний и предназначенная.

Мир Модерна — вовсе не мир Премодерна. На место природы здесь приходит неприрода — как уже прямо-таки мировая целостность; на место того же ручного труда — технизированный, механизированный, машинный труд; на место созерцательной философии — технологическая и действенная наука; на место равновесной сообразности бытия — неравновесный и непрерывный прогресс; на место того же священного писания — вполне реалистическая литература; на место чуда — эманация человеческого сознания; на место трансцендентного духа — разумная ноосфера.

Модерн — время подъема человеческой демиургии, творческой потенции, заложенной в человеке, созидания нового мира, а потому и прямо-таки *пересотворения мира* — как раз мира, дарованного человеку то ли матушкой Природой, то ли Богом Отцом, то ли еще кем или чем, но так или иначе ставшего средой обитания человека, однако ею — этой средой — не удовлетвовавшегося.

Тут своя тайна: «Почему же человек пошел на пересотворение мира и смог такое пересотворение совершить?». Выходит, что человек и в самом деле какое-то не совсем природное существо, что он имеет и неприродные, трансцендентные корни; что творческая способность человека, реализуемая его сознанием, — тоже какая-то иномерная способность, причем тоже трансцендентного порядка, ибо человек способен воображать себе то, чего нет в данной ему реальности, как бы черпая образы из какого-то... *ничто*; что человек, то ли сохраняя память об ином мире, то ли сообразив, что он из *иного мира*, то ли попросту тяготясь миром природным, держащим его в материальном заточении, вознамерился преодолеть земной мир и покинуть его ради *мира иного*, но так или иначе человек не ограничился приспособлением данного ему мира под свои нужды (кстати, какие? — не физического же только выживания?), а пустился в рискованный путь обретения полной от природы и своей материальной сущности свободы.

Идеология Модерна, или Нового времени, немало, конечно, лукавила, объявив человека и мир материальными и механическими, подвергнув третированию и забвению идеальное и духовное начала, — и сделала это для того, чтобы человек — новый человек — забыл или на крайний случай отставил в сторону, скажем так, устаревшее-де идеальное и отжившее-де духовное начала, мешавшие вольному демиургическому прогрессу, а также поверил в возможность и необходимость именно материально-механических перемен, за которыми маячило обретение нового — *иного* — мира.

Прекрасно понимая, что идеальное и духовное все-таки есть, новомировская идеология постаралась, объявив идеальное и духовное на-

чала всего лишь свойствами высокоорганизованной материи, начинить это идеальное ограничительными правилами поведения и направлятельными законами, а также привлекательными образами если не совсем светлого, то, по крайней мере, лучшего будущего — уже земного, а на крайний случай и вземного, но опять же человеком сконструированного и сфабрикованного.

Рано или поздно, но эпоха Модерна должна была подойти в своем бытии-развитии к какому-то кульминационному моменту, когда должна была свершиться уже не вообразительно авансированная, а вполне фактическая победа человека хозяйствующего над Природой и... Богом Творцом, разумеется, в понимании восставшего против Природы и Бога человека.

И вот такой момент все-таки наступил, что стало ясно как раз на рубеже XX и XXI вв., или на рубеже II и III тысячелетий от Р. Х., когда человеку удалось сотворить не просто целостный искусственный мир, противостоящий природному и его поглощающий, но и самому стать воистину *гиперхозяйствующим субъектом*, ведущим не просто большое и сложное хозяйство, а самое настоящее *гиперхозяйство*, т. е. некое хозяйство ради... самого хозяйства, некое чрезмерное явно и избыточное, во многом, кстати, просто и ненужное для жизни, хозяйство — хозяйство... для... ничто!

Теперь не просто хозяйство ведется человеком, а и само хозяйство ведет человека, ни на миг его от себя не отпуская, все расширяясь и усложняясь. Не столько даже человек ныне хозяйствующий субъект, сколько само хозяйство человеческое является хозяйствующим субъектом, подчиняющим себе любого участвующего в нем человека. Став гиперхозяйствующим субъектом, действующим уже не столько для удовлетворения собственных потребностей, сколько для удовлетворения потребностей вырвавшегося из-под его воли гиперхозяйства, человек вдруг стал и... совсем другим человеком — гиперчеловеком, управляющим свое бытие с помощью и под контролем выходящей за пределы человека, но его крепко охватывающей, *неприродной оболочки*, состоящей из им же созданных материально-механических (технических) устройств, управляющих систем и направляющих институтов.

Человек Модерна усиленно переделывал природу и строил в природе и за ее счет неприродный мир. Наступил момент, когда человек вдруг ощутил в полной мере свою демиургическую победу... почувствовав и осознав внезапно... свою полную зависимость уже не от Природы и Бога, а от построенного им же *искусственного мира* (что может быть, к примеру, с человеком и его миром в случае одного только прекращения подачи в мегаполис электричества, а-а?).

Да, человек построил удобный вроде бы для себя мир, но мир с... катастрофической угрозой собственной катастрофы, т. е. построил вполне *апокалиптический мир*. И дело тут не в одной лишь вероятной техногенной катастрофе, что понятно, — есть тут кое-что катастрофическое и в... самом новом человеке — этом *гиперчеловеке*. Насыщенность неприродной оболочки, рабом которой вдруг стал человек, обращается... опустошением самого человека, его сознания, его духовности, когда человек разучается не только считать и писать, не только действовать самостоятельно, но и... самостоятельно мыслить, что, не прерывая самого по себе мышления, делает человека совсем другим человеком, как, собственно, делает другим и все сознание человека. И чем «пустее» оказывается человек, тем теперь лучше, — «порожнему» легче приспособляться к непрерывно теперь изменяющемуся и зависимому от «вокругсознаниевой» оболочки бытию. Гиперчеловек — вовсе не сверхчеловек с уникальными творческими способностями, это всего лишь зависимая от внесознаниевой среды ее человекообразная часть. Гиперчеловек — в чем-то уже и *постчеловек* (технизированный человек, или же какой-то человекообразный техникум).

Изменяется и ноосфера, насыщаясь технической и институциональной средами. Сегодняшняя ноосфера совсем не та ноосфера, которая была в эпоху Премодерна и даже в эпоху раскрутившегося Модерна. Это уже в значительной, если не в решающей, мере *техносфера* и *институтосфера*, в пространстве которой человек уже не только не подчиненный Природе и Господу Богу носитель и реализатор сознания, не только не свободный от Природы и Бога творец, а всего лишь зависимый от технической и институциональной среды... *игрок*.

Теперь вокруг человека все какое-то ненастоящее, нереальное, зыбкое и слишком изменчивое, калейдоскопическое, мимолетное и мнимолетное, в контексте которого остается только одно — играть, схватывая что-то и тут же теряя, не останавливаясь, не умствуя и не раздумывая, ибо нынешняя ноосфера, сдобренная техникой и институтами, все за человека сама и решает.

Главное теперь — быть в этой самой неоноосфере, приспособиться к ней, участвовать в ней, не вывалиться из нее, а потому и... играть в игру, ею предложенную и ею же ведущуюся, кстати, с мощным теневым и лишенным каких бы то ни было правил подтекстом.

XX в. оказался как раз веком окончательного перехода к *новому миру*, когда человек стал хозяйствовать уже по преимуществу вместо природы и над природой, обращая на природу только одно заботливое внимание — *экологическое*, да и то лишь от страха за свою безопасность, неотвратимую месть Природы.

От жизни в природе к жизни вопреки природе и над природой через жизнь в овладении природой и ее преодолении!

От человека-навигатора к человеку-игроку через человека-творца!

Современность отрицает не только Премодерн, хотя он и остается на Земле, она отрицает уже и Модерн, хотя и он остается на Земле, и осваивается уже с новым состоянием, наследующим Модерн, — с состоянием Постмодерна.

Премодерн — медленное, относительно плавное, постепенное развитие (эволюция) в пределах природы; Модерн — быстрое, резкое, экспоненциальное развитие (скачок) за счет природы и ей в противовес; Постмодерн — развитие в развитии, или гиперразвитие — обновление ради обновления, знание ради знания, конструирование ради конструирования, и все это вопреки природе, вне природы и над природой.

Передовое постмодерновое человечество находится не просто в точке бифуркации (полифуркации), т. е. субъективно-объективного перебора вариантов, а в состоянии некой предвыборной вибрации (флаттера), когда не выбор только проблемен, а проблемна уже сама возможность выбора.

Пока передовому человечеству ничего не остается, как подчиниться гиперхозяйству, но, подчинившись ему, попытаться осознать свое новое положение как хозяйствующего субъекта, более ставшего уже орудием и объектом... человеческого вроде бы хозяйства, чем остающегося собственно человеческим хозяйствующим субъектом. И такое осознание всего более может произойти, а затем и воплотиться в жизнь, где-то на границе передового анклава, там, где меньше постмодерна и где больше соприкосновения с модерном и премодерном, где есть явные неудовлетворения от контактов с постмодерном, где в общем-то больше шансов уйти от постмодерна в запостмодерн, в частности, в неопределившейся еще России, явно ищущей какой-то иной путь и *иной* образ бытия, чем это может предложить передовое постмодерновое человечество.

Едва победивший, Постмодерн уже отрицается — это при всей его небывалой изощренности, — ибо он неестествен, недуховен, искусствен, пуст, хоть и весьма и весьма искусен.

Особенность постмодернового бытия в его всепоглощающей *виртуализации*, убивающей и само бытие. У Постмодерна нет сущности, содержания, наполнения, веса, массы, у него нет онтологии, ему не нужна и гносеология — нет предмета, нет и познания, ибо мир Постмодерна это свободно творимый мир — из самой абстрактной возможности, когда виртуальность уже не столько обслуживает реальность, как это было в Премодерне и даже в Модерне, а подчиняет себе

реальность, ее собою и замещая. Не виртуальность теперь из реальности и для реальности (любые намерения, планы, «прожекты», фантазии, вообще все воображаемое — виртуальность), а реальность из виртуальности, причем настолько значительной по объему виртуальности, что реальность уже тонет в этом гиперобъеме, теряя всякое право решающего голоса.

Этот переворот в соотношении реальности и виртуальности, когда виртуальный мир стал господствовать над реальным, еще не осознан в необходимой мере в человечестве, хотя он уже достаточно осознан философией хозяйства.

Взять хотя бы ту же экономику, какова она сегодня? И ответ тут совершенно однозначен — *виртуальная*! А это значит, что экономика со всеми своими стоимостными параметрами — вполне *произвольная экономика*, не просто исходящая из сознания и в нем разрешающаяся (с учетом ноосферы), но более всего этим самым сознанием верифицируемая и оправдываемая, мало того, как бы объективно им обуславливаемая, когда объективность уже не столько вне сознания, сколько прямо в самом сознании и сидит.

Отсюда вполне допустимый произвол в массах обращающихся денег, величинах и динамике цен, в размерах процентных ставок, в объемах и потоках инвестиций, доходов, что не говорит, конечно, о какой-то экономической анархии, но зато говорит о вольно определяющейся, а лучше сказать — вольно определяемой, экономике.

Но дело вовсе не в одной только экономике как таковой. Огромная, чуть ли не всепоглощающая, масса никому не нужных продуктов, вещей, услуг, товаров; явно чрезмерная масса денег и их заместителей, гипертрофия финансовой сферы, господство финансизма; излишняя и все растущая производительность и чрезмерное потребление ресурсов; чудовищный разрыв в доходах между массами трудящихся и элитарным слоем богатых собственников; тяжелейший информационно-рекламный пресс; никому не нужная инновационная новизна — новизна ради новизны; обилие продаваемых и покупаемых фикций — прав, имитаций, придумок, пустот.

Не мир уже вокруг, а мир-*симулякр*, мнимый мир, лишь изображающий из себя реальный мир. Это мир, как бы оказавшийся в космической невесомости, легкий, парящий, беспочвенный.

Ни языков, ни культур, ни наций!

Достаточно взглянуть на сегодняшнюю Западную Европу, чтобы осознать, что же это такое — мир европейского Постмодерна, с его абстрактным европейцем, толерантными друг к другу странами, политкорректными гендерами, как и с искусственной, ни на чем весомом

не основанной, даже и на национальной чести, денежной единицей — евро. Неумолимо подступает время, когда национальные правительства превратятся в Евросоюзе в местные управы, а парламенты — в местные говорильни. Европа тихо и мирно готовится к поглощению себя жадными до сочной жизни азиатскими ордами, которые не будут ее ни завоевывать, ни разрушать, они просто ее возьмут — как ни с чем не сравнимый щедрый подарок.

Постмодерн проникает везде, он, как чертополох, произрастает повсюду: чего ни коснись, мысленно сразу натыкаешься на постмодерн, на виртуальность, на симулякр, на пустоту. И наука уже в значительной степени там — в постмодерне: сколько в ней теперь бессмысленного, оторванного от реальности, игрового, никчемного. И образование там же — с его поверхностным ознакомлением с часто очень далеким от реальности знанием, обильными пустыми и несуразными схемами, моделями, определениями, ориентированными на бездушную и бездуховную функциональность. Литература и искусство теперь — не более чем развлечение, чье-то и кого-то самовыражение, поддерживающая в сознании мимолетность. Политика — бесконечно назойливый и наглый пиар, а вся общественная жизнь — натужная, безмятежная и показная суета.

Западный Постмодерн, хоть и пуст, но изящен, изобретателен и изворотлив, претенциозен и агрессивен. По-своему и красив, если не забывать, что насквозь гламурен. Простота его кажущаяся, демократичность и либеральность тоже. Все дело в том, что Постмодерн абсолютно паразитичен, он может иметь место только при условии эксплуатации Модерна и Премодерна, точнее, той части планеты, где еще есть история, где постмодерн еще не воцарился.

Постмодерн хорош, красив, ловок, но бесперспективен, он без духа и крови, он — во всех отношениях... *конец!*

В России тоже уже хватает постмодерна, но в отличие от Запада, в России он инороден, неорганичен, бездарен, а потому и примитивен, безобразен и гнусен. У них там постмодерновый пластмассовый фасад, а у нас тут, в России, — захламленный задний двор, если не попросту помойка. У них тончайший аромат, а у нас грубая вонь. Однако... однако в этом и залог будущего России: опершись на Модерн и зачерпнув широкой пригоршней Премодерна, Россия имеет шанс перескочить через разоблаченный и нещадно устаревающий Постмодерн в запостмодерн, а может и вообще уже ни в какой не «модерн», а во что-нибудь другое, что пока можно определить лишь как *Иное*.

Россияне хотят жить и жить по преимуществу по-своему, причем не где-нибудь, а на родных просторах. Среди россиян и в российском

мире постмодерну не удержаться. Отрезвление неизбежно, — Россия очнется, должна очнуться, ибо в противном случае ей просто не быть!

Нация — национальное пространство — национальный мир — национальное хозяйство — хозяйствующая нация!

Империя — имперское пространство — имперский мир — имперское хозяйство — хозяйствующая империя!

Ничего плохого ни в нации, ни в империи для России нет, более того, с ними России только и выжить, и укрепиться, и двинуться вперед.

Против нации и империи — против России!

Сейчас в России господствует не демократия, а *произвольный деспотизм*.

Но на произвольном деспотизме далеко не уехать. Власти пора это осознать и... действовать, совершая нормализующий жизнь социальный переворот — не слишком, быть может, заметный, но зато достаточно эффективный.

От произвольного деспотизма к гражданскому солидаризму, но не на словах, а на деле, — вот, собственно, и все!

Россия переживает *апокалиптический кризис*. Из такого кризиса нет простого и ясного выхода. Тут потребны время и большая переустроительная работа. Ситуация сейчас настолько безвыходна, что выход... должен быть... непременно найден. Между властью и населением потребно единение, которого ныне нет. Цель не оправдывает средства, но она настойчиво их призывает.

Передовой, он же Западный, мир, ставший миром Постмодерна, втянул весь планетарный мир в *глобальный и затяжной*, и тоже *апокалиптический*, кризис. Втягиваясь в глобализацию, ту же экономическую, Россия втягивается и в *мировой апокалиптический кризис* — не более и не менее! Импорт постмодерна — импорт *апокалипсиса*, пусть и внешне пристойного, гламурного, веселого. Кто сказал, что апокалипсис это обязательно бури, войны, пожары, наводнения, разрушения, голоды и моры? Ни в коем разе: самый бесспорный, могучий и действенный апокалипсис как раз бархатный, ласковый, благостный, именно такой, какой и развернулся сейчас в Западном мире, когда не только реальность куда-то вдруг исчезает, заменяясь на виртуальность, но исчезает и сам... homo sapiens.

И на месте исчезнувшего *всего* появляется... *всякое*, но вовсе уже не всё, ибо вместе и со всем исчезает и вся целостность бытия. Ежели без инноваций теперь никуда, то, спрашивается, каких инноваций и для чего? Не скрывается ли за инновационной гонкой даже не симулякры, а уже самая обыкновенная пустота?

Новый стремительно возникающий мир!

Информационный, знаниевый, коммуникативный, игровой, карна-
вальный, непостоянный, прозрачный, неуловимый, быстрый, скольз-
кий, виртуальный. Это мир Постмодерна, всюду эксплуатирующий
вполне еще реальный Премодерн и не потерявший былой реальности
Модерн. Постмодерновая ирреальность, питающаяся непостмодерно-
вой реальностью — и иного тут уже не дано! Этакий *нейронекромир*
— обесточенный и кровососный.

Российский же Постмодерн, слава богу, насквозь безумен, это ка-
кой-то *пато*-постмодерн. В этом его угрюмая сила и в этом же его не-
пременная слабость. Россия должна переварить свой ублюдочный па-
топостмодерн и с отвращением, достойным подражания, смачно вы-
блунуть. Только тогда Россия выздоровеет и обретет наконец-то себя,
разумеется, в каком-то уже ином образе.

Мир не стоит на месте, он изменяется, перегруппировывается, пе-
реиначивается. И Россия у него либо как кость в горле, либо как боль-
шая перспективная надежда. В покое Россию, и саму по себе беспок-
ойную, мир никогда не оставит. И придется России кончать со своим
постмодерновым уродством, защищая себя и себя же продолжая. Ил-
люзия о толерантном-де мире, вокруг России вальяжно распростер-
шемся, скоро окончательно исчезнет, — а непонявшая этого элита по-
просту рухнет в тартарары — по своей же собственной близорукости.
Какие замечательные потрясения ожидают вскорости Россию, ведо-
мую «прихвизгаторами», коррупционерами и глупцами. А какой вы-
мороченной предстанет вскоре Европа, какими всклокоченными и
уродливыми явятся вдруг перед изумленным человечеством США, а
каким драконовским вдруг обнаружит себя Китай! Не зевай, Россия,
любящая поспать да понежиться, — и слава Богу, что Господь и Судь-
ба не дадут тебе долгожданного благополучия и покоя! Счастье ведь не
в благополучии и покое, а в проблемах и в движении. Зазевавшихся —
на свалку!

И дело тут не в пресловутой экономической конкуренции, хотя и в
ней тоже, а в общемировом соперничестве не на жизнь, а на смерть —
и это-то, дорогие неумелые макиавеллисты, надобно особенно хорошо
осознавать, а потому если и кидаться на инновации, то не столько на
конкурентные, сколько на жизненные, прежде всего социальные. Как-
кие же? А как раз те, которые жизнь, а не смерть дают, которые буду-
щее страны обеспечивают. И не план тут потребен в первую очередь, а
проект, вскормленный идеей, замыслом, концепцией и обустроенный
волею — властной, прежде всего. Пиарить, конечно, можно, но все это
до некоторых и уже скорых пределов!

Воля важна, но и ум важен: воля без ума — безумие, а ум без воли — всего лишь безволие. Ум! Страшная вещь, ускользающая. Вроде бы у каждого человека ума хватает, есть как будто бы и коллективный ум, имеет место быть даже целая умственная ноосфера, а ума-то в то же время и нет, того самого — благодатного, который прямо от Софии Премудрости Божией.

Для эгоизма, преступления, халявы, лени, как и для той же глупости, ум всегда есть, причем в избытке, а вот для людей, для общества, для благодетелей, да и для самого ума — ума почему-то всегда не хватает. И оказывается, что ум не иметь надо, а воспитывать, культивировать, поощрять, лелеять, т. е. делать то, чего в России как раз и не делается, а делается все, чтобы никакого служащего обществу и жизни ума вообще не было.

Парадокс? Может и парадокс, но очень уж странный и грустный. Философия забыта, она влачит жалкое существование; да что философия, эта несчастная-де болтология, но и сама наука-царица уже почти забыта, и ей уж досталась жалкая маргинальная доля; образование, о-о! о нем лучше помолчать, в особенности, в связи с громким и нудным «оболванским» процессом.

И всё вроде бы по уму, с умом, умно и... всё невероятно при этом умопомрачительно. Помрачение ума? Почему бы нет. А может, и как-то завороток ума, кем-то удачно подстроенный. Взяли, да и объявили, что наука и образование от Ломоносова, Менделеева, Вавилова, Кондратьева, Курчатова, Королева, Сахарова, Лихачева не нужны вовсе, заслуживая лишь презрения и унижения. Интересно, не правда ли?

И называется все это аутостерилизацией мозгов: от реформы к реформе.

Зачем?

Чтобы войти в Постмодерн, точнее, быть адекватным постмодерновому *без-умию*. Что ж, тоже ведь *сверх-задача*!

Вот тебе и человек-творец, вот тебе и демиург!

Но это еще не все: оставшаяся еще наука и преобразуемое, дескать, по уму образование оказались вдруг... насквозь коррумпированными... вроде какой-нибудь торговли наркотой. Вот уж действительно достижение! Э-эх, наука, наука, э-эх, научное образование, за истину вроде бы бьющиеся, религию отвергающие, философию презирующие, — вот-те и на!

Инфернализация бытия — вот что это!

Явление *антимира* и любых характерных для него *антисистем*.

Феномен *антихозяйства*.

А с экономикой-то как раз все в России порядке: деньги превосходно делают деньги, долларовые миллионеры и миллиардеры процветают и умножаются. Только вот жизни нормальной почему-то нет, будущее позитивное как-то не просматривается, уверенности в самой уже стране нет, да и ни в чем остальном тоже.

Безверие и безнадежье!

Зато *антикультура* какая!

А кто же все это творит, какой-токой демиург? Сами и творим, сами! Хоть и по чьей-то умной подсказке-указке, но ведь сами же, сами! Сами себе яму и роем — *без-умную!*

Философия хозяйства. Странное, понимаешь ли, изобретение ума человеческого, вдруг задавшегося вопросом: «А что, собственно, вытворяет человек на Земле, зачем, да и кто он такой, этот вытворитель, чего же он хочет?».

И вот тут уж частокол вопросов: откуда явился, как, почему, для чего, с какой целью? Поедающий все подряд, в том числе и себе подобных, эксплуатирующий себе подобных, убивающий, издевающийся над ними, пытающий их, держащий в тюрьмах, убивающий... о-о!... тут всего столько... что мы уж лучше помолчим.

Эксплуататор и уничтожитель природы, ее регулярный насильник. Хищник, изничтожитель, опустошитель. Зверь, стало быть! Но... но... и производитель — добровольный и из-под палки, созидатель благ, но при этом и их грубый присвоитель, захватчик, грабитель, вор. Опять же инноватор, творец нового, не просто небывалого, а в природе попросту и невозможного.

Стоп!

Творец неприродного! Того, чего нет в природе!

Следственно, существо не только природное и физическое, но и... *неприродное* и... *метафизическое*. Оно здесь — в природе, в этом мире, но и там — вне природы, в ином мире, точнее, из иного мира. Творец, он и сам сотворен — *иным миром*. Владелец сознания, он сознает, что сознание у него не от этого мира, в котором физически подобные ему животные обходятся без всего этого человеческого — без образов, без воображения, без галлюцинаций, без слов, без языка, без речи, без имен, без денег, без банков, без капиталов, без инвестиций, без письменности, без книг, без компьютеров, без авто, без авиа, без космических полетов...

Тайна тут, сплошная тайна!

Творец, но чего? Ясно, что *иного мира* — уже своего, неприродного, искусственного, но какого в итоге?

Неопределенность в происхождении человека и в самом его феномене, неопределенность в бытии человека (смерть, смерть, смерть!), неопределенность в движении вперед, неопределенность в будущем и... в завершающем конце.

В начале, выходит — *ничто*, и по жизни хватает этого *ничто*, а впереди... тоже *ничто*!

А наука, удрученно закрыв глаза на экзистенциальную трагедию человека, ничего толком ему не сказав и не объяснив, твердит себе одно и то же — вперед, к новым физико-техническим инновациям и устройственным свершениям, к новому и еще более масштабному составу потребительных благ, к новому, еще более искусственному, миру-бытию, в среде которого восторжествует наконец-то земная благодать... но уже, увы, для человека-киборга и общества-человеиника.

Так все и идет — по науке! Заметим, именно по науке и по научной философии. С нарочитым забвением метафизики и метафизической философии, не говоря уже о религии. Вера в науку и технику победила любую иную веру, а вера в инновации победила веру в любую *традицию*.

Когда-то было табу на новшества, а теперь вот табу на традиции: в этом-то как раз и состоит вся суть европейской перерожденческой революции!

Попалась на эту революцию и Россия. Одна из актуальных революционных задач — уничтожение традиции! Любой традиции и любой ценой! Традиционного общества, традиционного человека, традиционной культуры, традиционной морали, а взамен всякие нововведения в виде скоротечных фикций, симулякров, миражей.

Эвапоризация традиции!

Любой и любой ценой!

А обновленческая антитрадиционность названа картинно *возвышением*, хотя на деле это никакое не возвышение, а самое настоящее снижение, если прямо не падение с уничтожением. И пал вдруг российский человек, и опростился, и сдеградировал. И осталась Россия без прежнего человека, хоть и с мириадами новых человекообразных.

Однако без традиций нет и не может быть ни человека, ни общества, ни культуры, ни цивилизации, ни нации, ни государства, ни хозяйства, ни даже экономики, ибо традиция это всего лишь жизнеутверждающая *норма*, она же и *необходимость с ответственностью*, она же и *скрепа*.

Убери традицию и... все рассыпается!

Россия сегодня без традиций — имманентных, органичных, животворных. И зашаталась она, и помутилась, и рассеялась.

Традиция — великое благо, о котором твердит метафизическая философия, достойный и необходимый продукт, о котором твердит философия хозяйства!

Наука, между прочим, как и образование — тоже ведь традиции, но... что с ними происходит... в возвышающемся-де народонаселенческом пространстве?

Философия хозяйства — новшество, рожденное как раз традицией, хоть сама она национальной традицией так пока и не стала. Выясняется, что в современном возвышающемся (и рассыпающемся!) мире ей не место, как не место в нем сущностям и смыслам, идеальному и духовному, сокрытому и трансцендентному, метафизике и вообще *метасмыслологии*.

Без рода и племени, уже и без отца, а то и без матери, без семьи, без принадлежности, без нации, соответственно, и без Родины, а так себе — некое перекасти-поле, нагруженное кое-какими операциональными знаниями и профессиональными компетенциями. Это и есть, кажется, идеальный ныне человек!

И о каком же возрождении России мы говорим, в особенности, единой и справедливой?

Ложь? Да, ложь. Может во спасение, а может, и на погибель.

Тогда какие-же инновации нам всего нужнее?

Совершенно верно: *социальные*, мало того, возрождающие *традицию*, мало того, утверждающие традицию *обновленную*.

А тут уж ум потребен: как в центре так и на местах. Элита особая нужна. Умная и... нравственная. Э-эх, опять мечты, опять утопия, опять... религия, ну уж хотя бы философия... с философией хозяйства в авангарде.

Вот и выходит, что главный продукт в хозяйстве — человек, следовательно — сознание, а потому и идеи, и дух, и культура. Физики всякой вокруг пруд пруди, а... жить... жить-то все страшнее, все бесперспективнее. Опять революция? А почему нет, если и в самом деле культурная — идейная, духовная, моральная? По лекалам и той же философии хозяйства.

А ведь придется!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Метафизика разлада власти и отцов*

Умные историки уверяют, что революции пожирают своих детей. А отцов своих? Отцы революциям не по зубам. Отцов пожирают контрреволюции. И все же даже убийство отцов, даже мертвые отцы служат своему делу, возвышая мысль и сохраняя общество. Убийство отца Гамлета стало величайшей мировой трагедией, формирующей и воспитывающей отцов. Только после убийства отца Гамлет понял, что не просто погиб отец, а совершенно покушение на идею отца, что повлекло за собой разрыв социального времени, крушение царства. А могло ли стать такой же трагедией убийство королевы, которая своей изменой не просто королю, а Отцу народа и принца собственно и запустила конвейер династических и дворцовых убийств? Ведь смерть ее не такая уж простая и невинная: она погибла, выпив по ошибке яд, предназначенный для ее сына, о чем она не знала. Все равно, в ее смерти нет материала даже для уголовного дела. Смерти ей не желал даже погибший от ее измен и ее дел король, но вот промысел решил иначе.

В этом плане вполне правомерно рассматривать всю историю общества как контрреволюционную войну семейных и социальных паразитов против социотворящих отцов. Война эта яростная, беспощадная, допускающая любые средства.

Одним из идеологических средств этой войны является психоанализ З. Фрейда, который с помощью якобы строгой науки создал такой отвратительный и омерзительный образ отца, который может вызвать лишь одно желание — убить!

Речь идет о бессознательном эдиповом комплексе, который Фрейд отождествлял с «отцовским комплексом». Оказывается, всякий мальчик желает убить отца и сожительствовать с матерью. Это мерзкое и непристойное измышление аргументируется историей древнего царя Эдипа. Но ведь Эдип свершил подобное преступление по неведению, а не по свободному своему желанию; узнав правду о содеянном, он ослепил себя, удалился от людей, и его бесследно проглотила земля. Фрейд же видит в неудовлетворенности таких желаний источник нервно-психических расстройств и заболеваний нашего времени.

* Продолжение. Начало см.: Философия хозяйства. 2008. № 3.

Но чем же провинились отцы перед австроеврейским душеведом, что самого отца — источника жизни — он рассматривает как источник болезней личности и общества?

Дадим слово З. Фрейду: «От Дарвина я заимствовал гипотезу, что люди жили первоначально малыми ордами, каждая под насильственным господством старшего самца, который присваивал себе всех самок, а молодых людей, в том числе своих сыновей, карал или убивал. ...Такая патриархальная система нашла свой конец в бунте сыновей, объединившихся против отца, пересиливших и сообща сожравших его. ...Чтобы жить между собой в мире, победоносные братья отказались от женщин, ради которых они ведь и убили отца, и возложили на себя экзогамию. Отцовская власть была подорвана, семьи начали складываться в соответствии с материнским правом» [1, 250 — 251].

Мы видели у Дж. Вико, что специалисты-историки рассматривают институт Отца совсем иначе. Во-первых, никакая малая орда сама собой не сложится без вдохновляющей, организующей и руководящей руки лидера. Поэтому первичными социальными образованиями были созданные отцами семьи, а не орды, невесть откуда взявшиеся. Далее, каким бы ни был сильным фрейдовский самец, он все же не смог бы навязать свою волю и власть остальным ордынцам, не имея в запасе такое оружие, как неизвестные знания и умения. Праотцы не были более свирепыми, жестокими, сексуально агрессивными монополистами, чем другие соордынцы. Сам Фрейд вынужден был согласиться с тем, что после победоносного пожирания отцов, юные каннибалы сразу же убеждались, что семейная власть отцов была не случайна. Оказывается, что отцы умели устраивать кормящее их всех хозяйство, учреждать религиозные культы, брачные обряды, ритуальные погребения, вообще, создавать общество, хранить и защищать его. Они были практически мудрецами, которые знали, что и как нужно делать для продолжения жизни. А каннибальская молодежь хочет жить, но не знает, что и как для этого нужно делать. Оказалось, что молодые каннибалы совершенно не могут исполнять эти социальные функции; поэтому после поедания отцов сразу же начинались междоусобицы, разрушающие орду.

И тогда каннибалы-недоросли пожалели о содеянном; это сожаление, с одной стороны, породило совесть, мораль («Не убий!»), а с другой — поклонение тотемным животным. «На место отца ставился определенный зверь — тотем; он считался родоначальником и духом-защитником, никто не смел вредить ему или убивать его, но один раз в год вся мужская община собиралась для совместной трапезы, на которой столяр почитаемое в прочее время тотемное животное раздиралось

на клочки и совместно пожиралось. Никто не мог уклониться от этой трапезы, она была праздничным повторением отцеубийства, с которого брали свое начало общественный порядок, нравственные законы и религия» [1, 251]. В заключение Фрейд и его сотоварищи узрели сходство тотемной трапезы с Тайной вечерей христиан?!

Более мерзопакостных и античеловеческих текстов-наветов не смог бы придумать даже Мефистофель. Значит, общество, нравственность возникают из отцеубийства; значит, для укрепления общества и нравов нужно побольше «мочить» отцов. Ну и наука! Ну и психология!

Не для психоанализа, а для истины нужно заметить, что поклонение тотемным животным есть конечный пункт деградации человека от своей нормы, а не исходный пункт движения дикарей к нравственности; это и кара за преступления против социально-творческой мысли отцов. Человеческое не начинается с животного, а гибнет в нем вследствие отклонения от своей нормы.

Но этот несусветный бред психоанализа об отцах наших все же отражает некие древнейшие реалии. Несомненно, были, бунты, восстания социальных недорослей, скитальцев, бродяг, шудр и чандал против социального строя отцов. Но тотальной победы над отцами они не добились и до нынешних времен, хотя наш мир больше всего преуспел в разрушении феномена отца и отцовства.

Основным орудием этой контрреволюции чандал стал бредовый постулат о равенстве полов. Бредовый, ибо более нелепого представления нельзя придумать. О каком равенстве мужчин и женщин, отцов и матерей можно говорить, если мужчина-отец не может биологически рожать детей, а женщина-мать не может рожать идеи. Мыслей отца хватит и на женщин, которые вообще-то должны заботиться о воспитании и обустройстве этих мыслей, как отцы должны заботиться о воспитании детей и особенно сыновей, чтобы они могли нести отцовский груз социума. Только при таких условиях у женщин появятся и собственные уникальные мысли, а не бледные копии мужских стереотипов. Стремясь к производству идей, женщины не подозревают, что рискуют своим материнством. Идеи — вечные сущности; поэтому за них нужно платить временной жизнью; не случайно идеи в основном выдвигают мужчины, исполнившие свой отцовский долг и вместе с ним. Гениальность же молодых людей оплачивается, как правило, их биологией, которая исключает из них программу отца. В женщинах же идеи умаляют, отнимают, отрицают их женственность, их женскую суть, не давая им взамен своей творческой благодати.

И не нужно путать: мужчина и женщина, отец и мать должны участвовать в делах друг друга, содействовать друг другу, но не подме-

нять свои уникальные жизненные роли. Подлинное равенство полов осуществимо лишь путем их самопожертвования друг другу и семье, а не путем выравнивания по стандарту некоего среднего мужчины. Равенства мужчин и женщин не было, нет и не будет даже в Царстве Божьем, где мужчины будут все же отличаться от женщин. Это равенство — иллюзия, бред, искусное внушение тех особей, которые не могут, не умеют социально сравняться с отцами, а потому решили уравнять себя с женщинами, которые не заметили в этой социальной лестнице тонко спрятанного паразитизма. Поскольку подлинных отцов остается все меньше, а число паразитов умножается, о чем свидетельствует неуклонный рост цен, то эти несостоявшиеся отцы и искусственные самцы решили сделать своими донорами и матерей, женщин вообще.

Сегодня отца как особую, самостоятельную силу, как сакральный, творческий и духовный принцип как-то тихо устранивают, деформируют, улетучивают. И не только из социума, но даже из религий, даже из самого христианства.

А. Кураев с болью и тревогой говорит о том, что незаметно исчезает христоцентризм православия, у малывается роль Христа!!! Даже в юбилейном 2000 г. не было опубликовано ни одного сборника, посвященного Христу. «Христос в сознании людей умален перед святыми, которые, собственно, и называются святыми только потому, что всю свою жизнь положили к ногам Христа» [2, 307]. Но кто же задвигает Христа на периферию сознания? Ответ содержится отчасти в словах Патриарха Алексия: «Восстановление христоцентричности церковного сознания невозможно без частого приобщения Святым Дарам» [3, 75]. Христоцентричность теряется не простыми верующими, а именно церковью, ее учеными богословами, знатоками и грамотными толкователями Слова Божьего, т. е. Христос теряется теми, кто должен хранить его живой облик.

Но церковно-партийная самокритика святейшего Владыки серьезнее и глубже ее прямого смысла. Не только православие, но и все христианство теряет христоцентризм только потому, что оно теряет отцентризмом; если Бог-Сын вытесняется святыми и Богородицей, то Бог-Отец удаляется в сакральное пространство Ветхого Завета. А в силу неслиянного тождества лиц Святой Троицы, божественность Сына уходит вместе с божественностью Отца, не говоря уже о Духе, который умален до того, что о его Личности почти не говорится¹. С вытес-

¹ П.А. Флоренский отмечает, что в христианском богословии «идеи Отца и Сына разработаны со всяческой тонкостью и, можно сказать, вычеканены довольно». Иначе обстоит дело с пониманием Духа Святого как Личности. «...Все святые отцы и мистические

нением Отца на периферию религиозного духа исчезает само христианство, а церковь обретает черты светского института.

Боюсь, но это мое субъективное мнение, что дело гораздо хуже и вряд ли уже поправимо. Не просто плохие, невнимательные, невежественные, ленивые, увлекающиеся христиане теряют Христа, соблазняясь святыми, но и лучшие из них критически сознаются в этом наистрашнейшем грехе. Хотя и не все, не все христиане ступили на этот путь, но он уже открыт, и все препятствия с него устранены. А может быть, не просто нерадивые христиане умаляют в своем сознании Христа, вытесняют его из центра своей духовной жизни, а сам Христос покидает людей, которые называют себя христианами, но ничегошеньки существенного не знают о нем. Христос, конечно, пришел ко всем людям, но пришел для того, чтобы они набирались христианской мудрости, а не оставались христианскими невеждами. В.И. Ленин требовал от коммунистов учиться, учиться, учиться, ибо «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [5, 302]. Еще более высокие требования должны быть предъявлены к христианам, ибо они должны обогатить не только свою память, но и свой разум, свою веру еще и всеми теми духовными богатствами, которые открыла человечеству Божественная Премудрость, Святая София.

Поэтому лечение христианского сознания состоит, видимо, не только в частоте приобщения к Святым Дарам. Дело еще и в качестве

философы говорят о важности идеи Духа в христианском мировоззрении, но почти никто не выясняет чего-либо отчетливого и решительного. Ясно видно, что святые отцы про себя *что-то* знают; но еще яснее, что это знание так глубоко затаенно, так «неответчиво», так несказанно, что облечь его в отчетливые слова не хватает у них сил. Главным образом это относится к догматистам, потому что им надо говорить определенно и — по существу дела; они-то и оказываются почти немыми, или явно путаются. ...Но, в общем, в среднем, в обычном и личной жизни христианина, вне своих высших подъемов, и повседневная жизнь Церкви, — за вычетом избранников Неба, — *мало, смутно и тускло знает Духа Святого, как Лицо*. ...Около Духа Святого сгущаются все недоумения, затруднения и муки нашей жизни; а в откровении Его — все надежды» [4, 115, 112—113, 111, 140]. Чем только не подменяли Святой Дух! В нем видели и Премудрость Божью, и Церковь, и живое предание, даже Логос, но только не Личность, не Ипостась. А что бы сказал П.А. Флоренский сегодня, узнав, что не только Личность Духа Святого, но и Личности Сына и Отца теснятся в сторону святыми избранниками Неба и невежественными избранниками Земли, заменяя собой Святую Троицу. Однако П.А. Флоренский не обсуждает вопрос, который так и просится быть обсужденным в его контексте. Если уже в первые века христианства богословская мысль по каким-то неясным мотивам отказалась от разработки смысловых определений Духа Святого как Личности, то не тянется ли оттуда ниточка к сегодняшней пропаже христоцентризма?

этого приобщения, насколько оно осмысленно, понято. Верно, что вера без дел мертва. Но без ясного понимания смысла веры сама вера вместе с делами своими тоже мертва. Причем агрессивно мертва, ибо, не довольствуясь собственным невежеством, она тащит за собой и тех, кто пытается понять веру хотя бы для того, чтобы отличить ее от сектантских подделок. Ведь как прекрасно сказано в «Притчах...» о том, что премудрость предшествовала творению, что Бог все сотворил премудростью. И это божественное ведение, обращаясь к людям, вливается и в их слабое разумение, усиливает его: «Я, премудрость, обитаю с разумом, и ищу рассудительного знания». И премудрость учит, что именно «познание Святого — разум», что святость и разум совпадают (Прит. 8, 12; 9, 10).

Вот и нужно для восстановления не только христоцентричности, но и теоцентричности православия (хотя и не только его) непрерывно причащаться к этой премудрости, которая предшествовала творению и вере, которая стала их разумом, рассудком, знанием и которая сохранит в них все то, что сохранило в себе Бога. Вера не спасет, дела не спасут, а спасет священная мысль, лежащая в основе веры и дел. Веру и дела ее нужно просветлять истиной этой премудрости; а истина уже подскажет верные решения. Вся жизнь, богослужение, молитва, вера, дела должны быть пропитаны богомыслием, веромыслием, умоверием, умной молитвой, деломыслием, ибо именно в этих состояниях человека эмпирически, опытно выражаются мистические встречи человека с Ним. Не отклонять мысль от веры, но и не растворять в ней веру, а использовать ее как путь в царство Святой Троицы. Сегодня люди, как и 2000 лет назад, ищут именно то живое Слово, которое ищет духовно еще живых людей. И этот поиск должен быть столь же постоянным, как постоянны вера и молитвы. Россия — творческая лаборатория, в которой Слово ищет своих людей, а люди маются, ищут и не находят ищущего их Слова.

Поэтому Бога теряют верующие, которые ленятся изучать свою веру, не желают учиться вере, забывают о том, что христианин — это вечный ученик, или ученик вечности, для которого учеба является истинным образом жизни; и учеба эта не завершается даже с его конечной земной². Христиане учатся всю земную жизнь и после, чтобы

² Очень хорошо сказал об основном законе христианской жизни Н.В. Гоголь: «Для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик. ...И где для других предел совершенства, там для него оно только начинается». Христианин хранит в себе влекущую силу вечности, которую остальные люди теряют к сорока годам. «Вот причина, почему христианин тогда идет вперед, когда другие назад, и отчего становится он, чем дальше, тем умнее». Общины первых христиан строились как школы. Поэтому,

сдать главный экзамен на звание гражданина Царства Божьего, которым правит опять-таки Отец.

«Слова летят, мысль остается тут; слова без мысли к небу не дойдут» (В. Шекспир). Поэтический диагноз болезни веры точен: безмыслие веру изнутри незаметно точит. Святые Дары сами по себе не спасут веру; только Отец — источник и хранитель *мысли* веры, спасет веру, откроет вновь ее живительный смысл. Есть кризисы разума, интеллекта, спасение и выход из которых находит вера: так было в Древнем мире, заболевшем безумием. Есть кризисы самой веры, спасение которой в осознании ее разума. Не только вера спасает, но и веру спасти нужно, причем не только мечом, но и умом. Таков современный мир, заболевший неверием.

Понятно, что если Отец оказывается не в центре религии, то и в реальной жизни отец вообще теряет статус и качество отца, превращаясь в мужчину-самца или даже в нечто похуже. Даже в иудаизме отец незаметно теряет сакральный статус, превращаясь в мужчину, вернее в делового и денежного мужчину. А деформация, деконструкция, земного института отца неизбежно ввергает человечество в губительный дорелигиозный хаос социального и полового скотства.

В качестве средства разрушения феномена отца и отцовства используется искажение христианства как якобы религии Отца, отрицающего сакральные ценности женщины, матери. Но христианский Бог — это Священная Троица, каждая Ипостась которой пропитана любовью и облечена в нее. Высшим состоянием христианского Бога является любовь, в которой мужское и женское, отеческое и материнское, братское и сестринское начала находят свою общую меру и благодатный смысл.

Земное разрушение отцовства как социального фактора осуществляется в разных формах, но суть их одна — порабощение и уничтожение сыновей. Классическая русская литература пророчески узрела, что сыновья при отходе от отцов неизбежно становятся на путь гибели. Н.В. Гоголь показал, что независимость сына от отца делает его зависимым от чужеземного секса, что оборачивается предательством Родины. И.С. Тургенев показал, что деловое и милое забвение родителей завершается нелепейшей гибелью от случая. Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» дает нам на примере одной семьи общую

уходя из образования и превращая христианское образование в нечто специализированное, христианство уходит из самого себя, теряет свою религиозность. И еще большим вопросом является то, что приходит на место теряющейся в невежестве вере [6, 219].

модель социума, в котором полностью разрушена связь отцов и сыновей. Никто из сыновей убитого Федора Павловича Карамазова, ни Иван, ни Дмитрий, ни Алексей серьезно не задумываются о создании здоровой семьи с нормальным отцом, который мог бы держать хотя бы разумный образ жизни. Пожалуй, лишь убитый старик, отец своих сыновей-недорослей, наиболее серьезно помышляет о создании семьи, о продолжении отцовства.

О глубоко продуманном разрушении института отцовства в современном цивилизованном мире, особенно в России, свидетельствует слово «безотцовщина», которое в XX в. трижды накрывало Россию своим черным саваном.

Безотцовщина прокатилась по России после Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны. К чести Советской власти нужно сказать, что было сделано все возможное и невозможное, чтобы смягчить последствия этой трагедии, ибо заменить погибших и пропавших без вести отцов ничем нельзя. И роль отца взяли на себя партия, государство, особенно, его вооруженные силы, профсоюзы, школа. Трудно как-то измерить масштабы и эффективность этой работы. Но они справились с этой бедой не хуже, чем ранее с ней справлялись монастыри. С их помощью первая безотцовщина возродила в себе когорту социальных отцов, которые внесли свой вклад в то, чтобы удерживать и поднять страну в 1941—1945 гг. Реальную картину этой работы представляет уникальный педагогический опыт А.С. Макаренко.

Следующая волна безотцовщины прокатилась по стране после Второй мировой войны. Но и она была — насколько это возможно — усыновлена посредством уже выработанных социально-педагогических форм государства.

И вот к началу XXI в. нахлынула третья, «демократическая», безотцовщина, которая явилась следствием не исторических катаклизмов, а всецело рукотворным, искусственным изделием невидимых, но известных рук западных гуманистов и «борцов за права человека». Родители-то в большинстве случаев «демократической» безотцовщины есть, но дорасти до отцов им не дало и до сих пор не дает государство, СМИ, масса благотворительных фондов типа «Планирование семьи», которые с помощью наисовершеннейших информационных технологий денно и нощно доказывают детям и молодежи, что отцы, да и семья — это устаревшие, вредные и опасные атрибуты, угрожающие современной полноценной жизни. Нет, мол, никакой проблемы отцов и детей, ибо нет ни отцов, ни детей. Вернее, они есть, но жить нужно так, как будто их нет, как будто сама жизнь отбросила эту проблему в число решенных задач, сослала ее на свою периферию. А что есть, или

становится, или будет вместо отцов и детей? О, об этом пока не нужно думать, да и свобода не требует таких размышлений.

Если первую и вторую волны безотцовщины еще можно с натяжкой списать на исторические обстоятельства, то третья волна уже превратилась в настоящий потоп изуверства благодаря именно государству, которое ведет политику разрушения всяческого семейного уклада, заменяя его искусственными смесями населения со всех углов земли.

«Детоубийство», «Раствление детей»,— так называются главы книги Владимира, архиепископа Ташкентского и Среднеазиатского. А вот выдержки из этой книги: «...Вся огромная Россия превращена в огромное “Иродово царство”. В России на одного рожденного ребенка — приходится (три!), убитых в материнской утробе. Вдумайтесь: три миллиона детских трупикиков ежегодно выбрасывается в канализацию. Эти невинно загубленные души вопиют к Господу об отмщении! Это самый страшный и самый преступный способ разрушения нашей родины. ...**ЛЮДИ СТРОЯТ СВОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НА КРОВИ СОБСТВЕННЫХ ДЕТЕЙ!** Это какое-то очень серьезное повреждение не только человеческого, но даже и звериного инстинкта. Такой кровавый фундамент корежит все общественное здание». Но и уцелевших от гильотины аборт ожидает гильотина безотцовщины: «Два миллиона беспризорных детей — такого не было в России и во времена гражданской войны! Два миллиона беззащитных людей скитается по стране. ...Я не понимаю, как можно спокойно есть, спать, наслаждаться жизнью, когда в стране такое количество обездоленных людей». Но не так уж они обездолены! Черная судьба заботится о них, превращая их в материал рынка: «**В РОССИИ СОЗДАН РЫНОК ДЕТЕЙ, НА КОТОРОМ РОССИЙСКИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНЫМ**» (В книге архиепископа эти и другие предложения так и пишутся большими буквами.) [7, 220, 222].

Все попытки Церкви взять опеку над этими детьми, пристроить их в семьи, а не в монастыри, вопреки принятым даже законам пресекаются любыми средствами. Детей выгодней продавать для разврата и как биматериал за рубеж! Поэтому термин «безотцовщина» происходит из словаря человекоубийцы, создавшего рынок детей. А для рынка детей нужно изъять из семьи, из-под опеки отцов. А для этого нужно поднять детей на бунт против отцов.

Господи! Да люди ли это делают? Алеша Карамазов! Где ты со своей наивной монашеской молитвой «Расстрелять!»?

Поэтому за видимым отсутствием социальной проблемы отцов и детей скрывается нечто другое. Отцы и дети есть, но они в своем социальном бытии исполняют не свою волю, а волю чужих отцов и детей,

которые предпочитают до поры до времени оставаться в тени и вести разрушительную работу семьи руками самих же домочадцев, чтобы затем высвободившийся антропологический материал использовать для постройки другой социальной структуры, основой которой станет матрица «господа — рабы». Эта матрица является глубочайшим основанием всех дохристианских и нехристианских обществ. Эта матрица стала основой и западной цивилизации, которая очень быстро превратила христианство из социальной цели в средство укрепления своей генетически первичной рабской матрицы. Закрепившись в языке, эта матрица стала даже основной и якобы естественной формулой этикета и вежливости в западном мире. Но словообращение «Дамы и господа!» — лишь верхушка социального айсберга, предполагающего наличие рабов и не-дам (или — дамцов!), опирающегося на них, живущего ими.

И якобы исчезающие в России отцы и дети на деле становятся питательной средой этой паразитической социальной структуры, ее антропологическим донором. Причем и отцы, и дети становятся в равной мере рабами, хотя современное электронное рабство может восприниматься ими как великое благо. Но момент истины, прозрения все же наступит. И тогда дети, подобно библейскому блудному сыну, осознают себя, придут в себя, поймут истинную цену вещам и делам, занимавшим их, вернуться к спасительной мудрости отчего дома.

И тогда все станет ясно. Отношения отцов и детей являются неясной и неразрешимой проблемой лишь в России, а для западных отцов и детей эта проблема решается путем превращения других отцов с их детьми в своих рабов. Но это превращение социальных структур «отцы и дети» в социальные структуры «господ и рабов» наукой не замечается, ибо формально, в качестве антропологического симулякра, отцы и дети сохраняются.

Интересно, что при всей противоположности коммунизма и капитализма эти социальные монстры совпадают в своем тотальном отрицании семьи, усматривая в ней своего главного врага. Капитал вытесняет семью и родительские отношения социально-классовыми ролями, а коммунизм заменяет их общественным воспитанием³.

Христианство же пыталось посредством сакрализации отношений «отцы и дети» преобразовать строй «господа и рабы» в дружественный

³ «Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен,— кричит нам хором вся буржуазия». Ответ: «Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда» [8, 444]. Интересно, когда именно и где не было общности жен, и у кого она почти всегда существовала?

союз детей Бога. Христос говорил апостолам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями...» (Иоан. 15, 15). Но господа с помощью своих рабов и с помощью чужих детей, внушив им отвращение к своим родителям, сумели и христианский порыв к жизни с Богом превратить в средство сохранения рабства, в орудие укрепления только одной — господской — касты отцов и детей. Ибо господствующие отцы и дети знают: чем крепче родительские узы, тем крепче и совершеннее социальный строй. Поэтому они не жалеют никаких средств, чтобы внушить порабощенным отцам и детям гиблую мысль о том, что первоисток рабства служит семья, институт отцов; и, следовательно, выход из рабства требует отрицания родительских отношений, замены их социально-групповыми и классовыми общностями. Тайна современного мира сокрыта в незримой власти той касты «отцов и детей», которая в совершенстве овладела средствами разрушения социальных структур «отцов и детей», превращения их в своих антропологических доноров. Провоцируя разлад отцов и детей, эта незримая семейная каста с помощью этого разлада использует их для эксплуатации жизни, для паразитирования на ней, для превращения жизни в средство бесконечного (и бессмысленного) умножения богатства, власти, порока, в орудие достижения искусственного бессмертия.

Но поднявший меч, от меча и погибнет. Семьи, поднявшие метафизический меч против отцов и детей других семей, погибли от детей своих же детей, которые используют это страшное искусство для продолжения своей уже бес-семейной жизни в качестве донора главного Холостяка мира.

Сегодня к уничтожению института отцов незаметно подключены и женщины, которые постепенно вытесняют мужчин из большинства областей общественной жизни, но особенно — из сфер интеллектуального труда, лишая их возможности из родителей стать отцами. Все правильно и неизбежно! Доминирование мужчин, не желающих и не умеющих быть отцами, неустойчиво, и они рано или поздно будут изгнаны отовсюду женщинами, которые умеют быть матерями, желают быть ими, но не... могут. А не могут, потому что нет отцов, сам облик которых служил бы женщинам зеркалом, в котором они могли бы видеть свою подлинную материнскую суть. Ибо достоверность, самостоятельность, автономность женщин следует именно из отцовской реальности мужчин.

Сегодня женщины ведут отчаянную борьбу за равенство с мужчинами. А за что остается бороться мужчинам? Равенство с женщинами ими заведомо недостижимо. Остается одно: бороться за обретение он-

тологического статуса отца, ибо без этого статуса все их остальные звания и достижения теряют свой смысл, а главное — обрекают их детей на обновляющееся вечное рабство, лишаящее их даже человеческого образа.

Новое существо после революционных потопов XX в. вынашивается сегодня в Интернете; это даже не человек, даже не человекообразное существо, а некое искусственное создание, которое уже не имеет с человеком никакого содержательного и даже образного сходства. Повторяется в чем-то ситуация, исследованная Дж. Вико: снова появляются дикари, т. е. толпары, которые без социально организующей руки отцов погибнут. Но обрести статус отца сегодня крайне трудно, ибо полноценными отцами, умеющими творить социум, могут быть лишь те мужчины, которые знают, что будет в социуме и с социумом после Интернета, после установления коварной власти виртуальности и после ее свержения. Но знающие свое незнание одолеют его.

Принцип отца выше класса, сословия, касты, нации, племени, народа, ибо он составляет их «перводвигатель», творящую и конечную причину социальности, человечности вообще. Отцы буквально вбивают в нас правила, которые весьма существенно корректируют племенные, национальные, сословные, классовые, государственные законы, которые учат жить, сохранять жизнь даже в условиях цивилизационного и общественного беззакония и хаоса. Отец выживет, переживет гибель любой социальной формы, разруху всего устройства человечества, и затем снова, как Ной, начнет его божественное возрождение.

Поэтому отец выше всех иллюзий, заблуждений, обмана, кумиров, идолов, соблазнов и пороков, ибо в нем и посредством него сама жизнь занята делом своего самосохранения. А жизнь саморазрушением не занимается; это удел отпавших от жизни, удел паразитов. Заблуждаться, соблазняться, поклоняться идолам, предаваться порокам могут лишь те существа, у которых жизнь уже изъята своей, которых она отвергла от участия в своей главной мистерии продолжения искупления греха смертного...

Удивительно, но идея отца как метафизического творца социальности живет и действует даже в условиях ее тотального отрицания. В книге Ю.М. Осипова «Отец» мужественно повествуется о малом чуде и великой трагедии превращения родителя, Михаила Яковлевича Осипова, в Отца с большой буквы, в идею и в метафизический образ вечного Отца.

Ю.М. Осипов создал об отце уникальную книгу, не имеющую аналогов в научной, публицистической и биографической литературе. Уникальность ее состоит в том... а лучше пусть скажет сам сын, для

которого родитель был не просто отцом, а «*феноменом-отцом*, или *феноменом отца*, т. е. не физическим только отцом, но и *метафизическим*, если хотите, и *сакральным*. И здесь нет никакого романтического преувеличения, если просто задуматься над уже уходящим *феноменом отцовства*, который вовсе не к образованию зиготы в материнском чреве сводится и не к пресловутому кормлению жены и детей, ибо были и есть вещи куда как повыше и поважнее». [9, 4, 108]. Отцы вершат волю Бога на земле, воплощая ее в социальных общностях по образу и подобию семьи человеческой и святой.

Отец автора книги по зову сердца и приказу партии ушел в стихию хаотической тамбовщины, где общинный строй и зародыши капитализма были уже разрушены, а новый социалистический уклад никак не приживался. И Михаил Яковлевич Осипов проявил себя как подлинный Отец, создав посредством новой идеи и вокруг нее новый малый социум, коллективистскую социальность в форме процветающего колхоза, которую уже свыше пятидесяти лет не могут выкорчевать недруги социального отцовства.

Облик, труды и дни М.Я. Осипова вполне соответствуют метафизической идее отца у Платона и метафизическому образу отца у Дж. Вико. Он создал новый социум, для которого стал «Мудрецом, Жрецом, Царем» — продолжателем живой цепи Отцов, хранителей социальной формы жизни. Он даже позаботился об апокалипсическом пире для разорителей созданного им социума! Ибо идеи и метафизические образы, проявляемые в феноменах, вечны, непреходящи; они возвращаются к нам из будущего в обликах новых феноменов. И они снова неотвратимо проявились в феномене Сына-Отца.

Сам Ю.М. Осипов неизбежно предстал как Отец, да, да, как Отец, создавший посредством идеи новую свободную социальную общность — Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, Философско-экономическое ученое собрание», журнал «Философия хозяйства», — общность, в рамках которой духовно живые спасают свою душу, свой интеллект, свои знания и умения для нужд непокоренной России. Эта социодуховная и научная общность — одно из самых уникальных, плодотворных и удивительных творений именно отцовского гения. Никто не избирал, не назначал Ю.М. Осипова коллективным главой этой общности, но все естественно подчиняются его Умению поддерживать живой огонь ее мысли. Такой подвиг под силу лишь отцам, за что они заслужили свой трагический удел в истории и свой метафизический удел у вечности.

Благодатное социальное творчество отцов продолжается и поныне, храня общество, но наука, искусства, политика не знают его, а потому

не видят, не замечают его, не поддерживают его. Одна лишь Церковь и вера осталась последними стражами идеи Отца, воздавая наш неоплаченный долг отцам молитвой «Отче наш!».

Литература

1. *Фрейд З.* Психоанализ. Религия. Культура. М., 1997.
2. *Кураев Андрей, диакон.* Неамериканский миссионер. Саратов, 2006.
3. *Алексий, Патриарх.* Войдите в радость Господа своего. М., 2004.
4. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. Ч. 1. М., 1990.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41.
6. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М., 1986.
7. *Владимир, Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский.* Слово, растворенное любовью: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий о современной России и ее Церкви. М., 2001.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.
9. *Осипов Ю.М.* Отец. М., 2007.

И.А. ГОРЮНОВ

Экономика знаний: от когнитивного капитализма к научному коммунизму?

С утверждением, что только на инновационном пути развития Россия имеет шансы сохранить статус великой державы в российском обществе, вряд ли кто будет спорить, тем более что высшее руководство нашего государства продекларировало стратегическую цель своей деятельности в обеспечении перехода страны на инновационный путь развития.

Однако в нынешней ситуации дело не в провозглашении целей развития, а в том, с помощью каких механизмов обеспечить переход России на инновационный путь. Между тем сделать это очень трудно или вообще невозможно, если мы не поймем, что представляет из себя нынешний этап социально-экономического развития, каковы его существенные черты и движущие силы.

Для обозначения нынешней стадии развития используются различные термины: постиндустриальное общество, информационное общество, экономика знаний и др. Некоторые исследователи, к числу которых принадлежим и мы, указывают на наступление новой исторической эпохи в развитии человечества — эпохи Постмодерна, т. е. обще-

ственного устройства, принципиально отличающегося как от общества Модерна, (парадигмальные основания которого были заложены на рубеже XVI — XVII вв. в Западной Европе), так и Премодерна — классического традиционного (докапиталистического) общества во всех его проявлениях.

Строго говоря, эпоха Модерна есть не что иное, как господство капиталистического (или индустриального, если принимать во внимание существование с 1917 г. параллельно с капитализмом и социализма) способа производства. Следуя нашей методологии, закат общества Модерна есть закат капитализма, а отнюдь не его абсолютное торжество в смысле пресловутой концепции «конца истории» Ф. Фукуямы.

В этой ситуации очень интересно и важно рассмотреть переходные социально-экономические формации от эпохи Модерна к эпохе Постмодерна. И такой формацией, на наш взгляд, является «когнитивный капитализм» — особая стадия развития капитализма, которая приходит на смену промышленному, или индустриальному, капитализму XX в.

Термин «когнитивный капитализм» — детище коллективное. Впервые это выражение стали применять итальянские марксисты, опираясь на заложенную еще Антонио Грамши «культурологическую» традицию исследования взаимоотношений между государством, обществом и личностью. Позднее он был подхвачен французскими социологами и экономистами из лаборатории «Изис-Матисс» (университет «Париж-I»). В настоящее время это словосочетание начинают использовать некоторые российские исследователи (например, Михаил Маяцкий), которые считают, что термин «когнитивный капитализм» в отличие от таких уже ставших привычными понятий, как постиндустриальное или информационное общество, экономика знаний и других, дает возможность в несколько ином ракурсе увидеть окружающую нас социально-экономическую реальность. А сам исследовательский подход с позиций «когнитивного капитализма» позволяет выявить ранее неизвестные глубинные причины происходящих в современном мире процессов.

Определение когнитивного капитализма

Что же такое *когнитивный капитализм*? Строгого определения этого термина нет. Пытаясь дать дефиницию этого понятия, Бернар Польрэ отмечает, что «когнитивный капитализм» — это вид капитализма, в котором знание (в самом широком смысле этого слова, включающее результаты научного и других видов познания) становится доминантой в процессе капиталистического накопления» [1, 73].

Вообще гипотеза о вступлении капитализма в новую стадию, названную исследователями данного направления когнитивным капитализмом, отталкивается от идеи о том, что на современном этапе развития общества знания (прежде всего фундаментальные) становятся основным источником получения прибыли. Другими словами, основанный на знании и творчестве⁴ труд и неразрывно связанный с ним тип накопления имеет тенденцию занимать в динамике современного общества центральное положение.

Б. Польрэ подразумевает под когнитивным капитализмом такой тип капитализма, который, не меняя своей сущности, превращает производство, социализацию и потребление знаний в доминирующие в общественном разделении труда и получении прибыли виды деятельности. Эта ориентация на накопление знаний заменяет собой вид накопления, который преобладал в промышленном капитализме и предпочитал вложения в машины и в организацию труда [1, 73—74].

Новой форме капитализма пока еще «присущ характер тенденции, а не свершившегося события» [1, 109]. Поэтому использование термина «когнитивный капитализм» представляет собой не что иное, как попытку заострить внимание на особенностях современного этапа развития капиталистического общества. Французская исследовательница Антонелла Корсани уточняет: не образуя законченной теории, подход с позиций когнитивного капитализма есть попытка понять глобальные мутации современного буржуазного общества, влекущие за собой наступление нового этапа его развития [2, 123].

Однако концепция когнитивного капитализма не является гипотезой о появлении новой (постфордистской) производственной модели. Это гипотеза для объяснения «новой логики глобального функционирования капиталистических экономических систем» [1, 109].

В современном мире именно информация является тем критическим ресурсом, от которого зависит конкурентоспособность компании и получение ею сверхприбыли. Соответственно, ведущая роль информации, прежде всего фундаментальных знаний в получении сверхприбыли, радикальным образом меняет весь процесс производства, вообще социально-экономическую реальность, в которой живет и действует человек XXI в.

⁴ «Знание — это то, что делает возможным проявление и утверждение творческого разума» [1, 103].

Для адекватной репрезентации этой реальности нужен соответствующий (новый) понятийный аппарат⁵, так как в «экономике знаний», или «когнитивном капитализме», меновая стоимость материальных и нематериальных товаров зависит не от количества содержащегося в них совокупного общественного труда, а от содержания в них знаний, информации и интеллекта. Иначе говоря, стоимость возникает главным образом в процессе создания новых инновационных продуктов и технологий, ее прежде всего создает нематериальный труд, величину которого принципиально невозможно измерить.

Научное познание и новейший капитализм

Несмотря на различия в подходах, все исследователи когнитивного капитализма видят в этом феномене мутацию буржуазного общества, не менее важную, чем переход от торгово-мануфактурного капитализма к промышленному. Однако, на что обращает особое внимание Б. Польрэ, гипотеза «когнитивного капитализма не должна привести ученых к некому “прогрессистскому” прочтению экономического развития, к составлению некоей естественной и детерминистской истории капитала» [2, 127]. Когнитивный капитализм, безусловно, закономерная стадия в развитии буржуазного общества, но главное, на что надо обратить внимание при его исследовании, — это постараться понять суть происходящих в его «парадигмальных основаниях» изменений, выявить, какие возможности для развития открывает нынешняя форма капитализма, а также указать на опасности, которые могут встретиться а этом пути.

Указывая на ведущую роль знания в когнитивном капитализме⁶, сторонники этого направления исследований отмечают, что, строго говоря, без постоянной мобилизации науки и технологий на получение прибыли развитие капитализма и стремительный экономический прогресс были бы невозможны. Так, промышленная революция вряд ли бы произошла, без сложившихся еще в XVIII в. тесных отношений между наукой и товарным производством. Как известно, в основе про-

⁵ По мнению одного из теоретиков когнитивного капитализма Андрэ Горца, распространяющаяся сейчас экономика знаний — это «капитализм, пытающийся по-новому определить свои основные экономические категории: труд, стоимость и капитал». Более того, он даже настаивает, что когнитивный капитализм — это капитализм, переживающий крушение этих своих основных категорий, которые выражаются исключительно в обмене товаров и имеют общую субстанцию: измеримый в единицах времени абстрактный, товарообразный труд [3, 47].

⁶ Слово «когнитивный» подчеркивает центральное место знания, прежде всего научного, на современном этапе развития капитализма.

мышленной революции лежало активное взаимодействие науки (той, которую бы мы сейчас назвали прикладной) и капитала.

Поэтому, работая в рамках гипотезы «когнитивного капитализма», следует уточнить связь между современной наукой и современным капиталом⁷ в новейшем капитализме.

До вступления буржуазного общества в стадию, называемую нами «когнитивный капитализм», трансформация социально-экономической реальности и природы, осуществлявшаяся капитализмом (в результате которой он сам претерпевает изменения), являлась производной от накопления знаний, воплощенных в машинах (орудиях труда) и технологиях (способах организации труда). При этом организованное на основе этих знаний производство было нацелено на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей людей.

В когнитивном капитализме знания начинают накапливаться прежде всего не в оборудовании и технологиях («металле»), а в виде «информации» в информационно-коммуникативных сетях. Творчески обрабатывая эту информацию, можно создавать самые разнообразные «изделия» и «технологии» (в том числе социальные), радикально и стремительно меняющие техно- и социосферу, в которой мы живем.

Иными словами, по мере развития капиталистического общества (на что первым в «Философско-экономических рукописях» обратил внимание К. Маркс) положение «абстрактных знаний» (сейчас мы их называем фундаментальными) становится господствующим в системе общественного производства. Развивая эту мысль Маркса в своем знаменитом «Фрагменте о машинах», П. Вирно пишет: «в силу автономии по отношению к производству абстрактное знание имеет тенденцию к тому, чтобы стать ни больше ни меньше как главной производительной силой, отодвигая на задний план расщепленный на повторяющиеся операции труд. Встает вопрос о знании, объективированном в основном капитале, о знании, воплощенном (или точнее, “вометалленном”) в автоматизированной системе машин» (цит. по: [1, 74]). Сейчас, с учетом современных реалий, точнее было бы сказать не о «вометалленном», а об «оцифрованном» (с целью его максимальной пригодности для обработки с помощью вычислительной техники) знании.

⁷ Современный капитал есть не что иное, как глобальный финансовый капитал, функционирующий по всему миру с целью извлечения сверхприбыли.

Союз фундаментальной и прикладной науки как базовое условие возникновения когнитивного капитализма

Характерная черта современной экономики знаний, или когнитивного капитализма, — наличие механизма использования результатов широких фундаментальных исследований в самых различных сферах жизнедеятельности общества. Конечно, фундаментальные знания производились и использовались и в индустриальную эпоху, но только сейчас (со вступлением капитализма в постиндустриальную фазу развития) они стали основой для создания почти всех новых изделий и технологий.

Однако для того, чтобы этот механизм превращения знаний в инновационный продукт был создан, потребовалось сломать существовавший с момента зарождения современной науки (рубеж XVI — XVII вв.) барьер между фундаментальными и прикладными исследованиями⁸. Вектор фундаментальных научных исследований с момента их зарождения определялся свободным творческим поиском ученых и логикой развития науки. Что касается прикладных исследований, то они всегда были нацелены на решение практических задач, а со временем их проведение стало оговариваться заказчиком определенными сроками и ответственностью за их выполнение.

Как отмечает, например, А.М. Финкельштейн, ученые первой группы были, как правило, плохо знакомы с современными технологиями, структурой промышленного производства, некоторыми существенными организационными и финансово-экономическими вопросами хозяйственной деятельности. Исследователи второй группы неудовлетворительно ориентировались в специфике фундаментальных знаний и, обычно, не были знакомы с применяемыми в области фундаментальных исследований методами. Как следствие этого, при видимой принадлежности к одному сообществу «фундаментальщики» и «прикладники», по сути, являлись представителями двух различных типов культур [4, 83].

⁸ Современную науку можно представить в виде следующих областей: фундаментальные исследования (basic researches), нацеленные на создание предельно широких представлений об окружающем мире; ориентированные прикладные исследования (oriented basic researches) — знания, которые могут быть использованы для решения практических задач; прикладные исследования (applied researches), нацеленные на решение конкретных практических задач; экспериментальные разработки (experimental developments), конечной целью которых является создание и внедрение в промышленность новых материалов, изделий и технологий. Подробнее об этом, в частности, см.: [4, 73].

Однако трагический опыт Второй мировой войны (потребовавший создания сложнейших систем вооружений, базирующихся на знании фундаментальных физических законов) заставил представителей фундаментальной и прикладной науки, действовавших в интересах оборонной промышленности, найти общий язык.

В послевоенный период, особенно когда в мире разразилась «холодная война», начали действовать процессы, которые привели к окончательному размыванию жесткой границы между фундаментальной и прикладной наукой. И связано это было прежде всего с тем, что термоядерный и ракетный проекты, планы по развертыванию систем стратегической авиации и атомного подводного флота, работы в области химического и бактериологического оружия и т. д. без координации усилий между представителями фундаментальной и прикладной науки, а также работниками промышленности и системы образования реализованы быть не могли.

Как следствие этих интеграционных процессов, с одной стороны, «фундаментальные исследования, даже подчиненные лишь весьма отдаленным и опосредованным потребностям общества, начали использовать все наиболее значимые технические и технологические достижения прикладной науки» [4, 83]. Яркие примеры подобного рода: работы в области физики элементарных частиц и космические исследования.

В то же время разработчики новой техники для решения сугубо прикладных задач «впрямую стали использовать самые передовые теоретические концепции, фундаментальные физические теории и средства самых развитых разделов математики, которые ранее традиционно применялись только в чистых фундаментальных исследованиях» [4, 83]. Сегодня работы в области твердотельной электроники базируются на такой фундаментальной физической теории, как квантовая механика, а общая теория относительности активно применяется, в частности, при создании современных навигационных систем.

В перспективе ликвидация барьеров между наукой, образованием и промышленностью позволит создать (в рамках страны или группы государств, как это, например, пытается сделать Европейский союз) единый инновационный комплекс, нацеленный на производство новых изделий и технологий для их использования в различных сферах жизнедеятельности общества.

Регулирование всей совокупности жизни с помощью знаний: творение жизни

Итак, в современном, использующем автоматизированные системы управления и информационно-коммуникационные технологии обществе фундаментальное знание занимает положение главной производительной силы. Именно в этом отличие статуса фундаментальной науки по сравнению с социально-экономическими системами прошлого.

Причем, и это очень важно, практическое использование результатов фундаментальных знаний становится эпицентром не просто промышленного, а всего общественного производства. Иначе говоря, творческая сила фундаментальных знаний проявляется в организации всего «жизненного контекста» или, по выражению Б. Польрэ, «всей совокупности жизненных обстоятельств» [1, 74].

Иными словами, когнитивный капитализм есть нечто большее, чем просто новый способ постиндустриального производства, — это, по сути, производство жизни во всем ее многообразии. Как следствие этого, по мнению А. Корсани, в когнитивном капитализме производятся уже не столько товары, сколько само «живое»: тела, организмы, различные формы жизни и т. д. [2, 130].

А раз так, то при когнитивном капитализме стремительно возрастает роль таких сфер общественного производства, как культура (от овладения которой зависят креативность мышления людей, их способность к творчеству, желание и умение принимать инновационные решения и производить инновационные продукты), образование (сфера общественного производства, максимально способствующая раскрытию потенциала человеческого капитала), исследовательская деятельность (прежде всего нацеленная на производство фундаментальных знаний), здравоохранение (область, призванная сохранять здоровье и продлять жизнь людей, выявлять на ранних этапах развития человека его предрасположенность к различным, прежде всего интеллектуальным, видам деятельности) и информационной сферы (умение квалифицированно работать с самыми разнообразными источниками информации и регистрами знаний). Эти области общественного производства и общественной жизни становятся базой когнитивного капитализма.

По сути, происходит становление новой цивилизации, основанной на массовом (можно даже сказать, промышленном) производстве и массовом использовании фундаментальных знаний. Сегодня уже не только и не столько предприятия производят, распоряжаются и ис-

пользуют знание. Вследствие стремительного развития информационно-коммуникационных технологий огромная часть экономического пространства принадлежит обширным и разветвленным техническим комплексам, которые выходят далеко за пределы одной фирмы. Процесс производства знаний неминуемо становится общественным и диффузным. По сути, все общество превращается в производителя и потребителя знаний, прежде всего фундаментальных.

В когнитивном капитализме уже не принадлежность индивида к тому или иному сектору деятельности, а именно способность к креативному мышлению, творчеству, установлению коммуникационных связей, к производству инноваций и т. д., т. е. создание добавочной стоимости эпохи постиндустриализма, определяют природу человеческой деятельности [5, 114—115].

Роль государства в когнитивном капитализме

Центральное положение в новом обществе фундаментальных знаний и создаваемых на их базе инноваций, естественно, не остается без последствий для государства и проводимой им политики. Новый капитализм требует радикальной трансформации существующей буржуазной государственной машины, которая должна не просто воспроизводить «весь жизненный контекст», в котором живет человек, но и обеспечивать его стремительное обновление за счет всевозможных инноваций.

Возникает государство, которое своей главной целью ставит усиление национальной конкурентоспособности за счет политики, поддерживающей исследования и разработки, продвигающей свой инновационный «товар» («продукт») на мировой рынок. Такое государство часто называют «шумпетеровским» — производное от фамилии известного экономиста, социолога и историка экономической мысли Йозефа Шумпетера, который первым обосновал концепцию такого государства.

Наряду с наукой одним из важнейших направлений политики шумпетеровского государства является образование. Прежде всего потому, что именно оно занимает центральное положение в воспроизводстве «всего жизненного контекста» когнитивного капитализма. В конечном счете именно от «эффективности» деятельности образовательной системы зависит интеллектуальная и производственная мощь национальной экономики.

Вследствие важности сферы образования, науки в жизни общества у правящих элит в эпоху когнитивного капитализма возникает желание полностью подчинить эти области человеческой деятельности

стоящим перед шумперовским государствам задачам. А так как современная наука и образование тесно связаны со всем «жизненным контекстом», то возникает искушение подчинить логике капитализма (логике и критериям рациональности или рентабельности, якобы действующим в «чистой» экономике) и весь «жизненный контекст» социума, т. е. отменить социальную иррациональность «кейнсианского капитализма», под которой неолибералы подразумевают автономизацию науки, образования и социальной сферы⁹. Иначе говоря, структурировать общество и все его институты по модели предприятия.

Стратегия приватизации образовательной сферы была высказана еще в 1995 г. на круглом столе промышленников Европейского союза: «В конечном счете ответственность за профессиональное образование лежит на промышленности... Сфера просвещения не может иметь четкого представления о конкретном профиле сотрудников, нужных промышленности... Просвещение должно рассматриваться как услуга, оказываемая экономике... Задачей просвещения является обучение, а не преподавание... Мы не можем больше терять время» (цит. по: [1, 91]). Другими словами, по мнению предпринимательского сообщества, образование как сфера деятельности должно быть ориентировано на «вкладывание» в головы обучающихся строго измеримого количества практических знаний.

Отражением этих идей являются лозунги правительств и экспертов, призывающие к демократизации образования, приспособлению его к происходящим в мире процессам глобализации и повышения конкурентоспособности. В этой ситуации университеты оказываются под нарастающим давлением неолиберальных правительств и бизнес-промышленных кругов, которые указывают на то, что «современный рынок труда требует от молодых специалистов не только глубоких знаний в области профессиональной деятельности, но и умения работать в команде, грамотного ведения переговоров, коммуникативной компетенции, знания иностранных языков, а также основ маркетинга и менеджмента» [6, 16]. А раз так, то представители бизнеса и промышленности должны давать комментарии образовательной программе, предлагать необходимые с их точки зрения изменения, и даже оказывать непосредственное влияние на составление учебного плана [6, 17]. К чему может привести такое вмешательство «инородных» образовательной системе сил прекрасно пишет Мануэль Брага да Круз, кото-

⁹ Между тем «автономизация» социальной сферы от процессов классического капиталистического воспроизводства была важнейшим завоеванием кейнсианской экономической политики.

рый напоминает, что в основу европейской университетской культуры положены академическая автономность и свобода преподавания и исследования. При этом «автономия подразумевает весьма высокую степень независимости университетов и их способность активно отстаивать ее. Независимость от государственной власти (и экономики) до недавнего времени означала не только особую заинтересованность академического сообщества в результатах преподавания и исследований, но также и свободу в определении направлений их развития. В этом смысле автономия противодействовала попыткам установить институциональный и личный контроль над университетом, когда европейский университет боролся за то, чтобы получить и потом отстаивать независимость академической науки» [7, 22].

По мнению М. Брага да Круза, происходящие ущемление и искажение университетской автономии ведут к размыванию и утрате академическим сообществом идеи социальной ответственности перед обществом. И, как следствие, имеет место тенденция к «опошлению и коммерциализации знаний, стандартных и стереотипных, происходит смещение акцентов с создания знаний в сторону их передачи» [7, 24]. Итог всего этого: утилитарные концепции образования постепенно губят на корню научные исследования. В этой ситуации для выполнения своей традиционной роли в жизни общества университетам необходимо сохранить социально ответственную автономию и свободу исследований, берущие начало в самой природе человека, культурную универсальность и творческий подход к получению и трансляции знаний.

Современные вызовы европейской университетской культуре весьма серьезны, и это указывает на то, что в эпоху когнитивного капитализма угроза «приватизации» нависла над главными производителями знания — университетами и исследовательскими центрами.

Как встроить знание в капитализм

Но для торжества когнитивного капитализма просто приватизировать образовательные и научные учреждения мало. Надо придать товарную форму производимой ими продукции — знанию и информации. И без такой приватизации знания и информации когнитивный капитализм невозможен.

Как общественно-экономическая формация капитализм может существовать только при приватизации своего основного ресурса. Разница только в том, что при когнитивном капитализме, в отличие от индустриального и финансового, главным капиталом являются не ору-

дия труда и деньги, а знания и информация (компетентности специалистов).

Итак, процедура по превращению знания в товар неотделима от действий по приватизации самих институтов, производящих знание, однако она не сводится только к этому. Чтобы осуществить истинную «приватизацию» знаний и информации, сущностные основы образовательных и научных учреждений должны быть сведены к производству принимающих товарную форму знаний, каковыми в наибольшей степени являются практические (прикладные) знания.

В настоящее время в мире активно создается информационная база, которая будет способствовать превращению университетов и исследовательских институтов в обычные бизнес-структуры или бизнес-единицы. Яркий пример подобного рода работ — последние программные продукты и решения компании «Майкрософт», которые позволяют автоматизировать и оптимизировать управленческую, финансово-хозяйственную, исследовательскую и другую деятельность университетов.

В терминах *IT*-технологий инструментом для бизнес-управления являются *ERP*-системы (Enterprise Resource Planning — системы планирования бизнес-ресурсов). Модель *ERP* ныне является концептуальной основой создания образа современного производственного предприятия и используется западными университетами в своей деятельности. В России некоторые вузы тоже работают с моделью *MRP*, однако в отечественной системе образования она применяется недостаточно активно, так как по мнению аналитиков «Майкрософт», в нашей стране образовательные учреждения еще не рассматриваются как бизнес-единицы. Ими управляют прежде всего как образовательными учреждениями. Разница между этими типами управления довольно тонкая, и не всегда понятно, чем один тип управления отличается от другого. Тем не менее те же аналитики утверждают, что предоставление образовательных услуг — это всего лишь специфика деятельности вуза, который главным образом является бизнес-единицей со своим штатом, бухгалтерией, стратегией деятельности и т. д.

Итак, при когнитивном капитализме система образования должна быть построена как дающая обучающимся «принципиально измеримое количество практических знаний» [1, 91] система¹⁰, а наука как об-

¹⁰ Правда, здесь стоит заметить, что как только суть образования начинает сводиться к обучению людей практическим и измеримым знаниям, за этим неминуемо следует падение качества образования, так как практическое обучение без «фундаментальной» подпитки довольно быстро сводится к элементарному натаскиванию на решение стандарт-

ласть деятельности должна производить практическое, требуемое современному производству знание.

Как отмечает Антонелла Корсани, в когнитивной фазе капитализма «отношение между сферой производства знаний и сферой производства товаров, характерное для промышленного капитализма, претерпевает значительные изменения. Сфера производства знаний начинает напрямую зависеть от капитала, который «подчиняет себе науку уже не просто формально, чтобы она лишь соответствовала его логике накопления, законам роста его стоимости внутри фабричной системы и в процессе производства товаров товарами. Повышение стоимости капитала теперь нацеливается на сферу производства знаний. Эта мутация влечет за собой ряд последствий. Прежде всего, развеиваются последние малейшие иллюзии об автономии науки (от капитала. — *И.Г.*)» [1, 130—131].

По мнению М. Маяцкого, утратив ореол невинности после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, аварии на Чернобыльской АЭС, «наука в капиталистическом обществе активно пошла на превращение знания в товар, согласилась на отказ знанию в особом статусе. Превратившись в предприятие, наука и со знанием стала обращаться, как это положено с товаром: создавая монополии, играя на конкуренции, скрывая информацию, искусственно создавая “редкость”. Наука уже вовсе не ускользает от экономики, она стала новым полем экономической брани» [8, 235].

Помимо «приватизации» университетов и научных учреждений, их ориентации на производство и воспроизводство практических, поддающихся товаризации (частнособственническому присвоению) знаний (подчиняющихся логике капитализма), естественно, нужны и соответствующие юридические механизмы, превращающие знания и информацию в товар¹¹.

Ключевым в трансформации нынешнего финансового капитализма (его главный ресурс — деньги) в когнитивный капитализм является вопрос о правах на интеллектуальную собственность. И в этом нет ничего удивительного. Ведь как только процесс превращения знания в

ных задач, а не к выработке мышления, способного ставить и решать нетривиальные проблемы.

¹¹ Как отмечает, в частности, Б. Польрэ, «экономическая деятельность, связанная со знанием, невозможна без соответствующего оформления и упорядочивания на институциональном уровне, так как знания и информация автоматически не вписываются в логику буржуазной торговли» [1, 75].

товар завершен, открывается поистине фантастические возможности для использования этого товара в целях получения прибыли [1, 106]. В частности, создаваемая в развитых странах Запада так называемая экономика знаний позволяет организовать сверхэксплуатацию остального мира, используя прежде всего механизмы интеллектуальной собственности.

«Смысл и задача когнитивного капитализма состоит в контроле над знанием: контроле над использованием знания, контроле над вложениями в знания и контроле над их последствиями»¹². А раз так, то в системе, основанной на децентрализованной частной экономике и активно использующей в своей деятельности информационно-коммуникативные технологии, вопрос об интеллектуальной собственности приобретает важнейшее значение.

Знание и использующая его рабочая сила не подчиняются логике капитала

Однако в эпоху когнитивного капитализма возникают существенные трудности с приватизацией знания и соблюдением прав интеллектуальной собственности. В первую очередь это связано с тем, что знание в силу своей природы не предназначено к тому, чтобы быть частной собственностью. Как отмечает А. Корсани, «знания являются благами общими, скорее чем “общественными”». Общие блага не только неприисваемы, неделимы, подобно благам коллективным, таким как вода, воздух, природа: понятие общего отсылает к общению, к отношению. Знание есть продукт отношения, которое не существует вне передачи и со-общения. Являясь общими благами, знания обладают одним замечательным свойством: они ускользают от логики редкости и экономического расчета, потому что, даже если их можно накапливать, заменять другими и разрушать, как товары, они подчиняются тем не менее другим законам. Только некоторая произвольная власть — например, режим интеллектуальной собственности — может воспрепятствовать общественному использованию знаний. Эта произвольная власть искусственно вводит принцип редкости» [2, 141].

¹² Как верно отмечают Е.П. Велихов, В.Б. Бетелин и А.Г. Кушниренко, в современном мире «основные финансовые потоки в экономике знаний определяются вовсе не продажами отчужденных и рафинированных “сырых” новых знаний, а продажами массовых продуктов, в разработку и производство которых эти новые знания вложены, или продажами целых компаний, владеющих новыми знаниями и технологиями. ...Иными словами, экономически значимая в масштабе государства добавленная стоимость возникает не в процессе генерации новых знаний, а в процессе их применения национальными компаниями-отраслями в серийном и массовом производстве» [9, 44].

Отсюда плохая товаризуемость знания, которое с научной точки зрения не является товаром и ему трудно (если вообще возможно) навязать законы рынка¹³. Поэтому рыночная стоимость знания и информации не может иметь какую-то внутреннюю природу, а является производной от имеющейся или вводимой юридической системы, законов права.

Кроме того, в современном мире соблюдение прав собственности становится все более сложным из-за массового распространения новых информационно-коммуникационных технологий. И не в последнюю очередь это связано с тем, что сама природа создаваемых с помощью информационных технологий продуктов делает проблематичным само создание системы прав собственности на них, так как в отличие от аналогового цифровое воспроизводство практически не позволяет отличить оригинал от копии (см.: [10, 200—217]).

Новые информационные технологии, сводящие всякий инновационный продукт к последовательности двоичных цифр (хранимых и обрабатываемых вычислительной техникой), снимают практически все технические препятствия, защищавшие соблюдение прав частной собственности. В этой ситуации «вся совокупность буржуазной системы интеллектуальной собственности (патенты, авторские права, марки и т. д.) ставится под угрозу» [10, 218]. Иначе говоря, сегодня с помощью информационных технологий вся окружающая нас реальность, точнее техносфера¹⁴, оказалась «оцифрована», а раз так, то управлять этой оцифрованной реальностью сподручнее с помощью супер-ЭВМ, а не экономических категорий.

Современный производственный процесс глобален по своей природе и для своей координации жестко требует использования информационно-коммуникативных сетей и наличествующей в них свобод-

¹³ «Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром, так как затраты на их производство зачастую трудно определить, их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Нельзя также определить, где в социальном контексте начинается и где кончается труд по открытию новых знаний» [3, 7]. А «невозможность измерить труд ведет к невозможности измерить стоимость» [3, 22].

¹⁴ Вообще научно-технические знания (а именно они лежат в основе экономики знаний) довольно легко поддаются формализации и даже «цифризации». Поэтому, как заметил еще К. Маркс, эти знания можно легко отделить от их живого носителя, распределить и передать во «всеобщее общение», посредством взаимодействия и коммуникации между исследователями, учеными и техническими исполнителями. Иначе говоря, компьютерные технологии и информационные сети предстают «универсальным и общедоступным орудием, благодаря которому всякое знание и всякая деятельность в принципе может становиться общественным достоянием» [3, 15].

ной информации. При этом «попытки контроля интернета государствами, равно как и попытки подчинить производство знаний правилам торговой экономики сталкиваются с внутренними структурными трудностями: перед лицом угрозы потери производственного характера кооперация через интернет не может приспособиться к ограничениям доступа, т.к. бесплатность или почти бесплатность является неотъемлемой частью (данной производственной) модели» [10, 218].

Столь радикальные изменения в управленческой деятельности и отношениях собственности¹⁵, несомненно, окажут серьезное влияние на всю современную социально-экономическую реальность. Эти изменения, может быть, даже «ставят под вопрос сам способ капиталистического производства, а не просто господствующую систему накопления» [10, 223].

Между тем без позиционирования «знания» как «товара», без юридически оформленного права «интеллектуальной собственности» и «секрета фирмы» когнитивный капитализм невозможен. Однако обеспечение монополии на знания, на ноу-хау и идеи, было и остается трудной задачей. Более того, такая деятельность часто требует больших капиталовложений, чем производство самих знаний [3, 35—37].

Свободный труд как условие когнитивного творчества

В своем стремлении приватизировать знания и информацию когнитивный капитализм сталкивается еще с одной проблемой. Оказывается, что современные узкоспециализированные знания неотделимы от инкорпорирующего их субъекта (носителей) — так называемые *intangible knowledge* (неосязаемые знания). Строго говоря, для полной приватизации знаний необходимо «приватизировать» производящих и интерпретирующих их людей. Отсюда настоятельная потребность капитализма когнитивной эпохи к установлению контроля над знанием через «контроль над отдельными людьми, их когнитивными способностями и творческим потенциалом» [1, 101].

Однако здесь возникает одно из главных противоречий когнитивного капитализма — как совместить творчество и самоотдачу в труде с его эксплуатацией? Как указывает Б. Польрэ, «невозможно пытаться управлять людьми как при промышленном капитализме и одновре-

¹⁵ Ряд исследователей даже считают, что сегодня мы вообще присутствуем при разложении концепта частной собственности в том его виде, в каком он был установлен в конце XVII в.

менно требовать от них постоянного творчества и изобретательности» [1, 101].

Труд на предприятии благодаря всеобщей компьютеризации и развитию всемирных коммуникационных сетей стал когнитивной деятельностью, связанной прежде всего с обработкой имеющейся информации и созданием новой. «Субъективная деятельность по присвоению знаний и производству непрерывной инновации, осуществляемая перед экраном своего компьютерного “органона” с помощью оцифрованных и сохраненных знаний, становится сердцевинной трансформационной человеческой деятельности» [10, 205].

При этом, как отмечают М. Комб и Б. Асп, «какой бы жалкой и бессмысленной ни была деятельность, какими бы презренными и достойными осмеяния ни были ее цели, она требует интеллектуальной и эмоциональной энергии индивида, его “виртуозности”, того, что в его собственных глазах составляет его ценность. Однако если на работе мы проявляем свою виртуозность, мы уже не можем “саботировать” эту работу, не вызывая презрения у самих себя и окружающих» (цит. по: [3, 16]).

Как пишет А. Горц, при такой работе «требуется самоотдача, то, что на языке менеджеров именуется “мотивацией”. Человек должен вкладывать в свой труд не профессионализм, а всего себя. От этого вклада зависит качество результатов его труда» [3, 6]. И такое качество труда, конечно, очень трудно измерить. Такой работник уже перестает подчиняться логике внешнего принуждения и требует свободы творчества, создания условий для своей экзистенциальной самореализации. В когнитивном капитализме все, однако, происходит иначе: от индивида требуют работы с информацией и знанием, но работы определенного рода, выполняя которую человек не может в полной мере реализоваться как личность, так как постоянно должен ограничивать себя определенными (задаваемыми капиталистической системой) рамками.

Когнитивный капитализм как предтеча коммунизма

Специфические противоречия, свойственные когнитивному капитализму, объясняются попытками подчинить логике извлечения максимальной прибыли творческий труд, а также те сферы знания и нематериального (идеального) вообще, которые подчиняются иным, чем промышленный капитализм (и вообще капитализм), экономическим и социальным принципам. В этой связи, как отмечает Я.М. Бутан, «одна из серьезнейших трудностей, с которой сталкивается современный капитализм, заключается в том, чтобы «ре-кодифицировать в коммер-

ческих терминах человеческую деятельность в эру цифры и интернета» [10, 224].

Насколько это возможно и возможно ли вообще? Не вызывает сомнений тот факт, что человеческая деятельность в информационную эпоху — это, прежде всего, творческий инновационный труд с «оцифрованной» информацией, репрезентирующей всю окружающую человека социально-экономическую, да и природную реальность. А раз так, то на стадии когнитивного капитализма проблема нового отношения между капиталом, знанием и «жизнью» во всем ее многообразии требует пристального внимания исследователей, так как именно ее раскрытие даст возможность выявить главные метаморфозы и основные противоречия когнитивного капитализма¹⁶.

Как пишет Б. Польрэ, «в значительной степени изучать когнитивный капитализм означает эвристически и критически исследовать контроль над знанием, информацией и творчеством в современных технологических обществах. Ясную форму эта проблема приобретает в вопросе об управлении деятельностью: может ли когнитивная деятельность быть уподоблена труду и рассматриваться как экономический аналог любого другого вида работы? Или следует видеть в ней проявление и возможность для определенной свободы?» [1, 106].

В связи с этим он задается следующим вопросом: «не чревата ли конфликтами ситуация, в которой знание, мобилизации и приращения которого от человека ожидают и требуют, отнюдь не способствуют развитию личности и ее автономии, а форма и содержание этого нового знания полностью предписаны?» [1, 106]. И отвечает на него положительно: трудности, с которыми сталкивается когнитивный капитализм, являются результатом того, что в настоящее время, как никогда раньше, велик риск появления некоего когнитивного неотэйлоризма, который, опираясь на современные информационно-коммуникативных технологии, способен превращать людей по сути в биороботов. К этому следует добавить, что сегодня идеологическое воздействие на человека сильно как никогда раньше, а деструктивная роль СМИ, наверное, достигла своего апогея. Поэтому охвативший современное общество кризис целевых, ценностных и смысловых ориентаций, кризис свободы и творческих способностей, а также кризисы занятости, кратко-

¹⁶ Современный капитализм на своей когнитивной стадии развития ставит перед собой непосильную задачу — «экономизировать» («финансировать») знания эпохи Постмодерна (точнее — их цифровую форму), т. е. добиться того, чтобы эти цифровые формы, репрезентирующие реальность, стали экономическими (содержательно-смысловыми) категориями.

срочного трудоустройства и другие (чрезвычайно опасные сами по себе) — в своей совокупности создают смутное чувство тревоги от надвигающегося глубокого и драматического кризиса или даже катастрофы [1, 110].

Способ избежать этого глобального кризиса — переход к новой экономике, точнее новому общественному устройству, отрицающему капиталистическую товарную логику (экономику). Вследствие этого торжество экономики знаний «не означает рождения гипер- или пан-капитализма, напротив, в нем лежит зародыш отрицания и выхода за рамки капитализма, труда как товара и товарных отношений» [3, 44]. И это в первую очередь связано с тем, что «капитал знаний» — это не капитал в обычном смысле и он не служит в первую очередь производству товарной стоимости. Его цель — максимальное раскрытие творческого потенциала людей.

Как считает, например, А. Горц, «подлинная экономика знаний была бы коммунизмом знаний, в котором обменные и денежные отношения отмирают за ненадобностью» [3, 7]. В своем истинном виде (без элементов традиционного капитализма) экономика знаний призвана быть экономикой обобществления и бесплатности; т. е. знание в ней должно функционировать подобно тому, как оно функционирует в научной среде. Там его «стоимость» измеряется не деньгами, но интересом, который это знание вызывает, распространением, которое оно получает.

И, как выясняется, прообраз такого механизма функционирования знаний существовал в Советском Союзе, где, по сути, отсутствовал какой-либо механизм частнособственнического присвоения информации¹⁷. Как отмечают, например, Е.П. Велихов, В.Б. Бетелин и А.Г. Кушниренко, в СССР с начала 1930-х гг. и вплоть до 1991 г. «промышленность, наука и образование представляли собой взаимоувязанный комплекс, цели, задачи, приоритеты и объемы финансирования которого полностью определялись государством» [9, 37]. При этом промышленная политика государства принципиально основывалась на концепции реализации масштабных проектов создания и развития базовых высокотехнологичных отраслей: автомобильная, авиационная, атомная, космическая и других. В основном, исходя из требований

¹⁷ Вопрос о большом объеме засекреченной и изъятой из открытого обращения информации очень специфичен и в данной статье обсуждаться не будет. Хотя советский режим секретности, вне всякого сомнения, нарушал право капиталистической собственности (прежде всего на научно-техническую информацию) и способствовал бесплатному использованию созданных в западных странах знаний на пространстве СССР и в государствах восточного блока.

этих проектов, формулировались программы исследований академических и отраслевых научно-исследовательских институтов, а также цели и содержание программ подготовки кадров в школах и вузах.

Одним из реализуемых в СССР масштабных проектов было развитие фундаментальной науки: академической и вузовской. Результаты этих исследований являлись «основой опытно-конструкторских работ отраслевых НИИ по созданию опытных образцов продукции, которые затем передавались на промышленные предприятия для серийного производства» [3, 38]. Иначе говоря, в советской общественной системе, представлявшей собой единый научно-образовательно-промышленный комплекс, знания и информация свободно распространялись как минимум по всему пространству СССР и представляли ни что иное как общественную собственность, использовать которую мог практически каждый. И это производство и свободное распространение (через всевозможные просветительские общества и научно-популярные издания) огромного объема фундаментальных знаний создавало необходимую базу для реализации человеком истинно творческой деятельности, высвобождающий энергию воображения, желания, воли и т. д.

Таким образом, широчайшее производство фундаментальных знаний по всему контексту нашей жизни и отсутствие частной собственности на любую имеющуюся информацию — императивные требования социализма. А раз так, то можно сделать вполне обоснованный вывод — когнитивный капитализм действительно есть предтеча коммунизма. А переход от эпохи Модерна к Постмодерну — время социалистических преобразований, в смысле прорыва к масштабному производству фундаментальных знаний и ликвидации частнособственнических отношений, прежде всего в интеллектуальной сфере.

Литература

1. *Польрэ Б.* Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. 2004. № 4.
2. *Корсани А.* Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2004. № 4.
3. *Горц А.* Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. 2004. № 4.
4. *Финкельштейн А.М.* Наука: вызовы природы и общества. Лекция, прочитанная в Международном университете (Москва, 28 февраля 2006 г.) // В защиту науки. Бюллетень 2007. № 2.
5. *Марацци К.* Тело-машина и его амортизация // Логос. 2004. № 4.

6. *Монастырская Т.И., Вайс Х.* Требования к академическому образованию со стороны делового сообщества // Высшее образование сегодня. 2008. № 1.
7. *Брага да Круз М.* Современные вызовы европейской университетской культуре // Высшее образование сегодня. 2008. № 2.
8. *Маяцкий М.* Когнитивный капитализм — светлое будущее научного коммунизма? // Логос. 2004. № 4.
9. *Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Куширенко А.Г.* Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. М., 2007.
10. *Бутан Я.М.* Новое огораживание: информационные и коммуникационные технологии, или ползучая революция прав собственности // Логос. 2004. № 4.

С.О. ХОХЛОВ

Интеллектуальное наполнение общества

Никакой режим не терпит, чтобы его до конца понимали и продумывали.

А.Ф. Лосев

Количество интеллекта в обществе

Проблема использования интеллекта «в мирных целях», т. е. без угрозы для стабильности общества (понимаемой «элитами», прежде всего, как стабильность власти), — это главная проблема во все времена. Всегда философов выслали и уничтожали, пытались запугать или купить, во все времена власть пыталась держать под контролем интеллект, мораль и культуру, не в силах ни отказаться от них полностью, ни допустить их свободного (а следовательно, с точки зрения власти — бесконтрольного) роста.

Наше общество нуждается в подъеме на некую новую высоту. Оно должно качественно измениться. Движущей силой этого нового общества должно стать максимально эффективное использование интеллектуального ресурса.

Постепенная трансформация общественной системы должна происходить следующим путем:

- рабочие профессии должны получать все большее творческое наполнение, постепенно все более интеллектуализироваться;
- со временем практически все рабочие профессии должны быть подняты до планки «специалиста»;

- соответственно постепенно должны «смещаться» вверх и интеллектуальные составляющие прочих степеней («специалист» должен становиться все более «ученым» и т. д.).

Что же за общество мы получаем в результате этой интеллектуальной трансформации?

Перед нами общество нового типа — тот общественный философский камень, который всеми так усиленно предсказывается и ожидается — «постиндустриальное общество».

Что бы ни говорили теоретики, построить это самое постиндустриальное общество пока никому не удалось, причем вовсе не в силу неких великих трудностей этого предприятия, а в силу *принципиальной неуправляемости такого общества для власти современного типа*. «Новое общество» — это то, о чем все слышали, но никто не видел, более того, то, чего никто никогда не увидит, доколе «старая гвардия» ведет нас в светлое будущее. Чем увереннее она держит руль, чем красивее ее риторика, тем яснее, что нас водят все по одним и тем же задворкам истории. Власти могут говорить о чем угодно, ставить сколь угодно великие цели, неважно, о чем они говорят — о светлом ли будущем, о коммунизме ли, что ждет за ближайшим историческим поворотом, о социальном ли о государстве, что словно «светлый град Иерусалим стоит вокруг нас, и ждет нас, и ждет нас», или об обществе равных возможностей. О чем бы они ни говорили — важно не то, что говорят, но лишь то, кто говорит. Современная власть не может выполнить ничего из обещаемого, даже если бы она этого вдруг захотела, и не может захотеть ничего из обещаемого, даже если бы смогла выполнить. Но даже такие предположения утопичны, поскольку власть одновременно и не может создать ничего нового в силу своей интеллектуальной импотентности, и не хочет ничего нового в силу импотентности моральной.

Что же нам удалось реально построить под руководством этих сусаниных истории?

Россия как СверхЗапад

Казалось бы — где мы и где демократия, но это противоречие представляет собой видимость. Мы строили по западным чертежам, под руководством и контролем западных социоинженеров, которые теперь в недоумении чешут затылки. А ничего удивительного нет — мы построили не просто копию Запада, как он есть, но построили Запад будущего, ту фазу, которая ждет его через несколько ударных капиталистических пятилеток. Так случается с автомашинами и домами, с уютгами и пылесосами, с чем угодно — когда несколько новых усо-

вершенствований, добавленных там-сям к старой основе, в итоге серьезно видоизменяют модель. Западная модель внесенными при ее воспроизведении у нас поправками не была изменена кардинально, она как раз была лишь немного улучшена. И нечего пенять на нашу национальную неумелость или даже на нечеткость руководства с их стороны. Все было сделано как надо и результат вышел отменным. Они хорошо проектировали, а мы хорошо воплотили их проект. И в результате всего лишь довели западную модель общества до ее логического завершения. До абсурда. Мы пришли к абсурду, но он изначально был заложен в глубинном коде западного общества.

Запад не узнает себя в нас. Меж тем «неча на зеркало пенять», это его, вовсе не ангельский, лик отразился в созданном у нас строе. Надо констатировать тот факт, что, взяв за основу Запад, с его ценностями и священными устоями, мы начали строить свой новый дом на гнилом фундаменте — западные ценности оказались вовсе не так уж ценны, а священные устои вовсе не так священны.

Итак, что там у нас с демократией? И кто говорит там, на Западе, будто бы у нас махровый тоталитаризм? Ну почему махровый? Ну почему тоталитаризм? Очень все даже «цивильненько», и оппозиция есть — вон какой выбор, все как в европейских магазинах — помните, как с придыханием нам сообщали про «50 сортов колбасы»? Вот она — политическая колбаса на политических витринах во всех видах. Не беда, что начинка одна, зато от обертки в глазах рябит.

Весь мир идет к однопартийности. И мы просто оказались во главе тенденции. Вместе с благополучной и также построенной в свое время (тоже не так давно, кстати) по западным чертежам Японией.

Что же до демократии как таковой, то наши «элиты» сделали великое открытие, что ее, демократию, можно превосходно совместить с однопартийностью, так что при этом она нигде оказывается не нарушена. Политическая жизнь кипит, люди голосуют, рейтинги правителей ломают потолки — что еще надо? Наши власти поняли, что если правильно к ней подойти, демократия вовсе не опасна. Это столь же удобная оболочка для власти, как и все прочие... при одном лишь, правда, условии.

Это условие простое — главное надо держать в узде интеллектуалов, а стадо пойдет туда, куда ему укажут. Поэтому для демократии новейшего типа — управляемой демократии — нужно стадо. Власть без колебаний оказалась готова пойти на это.

Суть такого строя в манипуляции демократическими институтами в пользу власть имущих групп. Другое дело, что в результативности

этих манипуляций мы ушли дальше всех, доведя ее до абсурдной абсолютности.

Лозунг «важно не кто как голосует, а кто как считает» — это лозунг авторитаризма, не боящегося идти на откровенный подлог и запугивание. В наше время действуют более тонко — подрезая действительную оппозицию на корню, подсовывая народу симулякры «псевдооппозиции», формируя «общественное мнение» за счет тех, кто оказывается податлив, и маргинализируя неподатливую часть.

В результате этого великого похода власть зашла в тупик, но осознать этого она уже не может, поскольку интеллектуалы, которые могли бы ей что-то подсказать, оказались с властью никоим образом не связаны.

«Элита»

Итак, наша власть — это власть западная. История в очередной раз повторяется. Как при Петре — «элита», верха — это уже вполне западные люди, а «черный люд» никак не определится.

Впрочем, и сама власть никак ему в этом не помогает. Ее политика сейчас вновь выстраивается от знакомой печки — «кругом враги», плохой Запад нас злобно гнетет. И хотя наша власть сейчас более Запад, чем сам Запад, и более Америка, чем сама Америка, но перед своим народом она пытается выставлять себя защитником традиций и страдальцей за народ. При этом «элита» держит свои богатства (которые на самом деле, само собой, уворованные) в западных банках, отдыхает, учится и лечится там, на Западе, туда же отправляет своих женщин рожать детей, что станут со временем нашими новыми господами. Рейтинг власти меж тем растет. В основном за счет антизападной риторики.

Хороший вопрос, кстати, зачем вообще нужен рейтинг? Почему власти так важна эта кажимость хороших отношений с народом? Почему она так боится голого насилия (в последнее время, правда, все меньше), почему предпочитает обман? Ведь народу нечем ответить, он полностью беззащитен и дезорганизован? Чего боится власть?

На мой взгляд, власть боится, что над ней станут смеяться.

Они хотят, чтобы их воспринимали серьезно. Пыжатыся, надувают щеки, пародируют и подражают. Вот даже «Белый дом» свой завели сгоряча. Теперь в моду вошло подражание советским временам (глядишь скоро «Белый дом» в «Ставку» переименуют). Но при этом наши верха забывают, что «история повторяется дважды» и любое подражание, любая попытка повторить чужой путь, избегая тягот собственного творческого напряжения, приводит к фарсу. Чем старательнее

эти господа играют в «реал политик», чем серьезнее их физиономии, тем меньше доверия к той деятельности, что совершается за этим фасадом. Помните как там у Г. Горина в Мюнхгаузене: «все глупости в мире делались с серьезным выражением лица».

«Рейтинг — политический аналог рыночной капитализации», — пишет Делягин [1, 114]. И вот рейтинги раздуваются до небес. Но как ни раздувай рейтинг Билану, это не сделает его Шляпиным, а рейтинг Путина/Медведева не способен превратить в Жанну д'Арк ни того ни другого.

Наше общество — это парад симулякров. Это большое сплошное «псевдо», огромная потемкинская деревня. У нас не демократия, а псевдодемократия, у нас не диктатор, а «псевдодиктатор», у нас не авторитаризм, а псевдоавторитаризм. Есть у нас, правда, олигархи, но и те какие-то квелье (о них речь пойдет дальше).

Вот и с властью у нас плохо. Беда в том, что властная пирамида перевернулась.

Согласно принципу паноптизации [2, 93], для современных технологий управления неважно к кому «идут нити», кто сидит в центральной комнате паноптикума. В результате стало возможным избавиться практически от всех критериев, которым раньше должны были соответствовать властные кадры. В связи с этим произошла интересная мутация власти.

Слабая власть подстраивает под себя своих подчиненных. Каждый начальник хочет видеть своего заместителя более глупым, чем он сам. А тот — своего подчиненного. В результате, конечно же, вовсе не получается картины властной пирамиды, когда наверху сидит самый умный, а внизу с каждой ступенью — народец все попроще и попроще. Наоборот. Сорокинские «вертикальные лифты» открылись для глупцов и подхалимов. Раз все равно, кто во власти, раз никаких требований к носителям властных функций не предъявляется, то повсюду — от частных фирм до верхов государства — стали процветать «кумовство» и «блат», устройство по знакомству или по родству — нынче это все именуется — «социальный капитал». Если у бездарности есть родственник директор, который может устроить его в свою фирму каким-нибудь начальником отдела, то мы говорим, что такой человек реализовал свой социальный капитал. Заметим, что чем больше такого социального капитала «реализуется» в обществе, тем больше дурней оказывается при власти. В результате в нашем обществе механизмы, обеспечивающие приток свежей интеллектуальной крови к обществу, перестали работать. Лифты забились.

Мы получили такое управление, с которым сложно выжить. Причем на всех уровнях. Мы стали обществом-динозавром, существующим на инстинктах. Динозавру отгрызают хвост, а он все щиплет травку.

Вспомним, каковы были ассоциации со словом «начальник» раньше — умный, целеустремленный человек, прошедший серьезную жизненную школу и преодолевший определенные испытания. Что ассоциируется со словом «начальник» теперь? Родственник большей шишки, устроенный на «теплое местечко»? Зиц-председатель? Карьерист-стукач?

Но разве только у нас проблемы с властью? Кругман, к примеру весьма красочно описывает свою встречу с тремястами наиболее богатыми людьми мира. Он пишет, что ожидал увидеть уверенных в себе, сытых волков, хозяев мира, вместо этого же встретил «чрезвычайно опасное стадо финансистов-овец» [3, 64].

Однако утешение это, конечно, никакое. Если весь мир решил броситься с обрыва, то это вовсе не в облегчение для нас, бегущих к этому обрыву впереди всех.

Массы и потоки глупости

Помянув тех, кому «одиноко на вершинах власти», вспомним и о народе. О «массах» много кто писал, клеймя их позором и бичуя. И инертны они, и косны, и ту грязную пену, что рвется наверх, образуя собой быдлократию, они же и порождают. Другая точка зрения — это описание народных масс как обманутых, преданных и беззащитных, как жертв «элиты», как страдающих «братьев наших меньших» (по разуму).

В обеих точках зрения есть своя сермяжная (она же посконная) правда.

В принципе, кара в виде идиотизма современной жизни заслужена нами за грехи наши. Интеллектуальные. Не удержали высокого уровня, на который замахнулись. Хотели быть самой читающей страной и захлебнулись в потоках бульварщины. Хотели быть великой спортивной страной и получили выморочное поколение. Строили светлый храм нового человека высоких моральных принципов, но храм этот нынче оккупирован торгашами.

Джефферсон сказал в свое время: «Если кто-то думает, что цивилизованная нация может быть невежественной и свободной, то он ожидает того, чего никогда не было и никогда не будет» [4, 165]. Мы стали невежественны — и потеряли свободу. А теперь теряем и цивилизованность.

Почему так получилось? Где то место в плотине разума, откуда начался этот катастрофический потоп? Кто виновник разрушительного импульса?

Виновник катастрофы, постигшей нас, — наша власть, а место, откуда пошла первая угрожающая трещина — это тот момент, когда корабль с философами отошел от берега. Тогда мы попрощались с нашим разумом. И все прочие события лентой раскручиваются именно отсюда. Власть, не имея возможности опереться на разум, после того как она столь решительным актом от него отказалась, со временем, когда иссякли остатки былого культурного уровня, все больше стала клониться в сторону Запада. И даже вражда не стала препятствием. Когда нет своего ума, волей-неволей приходится черпать его хоть и у врага.

Вершина интеллектуальной пирамиды оказалась отсечена. И вся пирамида со временем начала осыпаться и заваливаться, пока не превратилась в хаотичную кучу. Общество, подобно живому организму, оказалось неспособно жить без головы.

Власть, не имея возможности пользоваться собственными источниками идей, стала заимствовать их у Запада. Заимствовать приходилось все больше и больше, пока власть не превратила нашу страну в дубль Запада, в пародию на него. На этом Западе-2 все было почти так же, как на первом, только хуже. Впрочем, копия никогда не бывает лучше оригинала.

Единичные прорывы народного гения некоторое время держали эту странную систему на плаву. Но власть продолжала свою политику искоренения излишнего, по ее мнению, интеллекта. Ею последовательно убивалось всякое шевеление мысли.

Нельзя сказать, будто это было исключительно лишь нашим явлением. На Западе протекали параллельные процессы, хотя и при определенной разнице в целях и средствах. Делез и Гваттари, к примеру, говоря «о влиянии антипроизводства на производство» (цель которого «внести нехватку туда, где всегда был избыток... посредством поглощения избыточных ресурсов» [5, 372]), запускают достаточно интересную, на мой взгляд, идею о процессе оглушения, сопровождающем научную деятельность на Западе. Они пишут, что в современном обществе поток знаний дублируется эквивалентным ему «поток глупости», который «также выполняет поглощение или реализацию» избыточного интеллектуального продукта.

На Западе, который был вынужден во времена «холодной войны» усиленно развивать науку, были выработаны механизмы, позволяющие нейтрализовать вредные для тамошних властей последствия «ин-

теллектуального перегрева» системы. Этот механизм выразился в запуске встречного по отношению к росту интеллектуального потенциала общества *потока глупости*. Иначе говоря, Запад также пошел по пути оглушения своих масс.

Это не может служить каким-либо утешением. То, что Запад дрейфует в одном с нами направлении, имеет естественное объяснение — это проявление одного характера власти у нас и у них. Власть пытается удержать общественную систему в равновесии, не глядя на цену, — такова ее природа. В данном случае власть готова сохранять равновесное состояние системы ценой ее оглушения.

Власти привычно играют свои игры, народ привычно безмолвствует. Конечно, можно прокомментировать это отсутствие реакции и так, как это сделал в свое время Шпет: «Народ просто молчал — может быть, потому, что ему нечего было сказать», но власть, которая, казалось бы, должна свыкнуться с этим вековым игнором, заметно нервничает. Почему?

Власть боится «оранжевания» народа. Власть боится, что столь управляемым народом так же легко, как это делает она, сможет начать управлять и кто-то другой. Власть дергается от того, что на ее действия нет реакции и провоцирует эти реакции сама. Нет оппозиции — она создает псевдооппозиции, чтобы «духом окрепнуть в борьбе». Нет угроз — она фабрикует их. Нет политических событий — она раздувает из политических мух политических слонов.

Ей все время мерещится за спокойствием народных глубин некое шевеление. Она прекрасно понимает свою неправоту. Она готова бороться за свои «привилегии». Но народ равнодушно взирает на власть как на не касающийся его балаган.

Жить становится хуже и скучнее, народ спивается и вымирает. Но ужимки власти при этом воспринимаются во глубине народной души разве что как средство от скуки. Власть от народа бесконечно далека — она живет в ирреальном пространстве, расположенном за стеклом волшебного телящика. Она абсолютно лишена телесности, а действия ее воспринимаются, как внешняя, космических масштабов, катастрофа, с причинами которой бороться не больше смысла, чем с затуханием Солнца в далеком будущем.

Наша власть боится того, что раньше или позже это состояние закончится.

Во власти существуют разные настроения по отношению к народу. Есть и сочувственно-утилитарное отношение, но преобладает либеральная ненависть. Либералы никогда не скрывали недовольства народом. Народ их не устраивает, он слишком инертен, позволяет (хоть и

пассивно) сопротивляться их утопическим экспериментам, сочиняет анекдоты про власть и пьет. По мнению таких «либералов», народ надо заменить на более послушных, менее склонных к меланхолии и рефлексии, на более «атомизированных». Либералам вообще не нужен народ, они бы не прочь видеть на его месте андроидов или дрессированных обезьян.

Либералы потихоньку и разными путями проводят процесс замены народа и его изменения. Потихоньку, полегоньку. Массы же безмолвствуют, но безмолвие их действительно становится все более непонятным и оттого кажется властям все более угрожающим.

Задачей власти оказывается соблюдение тонкого баланса — не дать массам организовать во что-то вроде реального гражданского общества и при этом не дать подконтрольным ей структурам псевдогражданского общества совсем распасться. Она должна не дать умереть гражданскому обществу и при этом не позволить ему жить.

Обычно массы представляются как некие аморфные образования, но являются ли они таковыми? Порождение массами неких действий и решений для современной науки представляет собой неподконтрольный и научно не фиксируемый «скачок» вроде зарождения жизни из «первичного бульона». Как так — хаос и вдруг порождает некий порядок? Непорядок.

Массы безмолвствуют, но их безмолвие не лишено заряда. Массы бездействуют, но их бездействие не лишено направленности. Массы ускользают от власти, они уходят из ее ловушек, словно вода сквозь сито. Вроде бы власть полностью контролирует ситуацию, но тогда откуда этот тихий стихийный саботаж, эти улыбки за ее спиной, это пренебрежительное отношение к политике-бизнесу как грязному делу? Народ молчит, народ подчиняется, но в его глазах власть читает: «Вы сильны и могущественны, вы богаты и здоровы. Но вы нечисты». Как сказал классик: «Это, видимо, что-то в крови», — все это где-то так глубоко, что власти ничего не остается как пытаться заменить народ, который хоть и молчит и подчиняется, но делает это не так, как ей бы хотелось, — *не от души*.

Как говорилось в пророческом фильме «Кин-дза-дза»: «И улыбайтесь! Улыбайтесь!» Пришло время учиться улыбаться, дорогие массы.

С другой стороны, часто те представители «оппозиции», что периодически раздражаются упреками в адрес покорности масс, по большей части небескорыстны. Более легкие на подъем массы им важны не сами по себе, но как «болван в чужой игре», в их собственной игре за власть. Недовольны малой активностью масс больше всего те части «элиты», что не прочь были бы использовать массы, как Бывалый и

Балбес пользовались героем Вицина в «Кавказской пленнице» — для вышибания его головой двери. Понимая этот момент, можно предположить, что политическая пассивность масс и выбор ими стратегии тихого саботажа в существующих условиях отсутствия реального оппозиционного проекта, — это скорее проявление политической интуиции, нежелание подыгрывать власти в ее внутренних склоках.

Итак, власть пошла на улучшение и замену своего народа. Посредством новых технологий она осуществила давнюю мечту властителей древности — самой породить мифологию. Это вещь не только «посильнее Фауста Гете», но и мощнее атомной энергии, поскольку потенциально должна бы открывать путь хирургическому скальпелю прямо к народной душе. Есть, правда одна заковыка — чтобы нормально, без попыток бегства оперируемой народной души с хирургического стола можно было с ней от души поработать скальпелем, надо сперва применить к массам наркоз. Массы должны впасть в состояние благодущия и эйфории, чтобы не чувствовать, как скальпель власти кромсает народную душу. Для этого власти необходимо сделать людей более простыми и недалекими. И массы оказались подвергнуты тотальному оглуплению.

Писатели возмущаются, что современная молодежь ничего не знает и знать не хочет. Сатирики потешаются над границей. «Ну тупы-ы-е...». Но ведь если людей отупляют — «значит это кому-нибудь нужно».

Человек нового образца, тип повсеместно насаждаемый, подобно тому как в свое время насаждали картошку, этот печальный герой нашего печального времени, унылый и бессмысленный как породившее его общество. Человек нового типа это духовный онанист, не нуждающийся ни в каком Другом, напрямую подключенный к своим «маленьким машинам желания», столь же механичный, как и они. Этот новый тип человека пока не успел распространиться в наших массах. Но это лишь дело времени.

Человека делают более удобным для управления. Здесь можно выделить две тенденции. Первая это сделать так, чтобы ему *некогда* стало думать (даже если есть чем, хотя над этим тоже активно работают). Человек должен думать не о политике (а если думать, то как можно проще и в соответствии с «правильными» схемами), а о том, как прожить от зарплаты до зарплаты. Для власти опасно состояние, когда человек перестает бояться (того же голода или бандитизма и т. п.) и начинает задумываться. Ведь тогда он может увидеть, что все кругом как-то не по-человечески. Так вот, чтобы человек не думал лишнего, чтобы им было легче управлять, «вносится нехватка туда, где всегда

был избыток», — у него отбираются «излишки» — излишки в кавычках, на самом деле вещи, достаточно необходимые. Потому что, как верно подметил кто-то из классиков, — революции совершались не на пустой желудок, а когда достигалось некоторое благополучие. Поэтому власть сейчас думает не о благополучии народа, а наоборот — как бы массы не получили вдруг слишком много.

Вторая тенденция — в переворачивании социальной пирамиды, о чем уже было сказано раньше. Если раньше вертикальные лифты работали, пропуская на вершины сильных и умных, то сейчас — наоборот. *Бунт власти* привел общество к власти бездарности. Сейчас чем выше пост, тем более слабая фигура на нем находится. Кто-то из современников писал, что, де, когда пилили народную собственность, то одним из главных критериев передела было — ни в коем случае не дать больших кусков в руки действительно инициативных и энергичных (не по-дурному) людей, поскольку таковые впоследствии могли бы представлять потенциальную опасность для власти. Не знаю насколько, но явно или неявно, но этот фактор играл роль. И сейчас играет. Современному обществу не нужны умные и сильные люди, ему нужны послушные, тотально управляемые куклы. И во власти потребность в таких персонажах оказывается большей, чем внизу пирамиды.

В принципе оглупление обставляется как дело добровольное. Очень хорошо либеральную точку зрения на этот счет выразил «брат Стругацкий» в каком-то интервью, сообщив, что отрекается от своих прежних взглядов и сам не понимает себя прошлого. Мир Полудня невозможен — вещает этот кумир масс, — и я теперь не понимаю, что плохого я увидел в Мире Хищных Вещей, — ну подумаешь Хищные, ну подумаешь Вещи. Зато у каждого свобода и есть выбор подниматься или падать. Каждый сам виноват в своем падении. (Не стал искать точной цитаты, привел ее в общих чертах на память.) Вот такая точка зрения.

Но вернемся к тезису — количество мест, где востребован высокий интеллектуальный уровень, в общественной системе ограничено. Учитывая выводящий эти места из свободной досягаемости «социальный капитал», пробиться со стороны на них становится еще более затруднительно. Лишние же навыки, не получающие применения в реальной жизни, со временем деградируют. Человек с прекрасным зрением, попадая в камеру без света, через некоторое время станет плохо видеть. Человек с прекрасным интеллектуальным зрением, оказавшись в платоновской пещере, интеллектуально слепнет со временем.

Это не значит, что не надо бороться. Это значит, надо отдавать отчет в сложностях борьбы за интеллектуальное зрение. И обвинять оби-

тателей платоновской пещеры в том, что они не выбрались из нее — примерно столь же аморально, как обвинять безногих, что они редко выигрывают в марафонских забегах.

Власть и философия

Мы пришли к выводу, что власть готова сохранять равновесное состояние системы ценой ее оглупления.

Власть по своей природе отдает предпочтение решению тактических задач, откладывая как можно дальше решение задач стратегических. Она не способна на большой охват, требующийся для решения стратегических задач, поскольку для этого ей надо опереться на достаточный интеллектуальный потенциал. Но такая опора для власти неприемлема, в силу непросчитываемости для власти хода мысли интеллектуала.

Вспомним по этому поводу мысль Маркузе, с которой нельзя не согласиться — он писал, что именно сократический дискурс представляет наибольшую опасность для власти [6, 396]. При всей кажущейся парадоксальности этого утверждения легко увидеть, что внешне абстрактные рассуждения об отвлеченных идеях опаснее для власти, чем любые террористы, любые внешние враги и любые экономические проблемы. Нет ничего страшнее для власти, чем человек рассуждающий, чем интерес к философии. Интеллект побуждает к решению моральных проблем. Власть же, в ее современном виде, аморальна по своей природе. В итоге интеллект оказывается естественным врагом власти. Интеллектуалом невозможно управлять, его труднее запугать и сломать, труднее обмануть, у него есть определенные принципы, которые могут быть непонятны и даже смешны для окружающих, но делают интеллектуала аристократом духа (вспомним, что писал Джефферсон о подготовке «естественных аристократов»), поскольку *перед лицом власти он никогда не стоит один*.

Власть пытается решить стоящие перед ней вопросы с помощью «специалистов», полагая узость их мировоззрений гарантией их лояльности и собственного спокойствия. Это подобно попытке избежать бунта, вооружив войско неполным оружием — одному дать щит, другому меч, третьему копье, а четвертому кирасу. Такие солдаты действительно представляют малую угрозу для безопасности власти, но очевидный недостаток этого решения в том, что и для боя с неприятелем они столь же малопригодны.

Специалист — это подобная видимость решения. Характерно при этом, что по пути «специализации» пошли и на Западе. Специалист ласкает взгляд власти своей определенностью. Он полностью опреде-

лен своим методом. И им же он ограничен. Специалист способен к действию лишь в пределах метода и беспомощен вне его. Специалистом способен стать средний ум, поскольку главное в специалисте — не его личные качества, а способность усвоить набор методов. Подготовку специалистов можно поставить на поток, а ничто так не греет душу власти, как поток, и ничто так не беспокоит, как неподконтрольные ей единичные флуктуации. В них, в этих единичных флуктуациях, отрицание ее упорядочивающей природы как таковой, в них сама жизнь, перед лицом которой пасует власть с ее стремлением к упрощению, усреднению и схематизации.

Человек либо становится специалистом в этой схеме, либо нет — третьего не дано. Здесь или происходит переслегинский «щелчок» [7] в обучении, или нет. Но специалист вовсе не потолок развития и не его последняя ступень. Альтернатива специалисту — творческая личность, и здесь схема «либо человек знает, либо нет» — не работает. Творческая личность, в отличие от всезнающего специалиста, четко сознает прежде всего глубину своего незнания. Она всегда на краю, всегда в моменте перехода через Рубикон.

Творческая личность, в отличие от специалиста, живущего в своем методе, подобно рыбе в аквариуме, свободно чувствует себя не только в рамках метода, но и в пространствах над методами. Только такой разум способен решать стратегические задачи, стоящие перед обществом, как и вообще решать реальные жизненные задачи.

Однако эта непривязанность к методу делает его непросчитываемым для власти. Власть же желает определенности, и ученый для нее — это тот же лесоруб или сапожник, только *sui generis*. Власть не способна видеть разницу. У лесоруба топор, а у ученого микроскоп — вот и вся разница, по ее мнению, разница эта оказывается для нее не большей, чем разница между лесорубом и сапожником. Это логика завхоза. Ученый — это такой же рабочий, должный трудиться выданным ему инструментом, используя его определенным методом и выдавать с его помощью определенный продукт. И если ученый вдруг начнет как-то непонятно умничать, то власть пресечет эти эксцессы примерно так же, как попытки лесоруба вместо своей работы заняться чужой.

Между тем, что такое пространство между методами? Это философия — та наднаука, которая позволяет пользоваться наукой как инструментом, которая определяет методы, в отличие от наук, что определены методами. И вот она-то и оказывается главным врагом власти, которая, не понимая ее, пытается разломать ее на части и приспособить их в свое примитивное хозяйство, подобно дикарю, на поле кото-

рого упал самолет. Она мастерит из этих обломков философии идеологию, она редуцирует ее до положения «нормальной» науки и превращает в современную софистику — в философию «в тени деспота».

В результате, лишенные общего объединяющего их наднаучного пространства, лишенные философии как квинтэссенции научности, науки начинают жить собственной жизнью, подобно рукам и ногам безумца, неспособного скоординировать их движения своим распавшимся разумом. «Специалисты», благонадежно замкнувшиеся в пространствах своих методов, добросовестно двигают свои науки прямоком в дурную бесконечность, громоздя горы нескоординированной информации, с которой и сам ученый люд не знает, что поделать (см., к примеру, концепцию «мегабитовой бомбы» Лема).

Мы пришли к тупику, из которого с властью современного типа не выбраться. Власть оказалась заинтересована в остановке истории, поскольку при дальнейшем усилении массива культуры она не сможет контролировать общества. Власть заинтересована в свертывании культуры, в утилитаризации науки, в деградации морально-интеллектуального уровня обществ. Власть заинтересована в остановке роста экономического благосостояния общества.

Власть стала врагом общества.

Абсурд власти

Итак, наша власть противоречит сама себе. Свою «легитимность» она черпает в отсылке к «общемировому характеру», к тому, что такая же модель власти существует на Западе. Наша власть тоже не стоит перед нами одна — за ней мощь Запада, мощь его многочисленных идеологов власти. Но Запад — колосс на глиняных ногах, большая гулкая иллюзия, философски он пуст.

Власть сильна вовсе не традиционностью, как она уверяет, поскольку ее традиции не имеют давних корней. Власть сильна вовсе не реальностью, как она уверяет, поскольку власть была в разные периоды по-разному сильна, а значит, и по-разному реальна.

Власть сильна тем, что стоит за ней, а стоит за ней массив западной мысли. Но западная мысль, во-первых, вовсе не безупречна и противоречива, а во-вторых, зачастую используется абы-как, обычно лишь для придания авторитета словам говорящего.

К примеру, когда наши как-бы-либералы твердят заученную фразу Черчилля о том, что демократия плоха, но лучше ничего, де, не придумали, они наносят удар по суку, на котором устроились. Поскольку это снисходительное «еще» имеет силу вето лишь для подобного «либерала». Ну, не умели люди в свое время на самолетах летать, а потом нау-

чились — и что — не может случиться такого же и с демократией? Придет новая социальная технология, и тот же Черчилль, окажется он жив, не будь дураком, поспешил бы сменить демократию на это «новое».

В свое время Джефферсон, фигура, должна внушать либералам большее благоговение, чем Черчилль, сказал так: «Законы и учреждения должны идти рука об руку с прогрессом человеческого ума. По мере того как он развивается, становится более просвещенным с новыми открытиями, установлением новых истин и изменением нравов и взглядов ввиду изменившихся условий, установленные законы должны также улучшаться и идти в ногу со временем» [4, 163].

Тут замолчит любой «почитатель» Черчилля.

Заключение

«Когда боги хотят погубить, они лишают разума».

Откуда взялись на нашу шею все эти олигархи и политические клоуны? — удивляется народ, — за какие грехи они свалились на наши шеи?

Мы слишком долго жили чужим умом. Собственный наш разум уснул, и этот его сон породил монстров власти. Грех, за который Бог покарал нас нашествием идиотов во власть, — это грех умственной лени. Пока мы не приучимся жить своим умом, не откинем доверие к авторитетам и не освободимся от веры в «доброе барина», — на возрождение России надеяться не стоит.

Закончу текст цитатой из Лосева:

«И увидел я какой-то лазарет и многочисленных больных, лежавших движения на операционных столах, и многих врачей, которые делали над ними какую-то одну и ту же операцию. И не мог я догадаться, что это за операция.

И говорил врач, заведовавший лазаретом:

— Мы прививаем неспособность к мысли... довольно уже мыслило человечество! Толку от этого не вышло никакого. Мы также прививаем неспособность к искусству. Какую пользу принесла тысячелетняя история музыки? Еще ни одного не накормила голодного, ни одну не вылечила болезнь, ни одному не помогла нуждающемуся. Склонных к музыке мы оперируем. А артистов просто уничтожаем... Никто не имеет никакого преимущественного права на чувство и мысль. Дай вам свободу, так вы опять начнете ездить друг на друге верхом. Плановость! Абсолютная плановость! Мы отпускаем мысль и чувство по карточкам. Только мысль широкого потребления, и только необходимый для существования паек чувства! Не больше того. Всякую экс-

плуатацию и накопление мысли и чувства мы караем смертной казнью. Рравенство! Рравенство! Рравенство!» [8, 134].

Литература

1. *Делягин М.Г.* Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает // Полис. 2008. № 1.
2. *Фуко М.* Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973 — 1974 году. СПб., 2007.
3. *Кругман П.* Великая ложь: Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М., 2004.
4. *Сытин А.Г.* Политическая философия демократии: вклад Томаса Джефферсона // Полис. 2008. № 1.
5. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
6. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2003.
7. *Переслегин С.Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.; СПб., 2005.
8. *Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»: В 2 т. Т. 2. М., 2002.

**ФИЛОСОФИЯ
ФИНАНСОВ**

Ю.М. ОСИПОВ

Философия финансов

Все вокруг подлежит актуальному философскому осмыслению, а более всего — хозяйство, которое, будучи почему-то отданным на откуп экономической науке, потерявшей уже всякую философичность, таковому осмыслению как будто бы уже и не подлежит.

Однако это не так: хозяйство остро нуждается в философском осмыслении, способном дать адекватное реальности отображение хозяйства, а главное, преодолеть условность и узость экономической науки, в избытке ныне формализованной, математизированной и технологизированной.

Машинообразная наука и экономическую реальность представляет машинообразно.

А экономика, не говоря уже в целом о хозяйстве, — не только не машина, но даже и не предмет одного лишь научного отображения — это сфера по преимуществу неопределенных, если не прямо определенных, истин, поддающихся не научному, а *метанаучному* осознанию, не физике, а *метафизике*.

Экономика — однеженное хозяйство, ведущееся посредством денег и всего, что с деньгами связано. Любые работающие деньги, не говоря уже о конкретном месте — финансы, а если деньги не просто обслуживают экономику, а и ведут ее, то финансы, становясь во главе экономики, превращают ее в *финансовую экономику* (*финансономику*, *финансомику*). Современная экономика — *финансовая*, в ней господствуют финансы и все с ними связанное.

Деньги, как и финансы, всегда были идеальными, а в чем-то и виртуальными, т. е. они всегда были не более чем работающей идеей (знаком), причем идеей, работающей с той или иной степенью практической вероятности — виртуально (сегодня, не говоря уже о конкретном месте, одни в реальности деньги и оценки, завтра и в другом месте — другие, хотя там и там все те же деньги и товары, т. е. деньги и оценки всегда в той или иной возможности, причем вполне реальной, действительной, а не только расчетной, проективной).

Металлические, в особенности, золотые, деньги, создавали иллюзию материальности и полной реальности (невиртуальности) денег, но... материальными и реальными были вовсе не деньги, а всего лишь

металлы, которые сами по себе никакими деньгами не были, а оказывались ими лишь при исполнении идеальной и в чем то виртуальной функции (функция — никакая не материя!).

Вес металла, несмотря на метрические удобства, сам по себе никакой ценности никогда не представлял, а представлял он всегда ценность, на него возложенную (или навешанную, ибо металл взвешивали) — субъективно и идеально. Все цены и ценности в экономике — работа сознания, разумеется, учитывающего всяческую объективность. Никакого, кроме работающего сознания, объективного механизма экономического счета-расчета нет и быть не может. Иное дело, что в сфере сознания, или в ноосфере, экономические параметры обретают некую объективность и выглядят чуть ли не извне пришедшими. На самом деле это не так: экономика творится в головах людей, в сознании и в ноосфере, и нигде более она делаться просто не может.

Стоимость — никакая не материальная субстанция, как и никакой материальной или даже внешней для себя субстанции она не имеет и иметь не может. *Стоимость — сама себе субстанция!* Идеальная, мыслимая, сознаниевая, ноосферная. Не есть она и субстанция, предшествующая каким-то образом деньгам и ценам. Это субстанция, реализующаяся только в действующих деньгах и ценах. *Отсюда стоимость — всегда отношение.* И всегда *оценка.* Отношение между субъектами (сознаниями) и субъектно-субъектная (сознаниевая) оценка. Нет стоимости, произведенной будто бы до цены, как и вообще нет никакой произведенной стоимости. Стоимость всегда *вменяется.* Иное дело, что стоимость, заключенная в работающих деньгах, может предшествовать — в виде того же авансированного капитала — любому производительному процессу. Но она при этом непременно исчезает (умирает) в этом процессе, чтобы вновь возникнуть (родиться, если не воскреснуть) в последующем производстве товарно-обменном акте.

Стоимость — не ценность, хотя в ценности (оценке, цене) и бывает всегда выражена. Стоимость это параллельная нестоимостному миру идеальная (духовная) субстанция, способная к экономической, т. е. счетно-расчетной, реализации в нестоимостном, т. е. вообще хозяйственном мире. Стоимость превращает хозяйственный мир через деньги и цены в мир экономической, мало того, она не только опосредствует этот хозяйственный мир, но еще им и управляет — через те же деньги, цены и финансы. Стоимость связана с оценками, ценами, но она не только оценка (цена), она еще и *энергоинформомасса*, выраженная в деньгах (финансах). Инвестиции, к примеру, всегда оценены. Но это ведь не сами по себе цены. Зато инвестиции суть работающая стои-

мость, однако же не в труде и не в полезности выраженная, в... в деньгах — вещах совершенно идеальных.

Все оценки и цены субъектны и субъективны. Учет объективных обстоятельств не мешает им оставаться таковыми. То же самое можно сказать о любом экономическом параметре. Иное дело, что все экономические параметры, как и их конкретные величины, взаимосвязаны и взаимообусловлены — всем воспроизводственным процессом, как имеющим стоимостную выраженность, так ее и не имеющим.

Все экономические показатели, с одной стороны, сами по себе, а с другой — не сами по себе, а в целокупности (местной, национальной, мировой). Отсюда величина экономического параметра, в особенности, такого, как цена, может быть *любой, но не какой угодно*. Уже поэтому все экономические параметры и показатели в той или иной степени трансцендентны, — и еще более таковыми они оказываются при учете потаенных («чернощечных») механизмов их формирования.

Ученых-экономистов особенно волнуют величины цен и очень хочется им раскрыть секрет их образования, хотя никакого секрета здесь нет, если признать, во-первых, самостность цены, ее право быть самой по себе, из себя самой, для себя самой; во-вторых, отношение цен к ценам, их взаимную относительность и взаимную связанность; в-третьих, воспроизводственный характер цен, как самих по себе, так и относительно друг друга; в-четвертых, виртуальность любой цены, наличие у нее пространства возможностей, ее множественность (цена это всегда *цены*); в-пятых, способность цены учитывать все обстоятельства (субъективные, объективные, реальные, виртуальные, прозрачные, никакие); в-шестых, тайну цены (в цене всегда есть что-то неявное, скрытое).

Цену можно устанавливать, но невозможно устанавливать все цены; на динамику цены можно влиять, но невозможно цены остановить; любую цену можно определить, но любая цена всегда себя устанавливает и сама.

Диктат над ценами, но и диктат цен!

Экономика — система *организации самоорганизации*. Организация — как волевая субъектно-субъективная организация, непременно сочетается с самоорганизацией — как самопроизвольным процессом. Ожидание одного, а на деле явление совсем другого; возможность неожиданных реакций на любые действия; возможность управления возможными реакциями; постоянное явление невероятного, если не иного.

Мир экономики — мир произвола; произвола управляемого произволом и им же упорядочиваемого. Произвол сверху и во все стороны

— произвол снизу и со всех сторон. В итоге произвольный порядок, устанавливаемый через *произвольную организацию произвольной самоорганизации*.

Экономика не допускает жесткого, казарменного типа, порядка. Экономика — не казарма, хотя казарма сама по себе, и хозяйство, одна из его возможных и практических форм. Экономика сопряжена со свободой — необходимой долей свободы. Несвобода в экономике обязательно есть, но не отрицающая насовсем свободы. Есть в экономике и особая несвобода... от... самой свободы: та же конкуренция есть свобода, перетекающая в несвободу, и наоборот.

Финансомика — система *организации самоорганизации*. Здесь тоже сочетание свободы и несвободы, произвола и порядка. И вследствие того, что финансомика есть непосредственно денежная организация денег (включая самоорганизацию), то эта организация самоорганизации с неизбежностью принимает иерархо-пирамидальную структуру организации: от выпуска денег в обращение из единого центра и подконтрольных единому центру центров (национальных, а также любых кредитных банков) через инвестирование денег (капиталов) и возврат части денег с денежным же доходом. Финансомика — сначала иерархо-пирамидальная, а затем уже сетевая организация (включая самоорганизацию). В финансомике есть своя стихия, но сама она вовсе не стихийна!

Финансомика — организация сверху, а не снизу, как многим еще кажется. Рынок здесь — подчиненный и контролируемый подмеханизм, корректирующий кое-что внизу и на местах, но ничего уже всерьез не определяющий. Финансомика — триумф сознательной, субъективной, волевой и центрированной организации, способной — через акции и реакции — управлять всем экономически обусловленным хозяйственным процессом, однако не через команды в сторону звеньев и элементов вести себя подобающим образом, а через неотвратимые побуждения. Игра сверху управляет игрой снизу, хотя игра снизу и несет свою долю произвола.

Способов такой непланомерной, но вполне проективной инициации сверху предостаточно: контроль за массой денег, за ценностью денежной единицы, за инфляцией, за кредитами и ссудными процентами, за инвестиционными потоками, за рынком ценных бумаг, за многими ценами, за доходами, за бюджетами и т. д., и т. п. Учение о вездесущности и всерешаемости рынка — абсолютная фальшивка, тем более, что еще никто не смог показать, что же на самом деле есть рынок, кроме того, что это есть некий самопроизвольный процесс некой само-

организации. Подобные процессы есть и в планомерной системе, даже в казарме, хотя там и там никакого рынка и в помине нет.

Рынок по сути — вся экономика и есть, однако рассматриваемая во всем многообразии характерных для экономики организаций. Одно дело базар, который есть всегда, совсем другое рынок как механизм всеобщей экономической организации. Абстрактно рассуждая, вроде бы все экономические агенты со своими товарами и ценами и есть рынок, но... как быть тогда с теми же суперагентами, способными любой рынок *под себя* и *организовать*, разумеется, допуская с его стороны определенный самоорганизационный ход!

Дело не в том, что рынка вообще нет, — он есть! — а в том, что нет рынка, лежащего в основе всей экономики, т. е. нет никакой *рыночной экономики* (и быть не может!). Абсолютизация рынка как научной категории — вредная, запутывающая сознание, затея!

Любую самопроизвольную цену можно назвать, конечно, рыночной, но где они и каково их значение, таких самопроизвольных цен? Или же вокруг всего более цены... договорные, установленные, волевые... и уже поэтому *самопроизвольные*, вроде той же цены на нефть (какой-такой рынок определяет сегодня цену на нефть?)? Хорошо известно, что цены могут изменяться (по преимуществу вверх) по самым разным причинам, но... кроме чисто рыночных (из-за изменения спроса и предложения). Спрос и предложение могут вообще не изменяться, качество товаров тоже, а цены... будут расти себе и расти... и не по причине той же денежной инфляции, а всего лишь по желанию экономических агентов, их сообществ, всей экономики.

Финансомика — это господство финансов, т. е. деловым образом организованных денег, над экономикой, хозяйством и всей жизнью.

А что такое вообще говоря деньги? Нет, не металлы и не бумаги, даже не счета в банках, а всего лишь... цифры, но особого значения цифры, несущие в сознании экономического сообщества совершенно определенную смысловую нагрузку... и ничего более, не считая еще и определенной организации этих самых цифр.

Цифра — и ничего более!

Деньги — ничто!

И финансы ничто, и финансомика, и... вся экономика тоже.

А что же есть в таком разе *что*? Хозяйство, только хозяйство!

И вот это-то экономическое ничто, представленное всего лишь в цифрах, и главенствует, и управляет, и господствует, и эксплуатирует, и паразитирует! Вот это действительно чудо — и физическое, ибо имеет вполне физическую реализацию, и метафизическое, ибо обладает столь же успешно реализующейся метафизической тайной!

Вот она — *метафизика финансов*, восходящая к *метафизике экономики*, восходящей к *метафизике всего мироздания*.

Дело тут не в магии финансов или от финансов, а в способности финансов быть эффективным образом организованным *ничто*, выраженным пустой цифрой, однако наполненной особого рода социальным смыслом, гнездящимся в людском сознании и вовсю в нем работающим. И вот тут-то важен *феномен власти*: власти, делающей пустую цифру социально значимой, и власти, способной такое вот чудесное ничто превращать в не менее чудесное нечто.

Стоимость сама по себе — ничто, а ведь управляет «нечтом» — всем нечто, ибо вбирает в себя все это нечто, точнее, всю информацию об этом нечто, а затем, переработав эту информацию, выдает в нечто уже другую информацию, делающую из одного нечто совсем другое нечто. Стоимость — гигантское (и трансцендентное!) счетно-размыслительно-решающее устройство, состоящее из сознаний и в них же размещенное. Это особый способ организации хозяйствующего сознания (сознаний), всей ноосферы, позволяющий и по-особому организовать хозяйство, всю человеческую жизнь. Стоимость гораздо более метафизична, чем физична, и никакой особой физикой ее целостно не объяснить, а уже тем более, не заменить. Все экономические модели, игнорирующие метафизику экономики, — не более чем умственная игра. Главное в экономике — метафизика, а не физика, а потому философия здесь, увы, важнее науки — для осмысления сути и тайны экономики.

Физика финансов, конечно, есть, поскольку есть и действуют физические механизмы финансов. Но есть и метафизика финансов, поскольку есть нечто, которое при этом и ничто, которое сидит в финансах, выходя и за их пределы, и... управляет себе, управляет. Физика здесь обрамляет метафизику, а метафизика... прямо-таки понукает физикой. Без физики тут нельзя. Но нельзя и без метафизики, ее осознания, ее допущения, ее учета. Откуда, к примеру, все эти пробы и ошибки, все эти корректировки, все эти кризисы? Да, да... более всего от метафизики, а не от физики, ее сложности. Специалистов, к примеру, вокруг много, а вот чутье финансовое... у единиц — у всяких там Соросов и Абрамовичей.

Существенное и трансцендентное ничто работает, ох, как работает, а ученые предпочитают его не замечать, все про ошибки толкуют да недостаток информации. А почему? Да потому что материалисты они, логики, позитивисты, физики! А жизнь реальная как раз с существенным ничто дружит — она идеальна, трансцендентна и метафизична, она идет своей дорогой, и, слава Богу, не научной!

А.И. АГЕЕВ

Западня фиктивного капитала

Потенциал доверия есть фундаментальная основа общественной и индивидуальной жизни. Вирус эгоизма, социальной безответственности и финансового редуционизма подрывает эту основу, угрожает жизнеспособности современных цивилизаций. Требуется глубокая реформация морального климата современного общества. Развитие социальных институтов должно направляться и оцениваться по их ответственности критериям благотворности.

Доверие как основа цивилизации

Исторически известны несколько поколений и типов цивилизаций. Не обсуждая вопрос о количестве современных цивилизаций, можно констатировать, во-первых, их достаточно ограниченное множество, охватывающее группы стран; во-вторых, весьма активный процесс их взаимодействия; в-третьих, формирование современных цивилизационных идентичностей в контексте технологической, энергоэкологической и информационной глобализации; в-четвертых, усиливающуюся проектную устремленность поведения нескольких цивилизаций и, наконец, нарастание алармизма во всей современной жизни человечества.

Развитие человеческой цивилизации есть не что иное, как обнаружение, реализация и развитие (либо угасание) потенциала доверия отдельных людей и их общностей друг к другу. Обнаруживая себя наедине с необъятным и полным тайн миром, древний человек постепенно сложил относительно внятную картину этого мира. Она с понятными модификациями сохраняется до сих пор. Эта картина мира исходит из деления всего сущего на четыре категории: неживая, живая растительная, живая — животная и живая человеческая природа. Последняя, в свою очередь, расчленяется на четыре сегмента по двум основаниям: сакральность — профанность, космос — хаос.

Отличие цивилизации от варварства — в развитости, с одной стороны, знания о мире и месте в нем человека, с другой — доверия как основы отношений в обществе «своих» (в противовес к «чужим») и солидарности вокруг общих ценностей и идеалов, богов и в предельном случае — Бога. В этом смысле доверие — предпосылка цивилизации, основа личной и социальной ответственности и преемственности. Там, где знание невозможно в надлежащей полноте, появляются решения или некий выбор линии поведения, предопределяющиеся мировоз-

зренческими ориентациями и так или иначе полаганием на сакральные или демонические силы.

Потенциал доверия современных цивилизаций исторически сложился на основе мировых религий, которые питали социальные, деловые, политические, научные, технические и образовательные свершения энергией доверия. Реализуя это доверие, вне зависимости от конкретных исторических форм преломления культа веры в системах социализации, люди развивали свои цивилизации. Эта идея нашла свое разнообразное теоретическое обоснование у Платона, Гегеля, Канта, Вебера, Тойнби, Юнга и др.

Вирус успеха и безответственности

Острота и глобальная распространенность современной дискуссии о социальной ответственности бизнеса и политики, об образовании — следствие всеобъемлющего кризиса доверия. Это, по существу, социально-духовный СПИД нашей цивилизации.

Этот вирус имеет множество модификаций, но его генетическая формула — «эгоистический успех любой ценой», вне чувства долга, ответственности, общественной солидарности. Если практически все мировые религии сводимы к формуле «Бог — это любовь», если именно из нее выстраивается все многообразие проявлений социальной ответственности, то «любой ценой» — это формула предельного эгоизма, абсолютного небрежения как высшими религиозными истинами, так и законами общественной жизни.

Бывают ситуации вынужденной и необходимой обороны, и тогда «все, позволительное на войне, и я могу себе позволить» (Мария Стюарт). Но бывают времена «подлые», времена безответственности и беззакония, времена нечестных игр.

Не в том вопрос, что жизнь похожа на игру. А в том, что именно игры без правил, ориентированные на драматичный для соперников исход, начинают определять атмосферу всей нашей жизни, ввергая ее в хроническую неопределенность, хаотичность, предгрозовую контекст, тотальную форс-мажорность.

Мало того, что нарастают количество и масштаб природных и техногенных угроз. Мало и того, что уровень осознания элитами вызовов, стоящих перед странами и миром в целом, далек от необходимого, не говоря о способностях и воле к действию. Проблема состоит в том, что подпиливание треснувшего сука, на котором как-то держится социум, стало экстрадоходным бизнесом немногих на фоне беспечности, равнодушия, невежества или подавленности большинства. «После нас —

хоть потоп», «кто не успел — тот опоздал», «пусть проигравший платит» — формулы многолики, но суть их одна — успех любой ценой.

Иммунитет любого общества к социальным недугам определяется степенью социальной и моральной ответственности его граждан, их доверием друг к другу и к государству, чистотой и честностью игры. Непротивление принципу «успех любой ценой» драматизирует кризис, ведя к едва ли поправимому перерождению цивилизации: из основанной на вере и ответственности на основанную на недоверии и безответственности, точечном и массовом терроре немногих против всех.

Носители вируса «успех любой ценой» встречаются сегодня повсеместно. Следы этой эпидемии легко увидеть не только в террористах, но в уважаемых передовиках бизнеса. Примерами такого рода полна мировая реальность. «Энрон» и «МММ», «Артур Андерсен», «Макдоннел Дуглас» с МД-11 и ядерные испытания, неудачные стратегии МВФ и т. п. Еще Н. Гоголь нарисовал типаж, для которого — «прожить с тонкостью, искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому — вот настоящая задача и цель». Но проблема эта — всеобщая. Дефицит ответственности — это мировая эпидемия социального СПИДа. Безразличие к методам достижения успеха ведет к беззаконию, вплоть до «все дозволено». Именно деятельность этих вирусоносителей привела к нынешнему кризису доверия и безответственности.

Современный финансовый кризис

Более ста лет назад причины трудностей в обслуживании долговых обязательств были разъяснены с поныне актуальной простотой: «чрезвычайное развитие потребностей... и невозможность покрывать их из обыкновенных источников дохода».

Человеческая память, как и взгляд в будущее, зачастую удивительно коротка. Совсем недавно, в 1990-е гг., пронесся целый ураган экономических и прочих катаклизмов. Еще не покрылись архивной пылью впечатления о глобальном фондовом кризисе конца 1990-х гг. ... Еще не все пострадавшие в тех сложностях персонажи оправились от тех «сюрпризов»... И вот всего лишь несколько лет фантастической конъюнктуры на рынках углеводородов, стремительного роста фондовых индексов, либерализации финансовых рынков — и мотивации финансовых элит поражаются «синдромом победителя». Широта возможностей пьянит всю цепочку поставщиков и пользователей финансового капитала. Растущие рейтинговые оценки не просто поощряют этот вирус гордыни, а провоцируют все более безоглядные, говоря старомодно — «шапкозакидательские» — решения. Тем временем незаметно один за другим показатели уязвимости достигают критиче-

ских значений и как бы вдруг вскрывается старая истина — «невозможность покрывать чрезвычайно развившиеся потребности обычным путем».

Круг замкнулся: резкий рост обязательств перед нерезидентами, рост доли сомнительных активов, падение доходности, что особенно болезненно на фоне новообразовавшейся привычки жить на широкую ногу и ценить только сверхприбыль... Более того, «синдром победителя» заметно снижает чувствительность к любому иному суждению.

Есть и еще один нюанс. Совсем недавно все постсоветские страны ощутили достоинства глобализации. И, как любой неопит, ринулись в нее с энтузиазмом. Любопытно, что при характеристике нынешнего положения нет-нет и проступают опять же горделивые нотки — дескать, вот теперь мы тоже часть глобальной системы. Своеобразная это радость. Особенно на фоне нарастающего протекционизма в мировой экономике и известных проблем в мировой валютной системе. Попасть на финансовую иглу в качестве отнюдь не полноправного и не самого тяжеловесного участника всемирной финансовой игры — это не самый увлекательный и не самый перспективный пасьянс. Не о том речь, разумеется, чтобы закрыться от вихрей глобализации. Все-навсего помнить бы, что деньги — это не только и не столько чеканная свобода, сколько социальная и еще более — духовная ответственность. Она тем выше, чем больше масштаб ресурсов, которыми распоряжается та или иная личность, так или иначе организованная группа их.

Ничто не ново под луной, но сколь же скуден наш индивидуальный опыт и как азартны многие — на стороне победителя и проигравшего — в играх с «заменой переменной»!

Изобретение дефолта в близком к современному пониманию датируется IV в. до н. э., когда десять городов Аттической морской ассоциации объявили дефолт по займу Фонда храма о. Делос. С тех пор дефолт как неисполнение обязательств заемщиком от экономической истории неотделим. Аббат Терье, он же министр финансов Франции в эпоху Людовика XV, считал, что государство должно объявлять дефолт хотя бы раз в сто лет. Впоследствии умелое управление дефолтами сыграло исключительную роль в экономической политике США вплоть до новейшего времени, хотя на постсоветском пространстве дефолт как ключевой компонент концепции финансовых рисков появился совсем недавно.

Строго говоря, финансовые рынки, окутывая, как Джоконду сфуматто, и пронизывая, как радиация, рынки товарные, имеют потенциал автономной экспансии. Он ограничен поначалу лишь доверием и симпатиями рыночных агентов друг к другу по принципу Ги де Мопасса-

на, заметившему как-то по другому, но весьма похожему на наш случай поводу: «Женщина всегда занимает положение, соответствующее той прекрасной иллюзии, которую она умеет создать».

За исключением профессионалов, широкие слои инвесторов редко принимают в расчет фундаментальные риски, например, структурные или циклические. По крайней мере до того момента, когда они станут очевидными и донельзя неприятными, как облачающийся в тогу формажора дефолт по обязательствам кредитных или строительных организаций.

Опыт дефолтов и всевозможных кризисов — ликвидности, недвижимости, платежеспособности — привел в развитых рыночных экономиках к формированию надлежащих регуляторов рынка, призванных предупредить, парировать или компенсировать риски ошибочных решений или недобросовестного делового поведения. Среди этих регуляторов — институты госрегулирования, система независимых рейтингов организаций и финансовых инструментов, страхование, обязательные и добровольные стандарты, система сертификации и аттестации и др. Существенную роль играют компетентность всех контрагентов рыночной игры и механизмы ее гарантирования.

Природа денег

Деньги по своей сути — это обоюдное обязательство, некое обещание, исполнение которого может быть растянуто во времени и пространстве. Все участники этого тотального непрерывного обещания имеют одно общее свойство — лимит кредитования. И тот, кто пользуется кредитом, и тот кто его выдает, активы и пассивы, всегда встречаются. Все стороны, таким образом, имеют свои рейтинги, отражающие не столько объем ликвидности, сколько обоснованность и доказательность прав на кредит. Сомнительность активов и низкое качество пассивов — это эрозия, подрыв или крах, в зависимости от темпа потери рейтингового авторитета — именно этого фундаментального права быть надежным должником, которому доверяют. Все ведь мы должники в этом мире, и самая главная долговая цепочка выстраивается не по линии — заемщик—банк—клиенты, а чуть иначе — личность—семья—род—родина... Мы прежде всего должны всем — своей любовью. Только в ней, как заметил Честертон, «заимодавец разделяет радость должника».

Бизнес как война

Современный бизнес и представления о нем буквально нашпигованы заимствованиями из военно-стратегического и оперативного искус-

ства. Использование хитрости, создание ловушек, введение в заблуждение, стремление переиграть соперника любыми методами, все более активное применение методов ограничительной деловой практики, недобросовестной конкуренции — все это превращает бизнес в театр военных действий. Война стала категорией экономической, информационной, психологической. Тот, кто умеет пользоваться этими инструментами, как подчеркивается в одном китайском трактате на эту тему, «может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир, может вызвать гром среди ясного неба, превратить бедность в богатство, презрение в почтение и безнадежную ситуацию в выигрышную. Человеческая жизнь — это борьба... и... каждый человек стоит на линии фронта...».

Принцип «успех любой ценой», по существу, является вирусом, поразившим жизненно важные структуры современных обществ в бизнесе и политике. Были цели — стали мишени. А ведь еще Гамлет заметил — «какой пойдет переполох, когда подвох наткнется на подвох!».

В итоге, в такой конкурентной борьбе выигрывает не самый лучший, а самый лживый, хитрый, беспощадный, самый нечистосердечный, самый безоглядный на последствия своих действий.

Продукция лидеров бизнеса и политики — не только решения и действия ради эффективности, но и имеющие этический смысл — справедливость, честность, разумная достаточность, милосердие. Любая вертикаль ответственной власти и бизнеса строится на вертикалях больших целей, смыслов, ценностей. Без них — власть и бизнес вырождаются в манипулирование ради конъюнктурных и узкогрупповых интересов.

Вот как рисуется картина методов современной гиперконкуренции. Ее свойства: манипулирование ценами, информацией, скоростью и способами реакции рынка на сигналы, создание структур вынужденных (избыточных) затрат, сознательное блокирование доступа на рынок лучших по качеству и цене предложений, формирование ложных ожиданий у участников рыночной игры и провоцирование ее хаотизации, применение широкой гаммы методов подавления конкурентов.

Отмеченные свойства целиком связаны с субъективными качествами, ставкой на эгоистическое, социально безответственное поведение. В конечном счете, гиперконкурентное поведение нацелено на устойчивое извлечение сверхприбыли отдельными игроками за счет управляемого подрыва действия конкурентно-рыночных принципов. Если типовые («нормальные») рыночные стратегии сосредоточены на достижении конкурентных преимуществ за счет развития компетенций

производства и сбыта лучших (по качеству, цене и потребительским свойствам) товаров и услуг, то гиперконкурентные стратегии фокусируются на генерировании и удержании конкурентных преимуществ за счет эгоистического манипулирования всем спектром факторов, влияющих на предложение и спрос, в конечном счете — на потребительский выбор, канализируя его в выгодном для гиперконкурентного игрока направлении

Строго говоря, в гиперконкурентном стиле хозяйственного поведения нового ничего нет. Его истоки без труда отыскиваются в теории игр, военном искусстве и концепции стратагемности.

Конкурентные взаимодействия являются ничем иным как игровой системой со своими правилами и особенностями. Согласно Э. Берну два свойства отличают игры как тип взаимодействия — во-первых, скрытые мотивы: наличие «задней мысли», «нечистосердечность», и, во-вторых, наличие выигрыша. Игры бывают не только успешными, эффективными, выгодными, неожиданными, но и конфликтными, драматичными, нечестными, недобросовестными.

Эквивалент понятия игры — стратагемность мышления и поведения. Стратагемность — это такой алгоритм действий, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость, сплав стратегии с умением расставлять скрытые западни.

Вот примеры некоторых сюжетов из классического набора 36 стратагем: стратагемы подставного лица (убить чужим ножом); изматывания противника (в покое ожидать утомленного врага); стервятника (грабить во время пожара); мистификатора (извлекать нечто из ничего); сокращения истинного направления (втайне выступить в Чэньцан); Янусовой головы (скрывать за улыбкой кинжал); Феникса (позаимствовать труп, чтобы вернуть душу).

В современном английском языке этим термином обозначаются военная операция или прием, хитрость или уловка, интрига, предназначенная, чтобы ввести в заблуждение или заставить врасплох.

В концепции военной хитрости выигрывает тот, кто не только ищет и находит новые способы и средства борьбы, но при этом способен скрыть их и ввести противника в заблуждение относительно разработки, наличия этих средств и способов. Это позволяет застигнуть конкурента врасплох, ошеломить, вынудить неподготовленным вступить в бой, парализовать волю и лишит возможности оказывать сопротивление, создать более выгодные условия для достижения победы с минимальными затратами сил, средств и времени. В более широком концептуальном плане мы имеем дело со стратегией не прямых действий,

ставшей основой стратегического планирования как в военно-политической области, так и в бизнесе.

Прежде всего, речь идет о таком способе стратегического мышления и действия (т. е. перехода организаций в качественно новые состояния), который предполагает завоевание конкурентных преимуществ путем замаскированного (скрытно, стратагемно оснащено) подрыва (хаотизации) существующих рынков и эгоистического манипулирования его участниками — конкурентами, потребителями, государственными инстанциями и т. д. в целях получения выгод эгоистического типа.

Изменение правил игры под силу, конечно, игрокам-тяжеловесам. Вполне уместно учесть и фактор конспиративности — из-за кулис и находясь вне зоны ответного поражения проще и безнаказаннее менять обстановку на поле бизнес-боя. Однако как только появление все большего числа конкурентов на рынке с новыми правилами сделает положение игрока уязвимым, конкуренция сдвинется в пользу того, кто может продержаться дольше всех, основываясь на своей мощной финансовой базе.

Особый аспект финансовых возможностей для гиперконкурентной стратегии связан с незаконным (по меркам законодательства и соответственно по методам исполнения) уводом финансовых ресурсов от налогов, кредиторов, «чужих» акционеров. Главная борьба за корпоративный контроль разворачивается обычно здесь — узкой и закрытой для непосвященных сфере корпоративных финансов, подобная борьба не может не иметь криминального оттенка.

Стратегическое давление, последовательное или одновременное, предполагает проведение серии акций, предназначенных блокировать, сконфузить, смутить соперника, заставить его принимать скороспелые шаги, делать ошибки. В целом, гиперконкурентный стиль — это своего рода ракета с разделяющейся боеголовкой, включающей как действительные боезаряды, так и множество их муляжей. Отвлекающие маневры могут проводиться на разных товарных и географических рынках, с эшелонированной подготовкой во времени.

Формальное доказательство древних заповедей

На плечах сегодняшних лидеров лежит огромная ответственность за нераспространение болезнетворных вирусов — этого социального СПИДа, оружия массового поражения смыслового ядра общества, основ его солидарности и жизнеспособности.

Успех любого сотрудничества определяется способностью всех ее участников сопоставить свои усилия на достижение общей задачи. Не

успех любой ценой, не торжество эгоизма, а гармония, талантливое сочетание плюсов и минусов всех игроков, добровольное принятие ими в расчет предпочтений и интересов других действующих лиц, согласованное следование всех общей стратегии дают в итоге победу. За понимание этой истины совсем недавно была присуждена Нобелевская премия по экономике. Ее лауреат, Джон Нэш, совершил открытие, сопоставимое с вкладом Ньютона, Коперника, Эйнштейна в естественных науках.

Джон Нэш опроверг классический постулат Адама Смита о том, что «невидимая рука» рынка, побуждая индивидов преследовать свои эгоистические цели, увеличивает благосостояние всего общества. Невязки этого тезиса с реальностью находили теоретическое разрешение либо во все более абстрактных схемах, отрывающихся от жизни и опирающихся на множество условных допущений (о совершенстве рынка, рациональности поведения и т. д.), либо в эклектике практицизма. За 250 лет после Адама Смита вскрылось множество «внешних эффектов» хозяйствования, разработаны многообразные концепции социальных благ, даны более обширные мотивации экономического поведения, осмыслены превращения «невидимой руки» в «видимый и невидимый кулак». Но главное — мир не раз становился свидетелем того, как во вражде и жажде делового успеха, основанной на примате эгоистических устремлений, ломались судьбы людей, организаций и народов, истощались ресурсы, деградировала экология, погибали социальные системы. Случившийся в 1990-е гг. повсеместно в мире всплеск либерализма в таком, узкоэгоистическом, понимании совершенно отчетливо сменяется иными, восходящими к «социально-рыночному хозяйству», конструкциями и мотивациями социальной ответственности.

Суть открытия Джона Нэша состоит в доказательстве формально-математическими методами чрезвычайно простой и очень древней нравственной установки, приложенной к повседневной практике бизнеса, переговорных процессов вплоть до международного уровня. А именно — для достижения устойчивости в сложных системах, которыми являются любые социальные группы, необходимо, чтобы каждый индивид, каждый игрок стремился к достижению своих целей, но с учетом взаимодействия с другими игроками и требованиями благополучия всей системы. Таково новоподтвержденное авторитетом Нобелевского комитета базовое требование к правилам командной игры. Только корректируя свое поведение с учетом интересов других игроков, можно достичь оптимального распределения выигрыша для всех сторон, причем не только внутри команды, но и между соперниками.

Состязательность, таким образом, может вполне эффективно подражать партнерству.

Описание последствий нарушения этого правила правил мы находим в Ветхом завете, в истории со строительством Вавилонской башни. Замысел построить город и в нем башню высотой до небес принадлежал потомкам Хама, одного из сыновей Ноя, чей ковчег спас человечество от гибели. Однако замешан этот замысел был на стремлении прославиться и — что особенно важно — выйти из завещанного Ноем подчинения потомкам Сима и Иафета, братьев Хама. Итог небогоудной затеи хорошо известен — строители стали говорить на разных языках, перестали понимать друг друга, бросили стройку и разошлись по земле в разные стороны. Постепенно забыли люди и свое изначальное родство. Командная игра не получилась, сказали бы наблюдатели сегодня.

Благотворные системы

Социальная ответственность — вполне измеримая категория. Она давно перешла из аморфной ценности, которую можно не принимать в расчет в социальном поведении, в фактор подлинных конкурентных преимуществ. Ведь не имеет смысла преимущество, построенное на обмане — это как дом, построенный на песке. Все тайное, как гласит библейская истина, неизбежно становится явным. Но общество должно само сформулировать требования к бизнесу. Довести эти требования до нормативного статуса — в виде кодексов корпоративной чести, по возможности — законов, критериев рейтинговых оценок. Необходимо сформулировать жизнеспособные правила игры, которые своим авторитетом заставят следовать им всех, кто вступил на поле бизнеса и политической власти.

Каждая система имеет свой уровень социальной ответственности. Или, что то же, уровень благотворности. Это — отношение всей пользы и добра, исходящих от социальной структуры, ко всему вреду и злу, исходящим от нее на протяжении ее жизненного цикла. Системы, у которых этот уровень ниже единицы, следует считать неблаготворными, безответственными.

Определение уровня благотворности системы возможно аналитическим путем, интуитивно-интегральным, интуитивно покомпонентно: влияние на природу, тело, душу и дух людей.

Благотворные системы отличаются сориентированностью на личность, на уважение «другого» — будь он гость, или потребитель, или партнер, имеют высокую надежность и долговечность, просты, недо-

роги, приносят минимальный вред природе, защищены от вредного использования, укрепляют веру, нейтрализуют энергию зла.

Стратегии и форс-мажоры истории

Горделивая самоуверенность людей иногда находит утешение в их удачно сложившихся индивидуальных судьбах. Но трудно не заметить, что на фоне фундаментальных эволюционных процессов наши жизни часто выглядят как хрупкие бунгало во время цунами. Как легко самые отточенные стратегии политики или бизнеса сметаются со сцены жизни бесцеремонными форс-мажорами — обстоятельствами непреодолимой силы! На этом фоне удивительным является необозримое множество совершившихся успешных стратегий поведения людей, организаций и народов. Кому-то из них, по их же признанию — «случайно повезло», а кто-то был мудр в понимании сути вещей и полон энергии в достижении правильно поставленных целей.

«Обстоятельства непреодолимой силы» характеризуются непредсказуемостью и неподвластностью управленческому воздействию. Однако действующие лица истории различаются по своей способности принимать в расчет риск форс-мажоров. Важнейшим элементом такой рискологии выступает осознание: 1) цикличности исторической эволюции соответствующих социальных систем, 2) их «зависимости от избранного в прошлом пути», 3) спектра возможных в будущем траекторий эволюции.

Особый интерес представляет выявление долгосрочной динамики «повестки дня», в которой концентрированно проявляется осознание правящими элитами стратегических вызовов, встававших перед странами и более широко — цивилизациями как социоприродными системами. Не случайно А. Тойнби заметил однажды, что ключевая причина распада многих империй — неадекватное восприятие реальности их руководящими элитами.

Очевидно, что при всей специфике вызовов разных эпох в ходе их инвентаризации мы обнаружим практически полный спектр вызовов, которые существуют либо во все времена, либо периодически, иногда или одноразово. Сами по себе эти вызовы являются напряжениями (конфликтами) вследствие внешней или внутренней динамики социоприродной системы. На эти проблемы управляющие подсистемы, включая и механизмы самоорганизации, дают свои ответы. Как своевременные и эффективные, так и не всегда адекватные и успешные.

Субъект восприятия и оценки вызовов, а затем формирования стратегии ответа на него всегда представляет из себя коалицию (сеть). Эволюция исторического субъекта, как и социальных систем в целом,

есть не что иное, как формирование, реформирование, распад разноплановых коалиций. В динамическом разрезе коалиции представляют из себя подмножества взаимозависимых видов деятельности, которые комбинируются в результате человеческих решений и развертывания «логики обстоятельств».

Коалиции предназначены уловить эффекты выгод совместной деятельности (синергию). Способом создания и освоения эффекта совместной деятельности является стратегирование. Стратегии возникают либо в ответ на перемены во внешней среде либо в их упреждение. Но сами эти ответы обусловлены набором правил (ограничений), также как, например, в игре в шахматы. Важнейший класс таких ограничений описывается в теории как архетипы. Архетип — это структурный принцип коллективного бессознательного, априорная, доопытная форма поведения. Он представляет собой глубинные характеристики социальной материи и проявляется в поведении людей, их мышлении, решениях, отношении к реальности. Стратегии представляют собой процесс поиска траектории переходов от одной структуры коалиций (состояний системы) к другой. При этом стратегии могут соответствовать цивилизационным архетипам, либо противоречить им. Успеха достигают, как правило, стратегии первого типа. Все системы стремятся к положению, где незначительные изменения более вероятны, чем изменения большого масштаба, а дезинтеграция субъекта целиком менее вероятна, чем дезинтеграция его отдельных частей. Кроме того, масштаб эволюционных изменений зависит от размера коалиций, вовлеченных в изменение. Соответственно могут возникать такие размерности коалиций, которые заметны, например, лишь в рамках учебного класса, а могут быть и коалиции, чреватые риском глобального катаклизма.

То, что называется спецификой цивилизаций, есть набор правил (архетипы), которые предотвращают блуждания по всему пространству решений и траекторий и задают приемлемый в данной системе коридор инновационных фантазий представителей данной цивилизации.

Стратегические решения нацелены на перевод систем в качественно новое состояние. Объектом стратегических решений могут быть как внутренние, так и внешние параметры системы, но в их основе всегда лежат предпочтения принимающих решения лиц, их культура восприятия и интерпретации интересов существующей и ожидаемой коалиции. В зависимости от полноты и алгоритмов учета интересов членов коалиции решения могут быть эгоистическими либо взаимовыгодными. При проведении игроками линии, продиктованной эгоистическими мотивами, возникает ущемление интересов других игроков, реакция

которых способна блокировать не только получение выгод, но и реализацию самих решений. Ситуация, следует заметить, типичная для современной глобальной социодинамики. Особый класс решений касается символических сюжетов, связанных с самоидентификацией игроков, выражаемой в религии, науке, искусстве, массовом сознании.

Выбор траектории эволюции зачастую происходит как угадывание лидерами коалиций направленности эволюционных процессов и лишь затем как попытка их обоснования и отбора. Проблема заключается в том, в какой степени осознанный выбор траектории будет соответствовать внутренним тенденциям системы, какие усилия потребуются для ее вывода на целевую траекторию и целевое состояние и совпадут ли темпоритмы внешней среды и данной системы. Известно ведь множество попыток направить эволюцию общества насильственно вопреки естественным законам. Именно поэтому столь важны сегодня исследования цивилизационной специфики, поскольку возникли теории, обосновывающие всемирную унификацию разных цивилизаций. А имеющийся в руках некоторых глобальных игроков технологический и экономико-политический потенциал может спровоцировать их эгоистическое, а не взаимовыгодное поведение.

А.-З. НОВАК, К. РЫЧЬ

**Глобализация, транснациональная интеграция
и валютные зоны
(качественный подход)***

Многие экономисты задаются вопросом, имеют ли место в эпоху глобализации региональные интеграционные процессы и возможны ли региональные экономико-валютные союзы с общими деньгами. Еще несколько лет назад Р. Манделл, лауреат Нобелевской премии 1999 г. и сторонник валютных зон, утверждал, что в обозримом будущем, вероятно, такие процессы окажутся ненужными, поскольку в XXI в. мы будем иметь дело с глобализованным миром и единой мировой валютой — *глобалом*. Ныне — спустя несколько лет — уже очевидно, что Манделл был слишком большим оптимистом. Последние финансовые кризисы, неравновесие в международной торговле, напряжен-

* Перевод с польского старшего преподавателя факультета управления Варшавского университета Д. Столярек.

ность в политических отношениях и укрепляющиеся позиция стран, располагающих природными богатствами (газ, нефть, продукты питания и др.), в частности, из-за роста цен на них, указывают на то, что процесс образования хозяйственных региональных группировок имеет перспективы.

Сегодня уже можно подвести некоторые итоги мирового глобализационного процесса.

1. В литературе процесс глобализации не оценивается однозначно. Некоторые экономисты, среди них И. Стиглиц, считают, что глобализация привела, с одной стороны, к огромной дифференциации доходов, с другой — к значительному ухудшению стандартов жизни многих обществ. Отмечается, что самые высокие доходы получаются от финансовых операций, самые низкие — от наемного труда, чаще всего в производстве. Дифференциация доходов углубляется как внутри стран, так и в международных масштабах. В результате страны богатого Севера — располагающие крупными и хорошо развитыми финансовыми рынками — стали еще богаче, а страны бедного Юга, отличающиеся большими трудовыми ресурсами, — относительно беднее. Подвергается также критике и меняющийся характер транснациональных корпораций. В результате либерализации движения, стандартизации и интернационализации производства и в поисках высокой прибыли корпорации перемещают свое производство в места, где низки издержки производства, а управленческий аппарат — где ниже налоги. В первом случае, правда, создаются новые рабочие места, что в результате увеличивает доходы местного населения и тем самым, в большинстве случаев, глобальный спрос, но одновременно в результате несоблюдения экологических норм уничтожается природная среда. Эффектом перевода корпораций в офшоры стало появление местных бюджетных дефицитов и осложнений в регулировании обязательств перед бюджетной сферой (вузы, школы, здравоохранение, коммунальные службы и др.).

Следует отметить, однако, что глобализация способствовала ускорению экономического развития в менее продвинутых странах. Прежде всего она дала шансы странам с небольшим капиталом. Стандартизация производства и развитие оутсорсинга привели к тому, что главными производителями промышленных товаров стали страны Дальнего Востока, которые многие годы считались слаборазвитыми и лишенными шансов на конкуренцию в промышленном производстве с высококоразвитыми странами. В настоящее же время в Юго-Восточной Азии выпускается около 40% мировой продукции — а во второй половине XXI в. эта цифра будет свыше 70%.

Можно сказать, что за последние десятилетия глобализация заново сформировала международное разделение труда. На экономической карте современного мира можно выделить изобретателей, проектировщиков и подрядчиков. К первым, как правило, относятся лица, работающие в мировых научных центрах, которые еще недавно размещались в основном в странах с высокими доходами на душу населения и прочными научными традициями, поддерживаемыми высокими ассигнованиями на науку и исследования. И сейчас также большинство изобретений и открытий совершается в этих странах, но четко видно, что новаторство, изобретательность и открытия в науке и экономике переводятся и в другие районы — с меньшей до сих пор склонностью к творческой деятельности. В числе самых лучших университетов и исследовательских центров все чаще появляются такие, о которых несколько десятилетий назад никто и не слышал, — исследовательские центры в Азии, в Центральной и Восточной Европе. Проектировщики также происходят из разных мест — культурно и технически менее или более развитых. Глобализация дает им возможности создавать новые предложения и принимать решения, так как открывает доступ к информации об имеющихся до сих пор решениях и предложениях, а также к возможностям и рынкам сбыта новых решений. Глобализация способствует также и адаптации новых проектов к местным требованиям.

Глобализация в результате интернационализации и стандартизации производства также дает шанс для реализации изобретений и проектов странам и обществам, которые на нынешнем этапе развития сами не могли бы участвовать в их разработке. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, осуществление этих проектов, как правило, обходится дешевле и заодно более выгодно в стране, где издержки производства ниже, чем в стране изобретателя. Во-вторых, стандартизация производства влияет на то, что выпускаемые товары — вне места их проектирования — так же хороши по качеству, как и изделия, выпускаемые в стране изобретателя. Кроме того, за счет роста доходов населения в стране-подрядчике появляется дополнительный спрос на выпускаемые товары.

Итак, можно сказать, что глобализация, с одной стороны, стимулирует, с другой, способствует взаимопроникновению производств, созданию и совершенствованию новых методов, а также товаров и услуг. Происходит это, в частности, благодаря либерализации торговли и движению капитала и современных технологий.

2. Наблюдение за экономическими процессами последних десятилетий приводит к выводу, что глобализация по-прежнему оставляет

открытый простор для транснациональной интеграции. Особенно важными являются сближение институтов, укрепляющих взаимное доверие, унификация правового регулирования, организационных и административных структур.

Причин этому много. В их числе, в частности, сложность согласований между отдельными странами — даже в рамках ВТО — законодательства относительно либерализации торговли, тарифных, паратарифных и внетарифных ограничений. В результате договариваются, и даже создают интеграционные группировки, страны, которые прямо заинтересованы в либерализации потоков. Как правило, это страны с сопоставимым уровнем экономического развития, расположенные рядом, но не только. Бывает, что интеграционные группировки создают страны с большими различиями в развитии. Их отличает то, что они лидеры в какой-либо области.

Глобальную интеграцию не облегчают культурные, политические и религиозные различия между отдельными странами. Люди часто опасаются, что из-за этих различий им трудно будет завоевать общественное доверие. Ограничивают процессы глобализации, как и прежде, географические расстояния — хотя, конечно, сейчас они играют намного меньшую, роль чем несколько лет назад. Удешевилась телефонная связь, без проблем можно пользоваться спутниковой связью, Интернетом, сократилось время авиарейсов благодаря использованию современного авиационного оборудования и др. В результате — хотя торговые и финансовые обороты и приток капитала, как спекулятивного, так и от прямых инвестиций, с каждым годом увеличиваются, по-прежнему остается проблема интеграции (глобализации) человеческого капитала.

В мире наблюдается относительно низкая мобильность трудового фактора. Но заметно растет туристический обмен — вероятно, потому что в мире около 450 млн человек проживают вне места своего рождения. Их растущая обеспеченность позволяет посетить места своего происхождения. Существуют причины низкой трудовой мобильности. К наиболее важным следует отнести незнание иностранных языков, приверженность человека семье, местным обычаям, религии, языку и вообще своей Родине.

Для усиления мобильности рабочей силы недостаточно одной дифференциации зарплаты. Это важный фактор, но не решающий. Исследования показали, что в этом нет ничего нового, потому что в самом Евросоюзе трудовая миграция невысока и составляет в среднем 2 человека на 100. Только в США этот коэффициент относительно высокий и составляет около 25 на 100.

Другим фактором, осложняющим процесс глобализации, является отсутствие полной диффузии техники между отдельными странами. Правда, наблюдаются интернационализация и стандартизация производства, в результате чего многие товары выпускаются по принципу оутсорсинга — но только в странах высокоразвитых, притом не во всех, внедряются новые исследовательские проекты, в результате которых вырабатываются современные технологии и новшества. В некоторой степени это объективное явление. Ведь в этих странах функционируют наиболее престижные исследовательские центры, здесь выдается больше всего патентов, и уже давно налажена тесная связь между исследовательскими центрами и фирмами — в результате чего облегчена коммерциализация результатов исследований. Тем не менее, эти процессы ослабляют глобализацию.

Глобализация не вполне использует эффект синергии, особенно относительно транснациональных корпораций. Это, видимо, является следствием опасений, что эти институты после объединения могут стать противовесом для многих стран современного мира.

Подводя итоги, следует отметить, что в современном мире происходят, по крайней мере, два параллельных процесса — глобализации и транснациональной интеграции.

Ярким примером этому служит Европейский союз, в который только за последние четыре года вошли еще 12 стран. Это означает, что ныне Евросоюз состоит из 27 стран и намерен расширяться далее. В Евросоюзе процессы интеграции выражаются, с одной стороны, в создании Экономического-валютного союза с общими деньгами — евро, с другой — в попытках создания полноправного субъекта международного права, опирающегося на общую конституцию, совместное правительство и парламент, а также правосудие. Транснациональная интеграция происходит также в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и в других регионах мира.

Другим явлением, характерным для современных экономических отношений, является привлечение крупными экономиками и сообществами международных внешних партнеров. Примером может служить экономическое сотрудничество между США и Китаем. Очевидно, что эти экономики вполне совместимы. За последние несколько лет у Китая был облегченный доступ к продаже своих товаров на американских рынках. В свою очередь, у американцев был доступ к дешевым товарам, что даже при экспансионистской денежной политике позволяло сохранить в США низкий уровень инфляции. В обмен на экспорт дешевых товаров в США Китай получал американские доллары, создавая положительное сальдо на счету текущих оборотов и в результате

— крупные валютные резервы, которые в мае 2008 г. составили 1,7 трлн дол. Высокие доходы от экспорта Китай использует для модернизации экономики, часть направляет на прямые иностранные инвестиции (FDI), в частности, в Африку и Центральную Азию.

3. Глобализация не решила проблем равновесия мировых финансов. Выбор национальных валют в качестве мировых денег не оправдывается, что проявляется в турбулентности денежных и фондовых рынков, а также в роковых последствиях для валютных курсов. Рыночный курс валют отрывается от экономики. В первую очередь это относится к американскому доллару, который в течение многих лет играл роль основной расчетной и резервной валюты современного мира. Возникает вопрос — почему так происходит? На основании чего хозяйственные субъекты теряют доверие к основной валюте и ищут другие инвестиционные возможности?

Для американской экономики характерны:

- высокое новаторство, а также высокая эффективность иностранных инвестиций, осуществляемых фирмами из США;
- относительно большой ВВП — в США он по-прежнему высок и составляет 1/4 мирового ВВП;
- стабильные цены — инфляция в США была и остается низкой;
- относительно высокое участие в международном обмене, измеряемое объемом экспорта и импорта;
- крупные и хорошо развитые финансовые рынки — в США существуют и функционируют финансовые рынки с самой высокой в мире капитализацией.

Так что же тогда является причиной потери доверия к американскому доллару как основной резервной валюте современного мира? Ответ на этот вопрос непрост. Кажется, однако, что одной из главных причин потери доверия к американскому доллару является вообще излишек финансовых средств, номинированных в основном в американских долларах. Если доверять международной статистике, то ежедневный объем оборотов на финансовых рынках в среднем в 30—40 раз выше, чем на рынках товаров и услуг. Такое положение, связанное с фактом отсутствия обратимости доллара в золото, может вызывать у инвесторов некоторую неуверенность, а впоследствии — необходимость поиска замены инвестируемых свободных средств. Имеет значение и денежная политика Федеральной резервной системы (ФРС), которая за последние годы, как и в предыдущие периоды, проводилась довольно экспансивно. Следует добавить, что основное количество американских долларов — около 85—90% — находится вне террито-

рии США. Учитывая дополнительно рост цен на энергоресурсы, потребительские товары, образование огромных финансовых излишков в странах — экспортерах энергоносителей и потребительских товаров, а также отсутствие политической и общественной стабильности во многих регионах мира, где «действуют» США стало очевидным, что турбулентность на финансовых рынках, вызванная, в частности, бегством от американского доллара, становится фактом. В некоторой мере реакцией на такого типа процессы стало создание в Европе Экономически-валютного союза с общей валютой евро. Возможность инвестирования в евро немного стабилизировала положение на финансовых рынках, в особенности на валютных. Все это показывает, что американский доллар не должен быть единственной международной валютой.

4. Указанные выше явления доказывают, что шанс на создание мировых денег, о которых упоминал Р. Манделл, небольшой. Кажется, что в сложившемся положении ни один из ведущих экономических центров мира не заинтересован в создании международных денег мирового масштаба. И сами американцы считают, что введение евро имеет положительные стороны. Стоит привести высказывание Р. Волкера, бывшего руководителя ФРС, который за время правления президента Р. Рейгана добился огромных успехов в борьбе против инфляции в США, сократив ее уровень с двухзначного до однозначного. Во время встречи с представителями бизнеса в Яксонвилле во Флориде (февраль 2008 г.) он сказал, что появление евро в качестве международной валюты не только стабилизирует финансовые отношения в мире, но и заставляет США проводить более рациональную финансовую политику, что в результате может оказаться полезным не только для Евро-союза и США, но и для всего мира. Мнение профессора Волкера отличается от тех, которые можно было услышать в США в 1990-е гг.¹ В-первых, мало кто тогда верил, что введение евро может оказаться ус-

¹ «Европейский монетарный союз прошел длинный путь от нереальной плохой идеи к плохой идее, которая уже скоро станет действительностью. Высокая безработица, слабый экономический рост, неудовлетворенность системой опекунского государства, которое уже никому не по силам, — все эти болячки видят новую надежду в отчаянной идее однородных денег. Получается так, как будто благодаря им можно было решить действительные проблемы Европы. Пока что все наоборот: тяжелая работа проведенная ради выработки совместной валюты и выполнения жестких требований Маастрихта, обуславливающих допуск к европейскому монетарному союзу, отягощает бремя, ложившиеся на плечи итак уже плохо управляемой Европы. Усилия, направленные на достижение монетарного союза, в виде регулирующих постановлений из Маастрихта, быть может, останутся в памяти как одна из бессмысленных баталий в европейской истории. Издержки победы большие, а экономическая выгода — минимальная. Зато перспективы пережитого разочарования — удручающие» (Р. Дорнбуш [1]).

пешным. Тогда говорилось о «еврофантазиях». Во-вторых, считалось, что оно будет вредить как Америке, так и всему миру. Сегодня видим, что это не так. Евро, наоборот, стабилизирует экономическое положение в Евросоюзе, а также в значительной части мира. Происходит так потому, что присоединение к зоне евро требует следования некоторым критериям, которые в результате стабилизируют данную экономику. К ним относятся так называемые монетарные и фискальные критерии. Среди них выделяются:

- низкий уровень инфляции (инфляция в стране, которая стремится вступить в Экономический и валютный союз не может быть выше (в течение 12 месяцев до вступления), чем средняя инфляция в трех странах Союза с самыми низкими ценами, корректируемая вверх на 1,5%);
 - относительно низкие процентные ставки, которые не должны быть больше чем на 2% процентных ставок на государственные облигации со сроком погашения 10 лет в трех странах Союза с самыми низкими ценами;
 - стабильный валютный курс, который в течение 24 месяцев до вступления в зону евро не должен подвергаться колебаниям более, чем $\pm 15\%$ от базового курса, принятого Центральным банком.
- Среди фискальных критериев выделяются:
- уровень бюджетного дефицита, который в странах присоединяющихся к зоне евро, не должен быть выше чем 3% по отношению к ВВП;
 - уровень публичной задолженности в стране вступающей в Экономический и валютный союз, не должен быть выше чем 60% по отношению к ВВП.

Представленные критерии (критерии Маастрихта), несомненно могут служить стабилизаторами каждой экономики.

Итак, можно считать, что начало выполнения требований, выдвигаемых странам, стремящимся вступить в Экономический и валютный союз, оказалось предварительным — но важным — этапом создания валютных зон и транснациональных денег вне Европы.

Экономическая выгода от введения совместной валюты на примере евро

Ограничение курсового риска. Риск появляется вследствие возможности наступления изменений валютных курсов в ходе расчетных процессов. Это означает, что фактические валютные курсы могут оказаться иными, чем предполагалось в бизнес-планах. Правда, сущест-

вуют срочные сделки, заключаемые для страховки от потерь вследствие неблагоприятных изменений валютных курсов, но они не являются достаточным решением этой проблемы из-за высоких издержек хеджирования — они составляют 2% стоимости продаж и закупок малых фирм. Кроме того, не все предприятия имеют доступ к инструментам хеджирования, особенно это относится к малым фирмам с незначительным уровнем финансовой ликвидности и фирмам в странах, в которых рынки не вполне зрелые (например, в Ирландии, Испании и Португалии).

Сокращение транзакционных издержек. Эти издержки образуются из-за необходимости обмена валют при покупке товаров и услуг за рубежом или во время путешествий за границу. Статистический турист несет издержки валютных транзакций в размере 13 дол. при каждом переезде границы в странах Европы; эти издержки следует умножить на десятки миллионов таких поездок, совершаемых в течение года гражданами европейских стран. Евро исключает эти издержки. До введения евро в европейской экономике ежегодно совершался обмен, эквивалентный 7,7 трлн дол. из одной валюты в другую, и надо было заплатить эквивалент в размере 12,8 млрд дол. в качестве издержек этих сделок, что составляет 0,4% ВВП Евросоюза. Эти издержки особенно ощутимы для фирм, действующих в малых странах, со слабо развитой банковской системой и рынками обмена валют с низким уровнем ликвидности.

Прозрачность цен. Общая валюта влияет на то, что различия в ценах товаров и услуг и различия в зарплатах между отдельными странами становятся более заметными, что усиливает конкуренцию на рынках. Пока не было евро, сопоставление цен компьютеров, электротехники, стройматериалов, автомашин, консалтинговых услуг или стоимости иностранных контрактов путем пересчета из одной валюты в другую было сложной и утомительной задачей для потребителей на европейском континенте. Немцы не могли привыкнуть к пересчету «в тысячи лир», зато для итальянцев португальское эскудо было далекой и абстрактной валютой. В результате запросто случались явления ценовой дискриминации. В 1997 г. машина марки «Ауди» стоила в Германии около 38 тыс. марок, а в Дании — только 27 тыс. марок. Зато цена автомобиля «Фиат» составляла более 37 тыс. марок, а в Италии — 28 тыс. марок.

Таким образом, евро гарантирует простую и последовательную платформу для сопоставлений, поощряющую домашние хозяйства и предприятия для сравнения зарубежных цен. Евро приводит также и

к выравниванию цен товаров, обмениваемых между отдельными странами.

Укрепление финансовых рынков. До введения евро ценные бумаги отдельных стран — членов Европейского союза котировались на биржах в соответствующих отечественных валютах. Для многих субъектов такое положение было серьезной помехой, потому что во многих случаях трудно было разобраться в фактических ценах. Это приводило к фрагментации финансовых рынков и отталкивало от иностранных инвестиций. Эти факторы сохранились бы даже после исключения издержек сделок обмена валют и связанного с этим риска. Такое положение иногда сравнивается с предполагаемым хаосом, какой случился бы на Уолл-стрит, если бы американские ценные бумаги из разных регионов страны стали котироваться в калифорнийских долларах или долларах из Делавэ. Практика показала, что в таком случае имеет место много игры, так называемой охоты okazji в арбитраже, вместо качественного анализа.

Более широкие экономические цели введения евро

Укрепление макроэкономической стабильности. Большинство из 15 стран — членов Европейского союза, в том числе страны, участвующие в первом раунде Экономического и валютного союза, после завершения Второй мировой войны решали проблему инфляции. Ирландия, Англия, Италия, Португалия и Испания были особенно восприимчивыми к инфляции. Это явление осложняет деятельность как покупателей, так и продавцов, увеличивает издержки кредитов, повышает действительные процентные ставки, что воспринимается как отрицательный сигнал, касающийся формирования инвестиционного климата.

Евро вводит систему с большой вероятностью низкой инфляции, и тем самым гарантирует макроэкономическую стабильность для многих стран Евросоюза. По мнению некоторых экспертов, эффект здесь практически гарантирован, так как Евросоюз располагает наиболее независимым в мире центральным банком — Европейским центральным банком (ЕЦБ). Центральные банки регулируют уровень инфляции в данной стране, применяя ряд инструментов монетарной политики, направленной на снижение или увеличение спроса или предложения денег. Исследования показали, что чем выше уровень независимости центрального банка, тем ниже инфляция.

Во многих странах Европы центральные банки находились под сильным давлением политического влияния, что в некоторых случаях вело к экспансионистской монетарной политике и к высокому уровню

инфляции. ЕВС — учреждение, созданное точно по образцу немецкого Бундесбанка, известного во всем мире традиционной независимостью. И хотя высокий уровень независимости ЕВС не имеет прямого значения для стран, которые и так отличаются низкой инфляцией (Германия, Австрия, Бельгия и Голландия), однако представляется гарантией более стабильного экономического будущего для остальных стран.

Снижение процентных ставок. Евро оказывает влияние на снижение не только инфляции, но и процентных ставок. Кроме того, евро позволяет применять низкие процентные ставки благодаря сокращению риска, связанного с курсами обмена валют. Раньше фирмы, инвестирующие в другие страны, как правило, ожидали высоких процентных ставок для возмещения предполагаемых потерь, связанных с риском обмена валют. В связи с сокращением этого риска в анализах ЕС ожидается снижение процентных ставок на 2%.

Структурная реформа. Некоторые эксперты считают, что введение евро способствует проведению очень нужной структурной реформы в Европе. Страны, стремящиеся улучшить положение своей экономики, выполняют критерии конвергенции, определенные в Трактате о Европейском союзе. В будущем их ожидает еще приспособление к постановлениям Пакта о стабильности и развитии. Это соглашение вводит серьезные ограничения на государственные займы и заставляет правительства упорядочить публичные финансы. Пакт предусматривает также штрафные санкции для государств, берущих слишком высокие займы.

Ожидаемый статус резервной валюты. Лидеры Евросоюза надеются, что евро станет важной международной резервной валютой. Резервные валюты используются центральными банками, правительствами стран и частными фирмами во всем мире в качестве долгосрочных вкладов, а также для обеспечения своих текущих финансовых нужд. В настоящее время, несмотря на снижение курса, основной резервной валютой остается американский доллар, хранящийся в фондах центральных банков и главных финансовых институтов. Еще недавно он использовался в почти 83% двусторонних, внешних трансакций обмена и составлял около 63% официальных финансовых резервов мира. С исторической точки зрения можно считать, что настоящей резервной валютой может стать валюта, отличающаяся значительной ликвидностью и стабильностью и одобряемая как платежное средство в крупных экономических системах.

Высший экономический рост. Низкие транзакционные издержки и меньший риск, связанный с валютным курсом, в совокупности с прозрачностью цен и однородностью платежного средства способствуют

фактическому росту рынка товаров в Евросоюзе. Можно услышать мнение, что благодаря введению евро станет возможным достижение экономии такого масштаба, который никогда раньше не отличался в среде европейских предприятий, можно выпускать товар с более низкими средними затратами по сравнению с конкурентами, благодаря большим объемам продукции.

В настоящее время в Евросоюзе возлагаются надежды на извлечение выгоды благодаря более низким средним издержкам, более высокой производительности и усилению конкурентоспособности в результате расширения внутреннего рынка.

Предполагается, что евро окончательно приведет к увеличению экономического роста в ЕС на 1% в год. В некоторых прогнозах называется число и повыше, что удивляет, учитывая, что различий в темпах экономического роста между США и Европой (2%) было достаточно, чтобы в течение полувека (1820—1870) преобразовать США из постколониальной страны с экономикой, в которой доминировало сельское хозяйство, в самую крупную экономическую державу мира.

Безопасность по отношению к спекулятивным атакам. Общая валюта означает большее участие в мировом М1, что влияет на ее безопасность в случае попыток спекулятивных атак. Таких гарантий безопасности не дает национальная валюта как по незначительному участию в мировом М1, так и из-за значительной зависимости от государственной власти.

Создание зоны евро благоприятно повлияло не только на финансовую сферу, но и на реальную сферу в отдельных странах. Эти изменения были, в частности, последствиями следующих явлений.

Свободное перемещение трудовых ресурсов. В результате осуществления свободы общего рынка более эффективно используется производственный фактор. Работники в Евросоюзе перемещаются в соответствии с получаемой зарплатой по конечной производительности труда. Это означает, что работники из стран, которые недавно вступили в Евросоюз, находят работу в странах — старых членах Евросоюза. В связи с этим, во-первых, сокращается безработица в странах, проходящих экономическую трансформацию, в ходе которой многие нерентабельные предприятия закрываются; во-вторых, переезд относительно хорошо подготовленных работников в «старом Евросоюзе» значительно сокращает дефицит рабочей силы и тем самым оказал благоприятное влияние на уровень темпов экономического роста. Конечно, поток рабочей силы сопровождается некоторыми осложнениями, вытекающими из разных предпосылок. На первом этапе во многих странах «15-ти» опасались «наезда» работников из новых союзных стран

— из-за существенного различия в размере заработной платы, — поэтому в некоторых из них были введены периоды дерогации. Потом оказалось, что работники из новых союзных стран не проявляют чрезмерного интереса к трудовой миграции. Большим препятствием стало незнание иностранных языков, культурные факторы, а также рост заработной платы и тем самым сокращение дифференциации доходов на родине. Кроме того, многие трудовые мигранты стали возвращаться на родину. Они «привозили» не только финансовые средства, заработанные за рубежом, но также ноу-хау, современные методы управления, намерения заняться собственной хозяйственной деятельностью и другие качества. Все это повлияло на введение новых предпринимательских идей в новых союзных странах, рост конкурентоспособности и в Союзе, и в отдельных странах.

Рост доверия к экономикам стран, вступающих в Евросоюз, в результате реорганизации институтов. Вступление в Евросоюз требовало выполнения некоторых качественных требований как государственными институтами, так и бизнесом. Была восстановлена двухступенчатая банковская система, в которой центральный банк исполняет функцию банка страны и отвечает за предложение денег, финансовую стабильность экономики и безопасность банковской системы — оставаясь конечным кредитором. Центральный банк прекратил финансирование бюджетного дефицита путем выпуска денег — как это случилось в прошлом — в пользу ограничения бюджетных расходов и альтернативного финансирования через выпуск казначейских облигаций. Была открыта Биржа ценных бумаг как альтернативный источник финансирования экономического развития. Были организованы многие неправительственные институты, направленные на продвижение демократии, защиту основных прав человека и равноправие. Была учреждена должность Уполномоченного по правам человека. Было введено законодательное регулирование, защищающее частную собственность и свободу слова, а также многие другие законодательные акты, нацеленные на продвижение свободного рынка и демократии. Все это влияет на то, что экономики и институты стран, которые вступили в Евросоюз, уподобляются институтам, действующим в «старом» Союзе, в связи с чем позволяют осознать странам и институтам «старого Союза» чувство понимания и безопасности. В результате расширяется присутствие экономических субъектов из «старого» Союза в новых странах-членах и обмен товаров, услуг, капитала и людей между всеми членами Европейского союза.

Распространение и проникание техники и научной мысли. Открытие границ, свободный поток людей и капитала, уподобление институ-

тов и правовых регулирований, а также политика Европейского союза, заключающаяся в развитии международного сотрудничества внутри и вне Союза, повлияли на взаимопроникновение техники и научного обмена. В этой области полезными оказались союзные программы, поощряющие обмен студентами и научными работниками, а также проведение совместных исследований в рамках разного типа научных исследований, финансируемых из средств Европейского союза. Такая политика, с одной стороны, способствовала повышению уровня просвещения — особенно в общественных науках — среди новых членов Европейского союза, и с другой — позволила обмениваться мнениями по разным вопросам. Следует также упомянуть о разного типа финансовых средствах в рамках так называемых структурных фондов, направленных на модернизацию экономик этих стран, науки, сельского хозяйства и инфраструктуры в странах-членах. Их правильное использование позволило во многих местах совершить чуть ли не цивилизационный прыжок. Эти действия дополнительно послужили инициативой для образования совместного рынка науки, обучения и техники. Эффектами этого механизма пользуются все: и те, кто принимал прямое участие в этом обмене, и те, кто косвенно пользуется этим обменом. Конечно, во многом помогли также мировая интернационализация и стандартизация продукции. Здесь мы бы хотели приблизить эффекты внутрисоюзного сотрудничества.

Синергетические эффекты взаимодействия в области охраны природы и использования природных ресурсов. Присоединение новых стран к Европейскому союзу позволило осознать многим, насколько большим вызовом является охрана природы и правильное использование природных ресурсов. Это, конечно, не было процессом простым и временным. На первой стадии интеграции (которая охватывала несколько лет) страны не вполне осознавали необходимость заботы о природе и природных ресурсах. В некоторой мере это понятно. В прошлом большинство имело дело с экономикой дефицита и поэтому в период трансформации и строительства рыночной экономики самым главным считалось производство — его количество и качество. К счастью, благодаря многочисленным семинарам, дискуссиям и публикациям, а также под угрозой как денежных штрафов, так и других наказаний, в этих странах осознали, что охрана природы и правильное использование природных ресурсов также важны, как и сама продукция, если мы хотим хорошо функционировать в будущем. В результате этой долгосрочной борьбы большинство граждан новых стран-членов осознают необходимость охраны природы и природных ресурсов, и многое делается ради этого. Кроме присоединения к известному Киот-

скому протоколу, в большинстве новых стран-членов в этой области соблюдаются все нормы Евросоюза.

Подводя итоги, следует сказать, что сила, происходящая из экономической и валютной интеграции, переносится на силу в переговорах и тендерах, способствующих получению доступа к рынкам товаров и услуг, природных ресурсов, современных технологий и финансовых рынков.

Транснациональная интеграция без общих денег не гарантирует, однако, превосходства по отношению к международной интеграции, которую дает глобализация. И поэтому для достижения полных эффектов интернационализации экономик необходимой и естественной становится валютная интеграция, которая, с одной стороны, укрепляет экономическую интеграцию внутри группировки, а с другой — придает этой группировке субъектность, облегчая таким образом проведение соответствующей экономической и финансовой политики².

Литература

1. Foreign Fffair. 1996. Sept.—Oct.
2. *Chabot Ch.N.* Understanding The Euro. N.Y., 1999.
3. *Grauwe P.De.* Economics Of European Union. Oxford, 2000.
4. *Friedman T.L.* The World Is Flat. N. Y., 2005.
5. *Hann J.De., Eijnffinger C.W.S.* European Monetary And Fiscal Policy. Oxford, 2000.
6. *Ch.Hill W.L.* Global Business Today. Boston, 1998.
7. *Nowak A.-Z.* Dolar czy euro pieniądzem Przyszłości // *Studia Europejskie*. 2001. № 1
8. *Nowak A.-Z.* European Economic Integration. Chances And Challenges. Warszawa, 2007.
9. *Nowak A.-Z.* Integracja Europejska. Szansa dla Polski. Warszawa, 2002.
10. *Nowak A.Z., Ryc K.* Trends In Financial Markets And The Polish Zloty. A Qualitative Approach // *Journal Of Interdisciplinary Economics*. L., 2008. Vol. 19.
11. *Nowak A.-Z., Ryc K.* Złoty wobec turbulencji na rynkach finansowych // *Bank i kredyt*. Warszawa, 2007.
12. *Stiglitz J.* Globalization And Its Discountents. N. Y., 2002.
13. *Stiglitz J.* W poszukiwaniu sprawiedliwej globalizacji. Warszawa, 2007.

² См. литературу по теме: [1—13].

В.М. СОЛОГУБОВ

Финансовые инновации порождают финансовые кризисы

Разразившийся в 2008 г. мировой финансовый кризис имеет множество причин. При этом большинство аналитиков сходятся во мнении, что манипуляции «невидимой руки» финансовых рынков должны контролироваться. Остается только договориться о методах.

«Когда в стране развитие капитала становится побочным продуктом активности казино, это рискует плохо закончиться». Эти слова Джона Мейнарда Кейнса в точности соответствуют современному состоянию финансов. Когда банки становятся игроками казино, экономика влечит жалкое существование: каждый финансовый кризис вызывает безумство банков, которые не желают финансировать реальную экономику, объявляя повышение кредитных ставок, что обескураживает заемщиков и уменьшает активность и занятость.

Все согласны с тем, что необходимо найти средства и исключить эту закономерность, но пока нет ответа на вопрос, как именно это сделать. Обзор мнений позволяет выявить четыре способа урегулирования мирового финансового рынка [1, 13].

Первый: *обеспечить прозрачность финансовых операций*. С точки зрения защитников современной мировой финансовой системы, в ней ничего не надо менять, так как по большому счету все и так хорошо. В последние десятилетия получили развитие две новых технологии: производство деривативов и титризация (конверсия займа в ценные бумаги с целью привлечения денежных средств), позволившие экономическим операторам лучше управлять их рисками, а вкладчикам обрести новые инструменты.

Конечно, эти инновации сложны и сопряжены с рисками. Но, если инвесторы, которые их покупают, знают это, то действуют осознанно. Чтобы все функционировало нормально, достаточно, следовательно, чтобы финансисты, которые продают свои продукты, взяли за правило обеспечивать прозрачность операций. Среди финансистов распространено мнение: современные правила достаточны для стабильной работы финансов, но проблема в том, что они применяются неэффективно. Ужесточение правил ничего не изменит. К тому же эти финансовые инструменты сложны и непрозрачны как в плане принятия рисков, так и в фискальном плане. Ожидания от банкиров признания в принятии излишних рисков, равносильны ожиданию от неплательщиков налогов честных деклараций. Призывы к прозрачности следует признать бесполезными.

Второй: *поднять стоимость принятия рисков*. Наиболее часто в дебатах приходят к мнению, что банкиры всегда будут стремиться принимать слишком большие риски. Надо убедить их не увеличивать стоимость рисков. Так, эксперты согласны с тем фактом, что регуляторы банковской деятельности должны сломать существующий порядок принятия самостоятельного решения о рисках: чем лучше идут дела в экономике, тем больше банки рискуют в кредитной политике или играют на финансовых рынках. Чем больше они питают экономический рост и биржевых «быков», тем больше кредитуют, с обратным эффектом при возникновении кризиса. Регулирующие органы выступают против увеличения рисков и должны заставлять банкиров шире привлекать средства в периоды эйфории ради собственной безопасности. Банкам же не нравится быть обязанными делать это, так как тогда прибыль становится намного меньше, чем от игры в казино.

Существует мнение, что супервайзер мудрее рынка. Это смелая гипотеза. Однако не факт, что он лучше предвидит наступление систематического кризиса, т. е. чувствителен ко всем проблемам совокупности финансового сектора. Неплохо было бы иметь ответственность самих регуляторов, так как часто современный кризис является не кризисом финансов, а кризисом регуляторов, т. е. либеральных бесконтрольных финансов. Во времена финансовой эйфории необходимо ужесточать регулирующие действия, а это обязывает финансистов менее доверять банкам и более регулирующим органам.

Банки будут стараться использовать такие инструменты, как титризация, чтобы принимать риски и перепродавать их вместе с рисками другим финансовым операторам. Таким образом, необходимо расширить периметр регулирования других финансовых операторов. Второй путь интересен, так как касается банкиров там, где возникают проблемы с их собственными фондами, т. е. портфелями. Они ожесточенно сопротивляются этому не без поддержки со стороны стран, наиболее лояльных к требованиям банкиров.

Третий: *разделить банки на оптовые и розничные*. Когда банки слишком увлекаются игрой на финансовых рынках, которые, случается, рушатся, они склонны, считать всякую деятельность рискованной, включая потребительское и производственное кредитование. В результате они уменьшают объемы кредитов в экономику, что блокирует экономический рост и рикошетом — занятость. Отсюда возникает идея вернуться к «старым добрым временам» нерегулируемых финансов, запретив розничным банкам играть на финансовых рынках. В результате, если инвестиционные банки исчезнут из-за некачественных залогов заемщиков, это не скажется негативно на экономике.

Разделение банков на розничные и оптовые не выглядит простым делом, так как граница между этими двумя специализациями размыта. Непонятно, есть ли синергия между этими двумя банковскими специализациями. Инвестиционные банки также рискуют, и их исчезновение негативно отразится на экономическом развитии. Соединенные Штаты игнорировали подобное разделение, потому что инвестиционные банки стали гигантскими и разница между розничными и оптовыми банками постепенно исчезла. Даже банки, которые специализируются только на розничных операциях, занимаются дутыми кредитами, как это делалось в 1970-е гг. с развивающимися странами или совсем недавно с ипотечными кредитами.

Четвертый: *обуздать финансы*. Этот путь, наиболее радикальный, состоит в обуздании финансовых инноваций с помощью жесткого политического регулирования. Это как раз то, что сделал Фр. Д. Рузвельт в 1930-е гг.: американский сенат практически убил рынки деривативов, разделив банки на депозитные и деловые, создав биржевой регулятор и т.д.

Сегодня этот способ позиционирования, как ни странно, исходит от либералов. Они, кажется, сыты по горло тем, что «невидимая рука» финансовых рынков не прекращает администрировать реальную экономику.

Бывший французский премьер Э. Баладюр заявил: «Если существуют рыночные операции, которые невозможно контролировать, можно ли позволить банкам выполнять эти операции с риском дестабилизировать всю финансовую систему?» В том же ключе высказался известный экономический обозреватель «Файненшл Таймс», отвечая тем, кто опасается чрезмерного регулирования: «Да, такая опасность реальна, но бездействовать нельзя, регуляторы должны быть более жесткими, чем до сих пор».

Но эти точки зрения не убеждают ответственных лиц на местах. Очевидно, трудности велики, так как необходимо сохранить положительные аспекты финансовых инноваций (чем лучше защита от риска, тем лучше функционирует рынок), ограничивая их использование в спекулятивных целях. Они должны тем самым соответствовать своим задачам, поскольку по выражению Кейнса спекулянты могут вести себя как воздушный шар на ветру. Но ситуация становится серьезной, когда само предприятие превращается в воздушный шарик в спекулятивных завихрениях.

Безусловно, существует множество методов антикризисного управления, например, снижения ставки рефинансирования, поддержки бюджета, т. е. национализации и других макроэкономических рычагов.

Власти не беззащитны перед кризисом при условии взвешенного вмешательства.

Сейчас уже стало очевидным, что риски в условиях нового кризиса возрастают. Нельзя лучше охарактеризовать потерю контроля разбалансированных финансов, чем это сделал 12 марта Дж. Липский, заместитель генерального директора МВФ [2, 16]. Финансовый кризис, начавшийся в Соединенных Штатах как кризис неплатежей, породил чувство потери доверия к возможностям властей обуздать кризис и погасить его негативные последствия на рост и занятость. В Соединенных Штатах и в остальной части мира опасаются обвала американской экономики в обстановке ценового напряжения и расстройств кредитной системы, благодаря банкам, ставшим неспособными выполнять свою роль финансирования экономики.

Перед лицом расстройства финансов власти имеют возможность воздействовать на ситуацию. Они стараются смягчить кризис, используя различные способы защиты, но без особых успехов в настоящее время. Тем не менее от эффективности реакции властей будет зависеть размах потерь от кризиса, который оказался одним из наиболее серьезных финансовых кризисов последних десятилетий.

Первая цель властей — сгладить, уменьшить финансовую панику. Центральные банки — на передней линии этой борьбы, особенно это касается ФРС и Европейского центрального банка. Перед лицом паники банкиров, которые думают только о том, как продать ипотечные кредиты, которые заемщики не способны погасить, а также меньше и меньше рисковать, кредитуя, убивая при этом экономику. Центральные банки пытаются их воодушевить, используя для этого все возможности.

Во-первых, снижение учетной ставки ФРС с сентября 2007 г. с 5,25 до 2,25%. Цель — существенное облегчение стоимости межбанковских кредитов. Речь идет о восстановлении доверия банков друг к другу при кредитовании. Во-вторых, чтобы усилить движение по возвращению к атмосфере доверия, центральные банки выставили сотни миллиардов долларов с августа 2007 г. по февраль 2008 г. на валютных рынках в форме краткосрочных кредитов банкам сроком на несколько дней, чтобы временно решить проблему финансирования.

Но этого недостаточно. В период с января 2007 г. по март 2008 г. было три подобных интервенции центральных банков, которые имели позитивный кратковременный эффект, но кризис продолжался. ФРС применила неординарный шаг в середине марта 2008 г. — предоставить заем на сумму 400 млрд дол. Cash, или казначейскими бонами. Считается, что эти активы являются наиболее надежными в мире, по д

гарантии которых банки смогут получать кредиты без проблем у других банков. Затем ФРС заявила, что этот вид займов предоставлен в распоряжение инвестиционным банкам, оперирующим на рынках. Этим Центральный банк принял увеличенные риски: увеличил срок кредита с нескольких дней до одного месяца, принимая в качестве гарантий рискованные ипотечные активы. Это означает, что, если некий банк обанкротится в течение месяца и не сможет расплатиться, то Центральный банк сделает это.

ФРС разрешила использовать этот механизм только для нескольких крупных банков и только для наиболее надежных ценных бумаг и потребовала скидку для ценных бумаг, которые она расценивала как слишком рискованные. Этот вид интервенции своим размером и способом реализации свидетельствует о боязни американского Центрального банка. Если эти меры будут неудачными, ФРС останется только выкупить рискованные кредиты со значительными потерями. Чтобы это исключить, ФРС и министерство финансов США действуют на другом фронте надежности банков. Банки могут лучше преодолеть трудности, если они располагают солидным капиталом. Именно поэтому некоторые из них обратились к независимым китайским фондам и фондам нефтяных стран. Равным образом американские финансовые власти требуют от банков продолжить укрепления их капиталов и обеспечить в текущем году выплату дивидендов своим акционерам.

Но этого будет, возможно, мало. По мере того, как финансовые рынки ослабнут, заложенные кредиты и инвестиции банков на рынках будут терять свою стоимость. Множество банков могут оказаться по этой причине с недостаточным капиталом, чтобы противостоять потерям. Поэтому министры финансов индустриальных великих держав должны быть готовы «мыслить о немыслимом», по выражению Джона Липски, т. е. рекапитализировать банки за счет публичных денег, что в иные времена называлось национализацией. Исторические примеры показывают: когда это происходит, бюджетные затраты могут быть огромными: от 5% ВВП (в Швеции) до 20% ВВП (в Японии) во время кризиса 1990-х гг.

Ситуация усложняется, когда банкиры центральных банков должны контролировать финансовую панику в условиях конкуренции и роста мировых цен и сильного замедления роста американской экономики. Администрация Президента и Конгресс США уже отреагировали, согласившись с планом бюджетных вливаний размером 1% ВВП. Даже если рост в зоне евро в настоящее время более надежный, чем в Соединенных Штатах, риск материализации американского финансового кризиса в Европе становится реальным. Условия ипотечного кре-

дитования ухудшаются вместе с потребительскими и производственными кредитами. Поэтому с конца января Д. Штраус-Кан, генеральный директор МВФ, защищал идею о том, что «целевое фискальное вливание может поддержать спрос, что стимулирует потребление в критический момент». Его заместитель Дж. Липски подтвердил справедливость этого тезиса, подчеркнув, что перед лицом монетарной политики с ненадежными эффектами другие страны будут иметь поле для бюджетного маневра, который они будут без колебаний применять в случае необходимости. Евросоюзу никогда не удавалось добиться успеха в этом жанре. Каждая страна предпочитала реагировать самостоятельно в отрыве от других стран союза. Серьезность кризиса, возможно, заставит страны союза действовать сообща.

Можно даже представить, что перед лицом угрозы крушения финансовой системы с плачевными последствиями для экономического роста и занятости на мировом уровне «денежные мешки» планеты примут экстренные меры. В сентябре 1998 г. после кризиса американского спекулятивного фонда LTSM, последовавшего за кризисом неплатежей по внешним долгам России в августе в контексте финансового кризиса в Азии, некоторые операторы рынка верили, что мировая банковская система взорвалась и министерства финансов вместе с ними. Несколько лет после этого М. Кондессю, генеральный директор МВФ, во время паники создал резерв ликвидности в 250 млрд SDR для всей планеты. Решение это было единственно возможным.

Наконец, американские финансовые власти, вмешиваясь во всех азимутах с целью помочь финансовым операторам, давая им совет не рисковать слишком. Так, Хэнк Польсон, министр финансов США, заявил 13 марта 2008 г., что «плохие оценки рыночной ситуации и плохое состояние рынка заставили участников ошибаться». Чтобы избежать повторения ошибок в прошлом, министр предложил серию реформ, которые направлены на лучшее кадрирование финансовых рынков: более точные правила распределения кредитов среди ипотечных заемщиков, уменьшение угрозы вмешательства государства в регулирование финансов, прозрачность банков. Короче, ничего принудительного, ничего, что позволило бы обеспечить повторения кризисов.

Финансы страдают бросающимся в глаза недостатком регулирования. Даже, когда Польсен жаловался на то, что некоторые финансовые продукты стали слишком сложными, и что излишняя сложность уменьшает прозрачность и эффективность рынка. В этих предложениях нет ничего, что могло бы предотвратить опасность.

От кризиса к кризису либерализация финансовой системы показала свою неспособность к саморегуляции. Можно сделать заключение, что

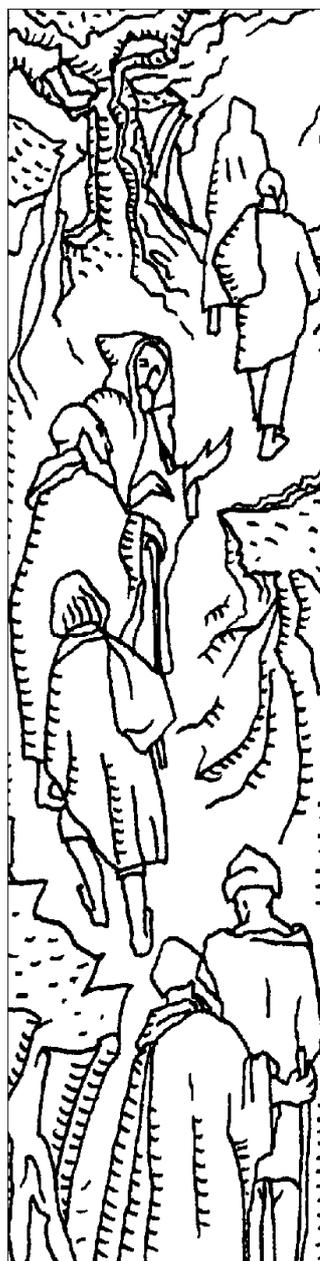
перед фактом разбалансировки финансов и их губительного действия на мировую экономику, следовало бы вернуться к ревизии постулата об удалении государств от регулирования финансов и вере в дисциплину рынка. Мы видим, что финансовые инновации при отсутствии должного регулирования порождают финансовые кризисы.

Литература

1. *Chavagneux Ch.* Alternatives Economiques. P., 2008.
2. *Clerc D.* Alternatives Economiques. P., 2008.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.Г. БЕЛОЛИПЕЦКИЙ

Будущее прикладной экономической науки

Разразившийся мировой кризис ликвидности до сих пор не получил не только внятного научного обоснования мер по его нейтрализации, но даже объяснения причин, его породивших. Если предположить, что в будущем мировая финансовая система будет развиваться циклически, а динамику развития будет определять состояние ликвидности системы (от избыточной ликвидности, которая достигла своего пика к лету 2007 г., к недостаточной, как сегодня, и дальше все по кругу), то надо признать: самой актуальной задачей современной экономической науки является разработка новой методологии экономических исследований как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях. Признать надо и то, что мировой финансовый кризис похоронил могущественную теорию монетаризма, которая правила ушами ученых и экономистов на протяжении последних 40 лет.

Бессилие науки в разрешении проблем кризиса ликвидности вынудило власти США в нарушение традиций демократии и свободного рынка пойти на беспрецедентный шаг — провести устрашающие меры посредством показательных арестов сотен высококлассных финансистов коммерческих банков, хеджфондов и других предпринимательских структур, понесших наибольшие убытки от кризиса.

Посягать страх в обществе — самый примитивный, давно испытанный способ «заморозить» проблему до лучших времен. Обратной стороной этого управленческого приема является то, что в этом случае вместо разрешения противоречий развития хозяйства они загоняются «вглубь». Если лучшие времена не наступают, т. е. не удастся разработать научно обоснованные методы разрешения противоречий, то события неизбежно развиваются строго по «классике»¹ — в обществе происходит социальный взрыв со всеми вытекающими из этого последствиями. На глазах моего поколения по этому сценарию взорвались СССР и весь мировой лагерь социализма.

В этой связи проблема методологии прикладных экономических исследований для российской экономики приобретает особый смысл, что объясняется двумя причинами:

- о природе мирового кризиса ликвидности российское сообщество

¹ Имеется в виду — по Марксу, который до сих пор в среде части российских экономистов остается классиком экономической теории.

во экономистов за редким исключением² предпочитает умалчивать;

- дилемма «доходность—ликвидность» в российской экономической науке даже не сформулирована³;

Для анализа экономических явлений на каждой ступени эволюции хозяйства необходима адекватная методология исследования или, по меткому выражению Джоан Робинсон, адекватный «ящик с инструментами», поскольку бессмысленно использовать гаечный ключ для исследования экономики электронного бизнеса, когда необходим уже электронный ключ.

Исследование любой прикладной экономической проблемы должно базироваться на следующих объективных научных предположениях.

1. Хозяйственная деятельность фирмы обладает вполне определенной внутренней структурой: операционной деятельностью, определяющей суть бизнеса⁴ каждой конкретной компании (отсюда синоним операционной деятельности — основная деятельность); инвестиционной деятельностью, определяющей способы и формы развития бизнеса (эндогенные, экзогенные, их комбинация); финансовой деятельностью, определяющей методы и инструменты обеспечения операционной и инвестиционной деятельности финансовыми ресурсами.

2. Методология исследования предопределяется типом исследуемого института — финансового или нефинансового по классификации СНС ООН. Водоразделом различных методологий служит особенность профессионального управления финансовыми ресурсами, поскольку финансовые институты являются поставщиками этих ресурсов, нефинансовые — потребителями.

3. Состояние любого бизнеса на любой момент времени описывается общепринятыми экономическими параметрами: доходностью и риском. Принимая во внимание также общепринятое понимание сущ-

² Одним из смельчаков, нарушивших обет молчания, является первый зампред Центробанка Геннадий Меликьян, который заявил: «Причины, которые вызвали кредитный кризис в США, не связаны с субстандартными кредитами *subprime*, — это просто спусковой крючок. Все последние годы происходило накачивание в западные экономики ликвидности, которая была призвана обеспечить продолжение их экономического роста. В результате в мире накопились триллионы долларов свободных денежных средств, которые буквально некуда деть». *Кризис прячется в банках* [1].

³ Единственная попытка приглашения к дискуссии по этой проблеме закончилась безрезультатно (см.: [2]).

⁴ Бизнес — это продуктивная деятельность предпринимателей с целью производства и присвоения добавленной стоимости. Фирма — это бизнес или система бизнесов в границах организации (коммерческой или некоммерческой) в рамках российского хозяйственного права. В современных условиях сетевой организации бизнеса фирма может зарабатывать часть дохода за границами фирмы.

ности эффективности бизнеса как способности фирмы приносить денежные потоки в будущем, в исследованиях требуется учет фактора времени. Таким образом, успех или неудача любого бизнеса в общем случае описываются тремя экономическими параметрами: *доходностью, риском, временем*.

4. Если исходить из общепринятого понимания состояния любого бизнеса в статике и в динамике, то следует признать следующее: прикладные исследования в статике описываются только двумя параметрами — доходностью и риском, поскольку они выполняются на конкретный момент времени, т. е. фактор времени в данном случае фиксирован; прикладные исследования в динамике или исследования состояния фирмы или ее бизнеса во времени могут описываться тремя и только тремя параметрами: доходностью, риском и временем.

Однозначное толкование приведенных выше предпосылок предполагает следующее понимание сущности использованных в них определенных экономических параметров. В данном случае под доходностью понимается способность активов или факторов бизнеса генерировать прибыль и вычисляется как отношение прибыли (операционной или чистой) к активам или капиталу.

Под риском понимается вероятность получения фирмой дохода или убытка от совершения хозяйственных операций в результате неопределенности замысленного результата хозяйственной деятельности. Отсюда — риск есть дистанция между планом и фактом по Ойкену. По Найту, риски принципиально делятся на измеримые на основе эмпирической оценки вероятности (статистические) и неизмеримые, привнесенные суждениями людей о будущих результатах деятельности, которые невозможно количественно измерить по причине уникальности суждений и ошибок в суждениях предпринимателей, в том числе и по причине несовершенства знания. Но именно последняя неопределенность является источником специфического дохода предпринимателя. В хозяйственной жизни измеримые и неизмеримые риски проявляются независимо друг от друга. В этом надо усматривать объективную причину асимметрии распределения вероятностей в реальной практике, причем смещение обычно происходит в отрицательную сторону, поскольку неблагоприятных исходов больше.

Под временем понимается определенный срок, на который рассчитывается план хозяйственных операций, по истечении которого оцениваются фактические параметры доходности и риска.

Таким образом, для исследований статике необходимо и достаточно уметь: рассчитывать показатели доходности и риска; описывать математически взаимосвязь между доходностью и риском.

В области исследования фирмы в статике в мировой экономической науке достигнут значительный прогресс, отмеченный рядом Нобелевских премий по экономике (модель САРМ, модель Блейка—Шоулза и др.). Совсем иначе обстоит дело с исследованием фирмы в динамике. За последние 50 лет весь прогресс в этой области свелся к приспособлению статических моделей к динамическому анализу. По определению, этот подход ущербный, поскольку не просто игнорируется фактор времени, но и осмысленно наука уклоняется от включения в анализ параметра ликвидности, а если и включает его в анализ, то самым примитивным образом посредством либо пресловутых коэффициентов ликвидности, либо подменой параметра ликвидности риском ликвидности.

Ликвидность — это сложная функция, функция времени и риска. В таком понимании ликвидность характеризует устойчивость доходности во времени по ключевым факторам деятельности. Следовательно, анализ фирмы в динамике также описывается двумя параметрами — *доходностью и ликвидностью*. В данном случае в тень уходит фактор риска, он уже не имеет самостоятельного значения как в статических моделях. Риск в динамическом анализе играет роль аргумента при исчислении параметра ликвидности.

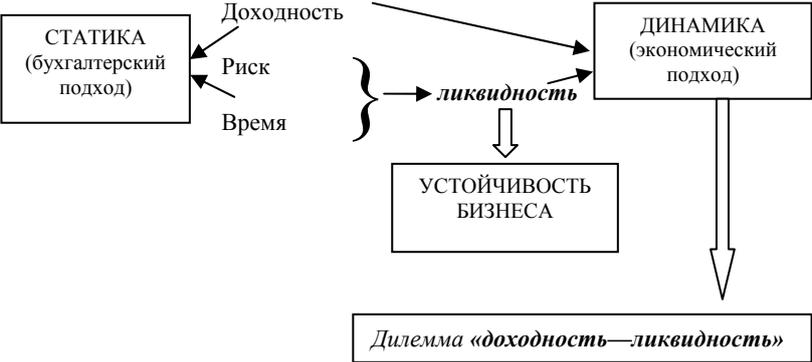
Таким образом, в современных прикладных экономических исследованиях, когда, по общепринятому мнению ученых, актуализировался динамический анализ, неотложными задачами экономической науки являются:

- исследование природы, закономерностей изменения и методологии расчета параметра ликвидности;
- математическое описание взаимосвязи между доходностью и ликвидностью.

Начинать следует с нового прочтения теории Кейнса, который впервые в мировой науке поставил на макроуровне проблему ликвидности в экономических исследованиях. Задача научного сообщества экономистов состоит, прежде всего в том, чтобы перевести концепцию ликвидности Кейнса с макро- на микроуровень, используя весь накопленный арсенал знаний в области риска, начиная с теории Найта [3].

В более общем виде задача экономистов в схематичной форме может выглядеть так:

Эффективность → стоимость → будущие денежные потоки

Ту же задачу в контексте концепции сбалансированной системы показателей (ССП) схематично можно представить так:

Результат, определяемый факторами стоимости компании

	Параметры стоимости		
	Доходность	Риск во времени = ликвидность	
Финансовая составляющая	Фактор стоимости 1	Финансовая ликвидность	Финансовая устойчивость
Клиентская составляющая	Фактор стоимости 2	Ликвидность продаж	Устойчивость сбыта
Составляющая внутренних бизнес-процессов	Фактор стоимости 3	Производственная ликвидность	Операционная устойчивость
Обучение и развитие	Фактор стоимости 4	Ликвидность ключевых компетенций	Устойчивость кадров

Из этой схемы следует: для управления компанией в динамике с учетом дилеммы «доходность—ликвидность» необходимы новая классификация рисков по четырем перспективам ССП и методология их учета в контексте устойчивости каждой перспективы⁵.

⁵ В рамках изложенного подхода к исследованию фирмы в динамике стоимость компании (С) равна:

$$C = A_a \times R_a \times I_y,$$

где: A_a — сумма чистых активов; R_a — рентабельность активов; I_y — индекс устойчивости бизнеса.

Литература

1. Известия. 2008. 26 мая.
2. Белолипецкий В.Г. Проблемы разрешения основного противоречия: теоретические возможности и реальность // Финансы. 1999. № 11—12.
3. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. М., 2003.

С.С. ГУБАНОВ

К вопросу о цене производства и тенденции нормы прибыли к понижению

Как известно, факт существования некоей глубинной закономерности в движении товарных цен был зафиксирован еще классической английской политэкономией. В своем хрестоматийном трактате о природе богатства А. Смит, наряду с *дихотомией конкуренции* (созидательная и разрушительная), прямо вводит также *дихотомию цен*, четко отличая рыночные цены от базисных⁶. Причем, как установлено, первые так или иначе тяготеют ко вторым, хотя могут отклоняться от них как вверх, так и вниз.

Относительно имманентной, или «базисной цены» (*natural price*) суждения А. Смита, в чем несложно убедиться, заключают в основании не что иное, как его знаменитую догму. Действительно, базисная цена определяется им следующим образом: «Когда цена какого-либо товара ни больше, ни меньше величины, достаточной для выплаты сообразно нормальным ставкам ренты за землю, заработной платы за труд и прибыли на капитал, примененный для производства, подготовки и доставки на рынок, тогда товар продается по цене, которую можно назвать его базисной ценой» [1, 41].

Стало быть, по мысли А. Смита, во-первых, базисная цена товара эквивалентна вновь созданной стоимости ($P = v + s$ вместо $P = c + v + s$), или затратам живого труда. Во-вторых, если достигается баланс между произведенной и распределенной величиной вновь созданной стоимости, значит, рыночная цена в точности равна базисной.

В труде «Начала политической экономии» Д. Рикардо, подтверждая в принципе *дихотомию цен* А. Смита, преодолевает тем не менее указанную догму и дает свою трактовку. Надо сказать, в тексте Д. Рикар-

⁶ Зачастую используемый при переводе термин «естественная цена» представляется нам неточным, а в содержательном отношении просто некорректным.

до (нам доступно третье издание 1821 г.) один только раз употреблен термин «цена производства» (*price of production*). В основном же используются понятия «базисная цена», «первичная цена», «необходимая цена» (*natural price, primary price, necessary price*). Правда, в «Капитале» К. Маркс ссылается на категорию Д. Рикардо *cost of production* как на совершенно равноценное понятие.

Разбору *дихотомии цен* Д. Рикардо посвятил 4-ю главу, так и озаглавленную «О цене базисной и рыночной»⁷. Здесь мы находим ряд рассуждений, воспринятых и развитых впоследствии Марксовой школой политэкономии. Отметим лишь наиболее важные и принципиальные.

Во-первых, Д. Рикардо выдвигает и отстаивает тезис об определении цены товара стоимостью, а стоимости — «относительным количеством труда, необходимым для его (товара. — *С.Г.*) производства».

Во-вторых, в количестве того необходимого труда, от которого зависит величина товарной стоимости, Д. Рикардо включает не только живой труд, но и прошлый, причем воплощенный в производительном капитале.

По сути, в данном пункте Д. Рикардо делает кардинальный шаг вперед по сравнению с А. Смитом, заменяя догму последнего ($P = v + s$) правильной формулой: $P = c + v + s$. И хотя даже столь крупное достижение не означало еще выхода на понимание существенного отличия простого товарного производства от капиталистического, при котором товары производятся и воспроизводятся как *капиталы*, тем не менее оно знаменовало несомненное продвижение вперед.

Между прочим, критика Е. Бем-Баверка по вопросу о цене производства и эксплуатации труда капиталом, критика на основе исключительно догмы А. Смита, поскольку Е. Бем-Баверк оперирует формулой $P = v + s$, оказалась много ниже того уровня, на какой поднял экономическую мысль человечества труд Д. Рикардо.

В-третьих, Д. Рикардо высказывает следующую весьма примечательную и верную мысль: стоимость *зависит* от количества труда и *не зависит* от того, большую или меньшую заработную плату получает работник. Данное положение можно легко переформулировать в духе философского императива: стоимость первична, а ее превращенные формы — вторичны и всецело зависимы от нее.

Отметим, К. Маркс дал затем более строгую теорему, согласно которой в случае, когда органическое строение отдельного капитала совпадает со средним, или общественным, изменение заработной платы

⁷ «Chapter 4. On Natural and Market Price».

не изменяет даже цены производства. Увлечшись своей критикой, Е. Бем-Баверк и в этом пункте допустил оплошность, поскольку совершенно упустил оговоренное К. Марксом условие и произвольно изменял стоимостное строение индивидуальных капиталов, вне всякой связи со строением совокупного капитала.

В-четвертых, говоря о том, что «реализованный» в товарах труд определяет их меновую стоимость и последняя должна либо увеличиваться, когда количество труда возрастает, либо сокращаться, когда оно понижается, Д. Рикардо весьма близко подходит к вопросу о соотношении между производительностью труда и стоимостью производимых товаров.

В-пятых, в той же 4-й главе своих «Начал» Д. Рикардо высказывает крайне важное методологическое положение, одно из основополагающих для политэкономии как науки и, главное, *целиком сведенное к трудовой парадигме*. То, что труд, пишет он, — «поистине основа меновой стоимости всех вещей, за исключением тех, которые не могут быть произведены индустрией общества, есть доктрина наивысшей значимости в политической экономии; ни откуда не проистекает столько ошибок и столько расхождений во мнениях в этой науке, как из ложных воззрений на природу стоимости».

В-шестых, Д. Рикардо тоже, подобно А. Смиту, принимает базисную цену за центр тяготения рыночных и фиксирует разнонаправленные их отклонения от нее. Но вопроса о причине таковых он не выдвигает.

Таким образом, работа Д. Рикардо и качественно, и количественно подкрепила основания трудовой парадигмы, подготовив предпосылки для дальнейшего развития политэкономии как строгой науки. Более того, исходя из обоснованных Д. Рикардо положений о трудовой природе стоимости гуманитарная мысль человечества уже в первой четверти XIX в. зафиксировала *дихотомию способа присвоения*: по труду или по капиталу.

Конечно, Д. Рикардо являлся мыслителем своей эпохи — эпохи первой промышленной революции и железной поступи промышленного капитала, эпохи раннего капитализма. Отсюда и объективно предопределенные ограничения, особенно заметные по методам познания. Д. Рикардо знает и применяет метод дедукции, но еще не различает единства индукции и дедукции; неизвестен ему диалектический метод; познание у него не нацелено на открытие объективных экономических законов и т. д.

Пожалуй, едва ли мы ошибемся, если подытожим: Д. Рикардо продвинулся дальше А. Смита в той мере, в какой ранний капитализм превзошел времена первоначального накопления.

Последователям классической политической экономии Д. Рикардо оставил задачу соединения трудовой парадигмы и диалектики. Научное решение этой задачи дал уже К. Маркс.

Нам уже приходилось рассматривать результаты, полученные К. Марксом, и притом основательно, в контексте дискуссии по закону стоимости и цене производства, с учетом критики Е. Бем-Баверка, Л. Борткевича, П. Самуэльсона и М. Блауга⁸.

Поэтому подчеркнем только главное: во-первых, К. Маркс установил причину отклонений между ценой производства и рыночными ценами; во-вторых, причину он свел отклонениям органического строения частных капиталов от органического строения совокупного; в-третьих, к вопросу он подходит с позиции расширенного воспроизводства капитала, выдвигая положение исключительной важности о производстве товаров как капиталов; в-четвертых, идею своего знаменитого решения К. Маркс нащупал более чем за 30 лет до выхода в свет III тома «Капитала», так как в известном письме Ф. Энгельсу, датированном 2 августа 1862 г., он вкратце излагает уже самую суть дела: «Это будет зависеть от органического строения капитала, то есть от его деления на постоянный и переменный капитал» [3, 216].

Перейдем теперь к вопросу о тенденции нормы прибыли к понижению. Рассмотрим вначале теоретические аспекты, а затем эмпирические.

Обратимся к Марксовой формуле текущей стоимости капиталов и товаров: $Q = c + v + s$. Из нее видны органическое строение капитала $a = c/v$, норма эксплуатации $b = s/v$. Стало быть, верны соотношения: $v = c/a$ и $s = bc/a$. Подставляя последние в приведенную формулу стоимости, имеем:

$$Q = c + v + s = c + c/a + bc/a = c \times (1 + 1/a + b/a) = c \times (1 + (1 + b)/a).$$

Отсюда ясно, что воспроизводство суть воспроизводство капитала и всей совокупности объективно соответствующих ему производственных отношений. Стоимость воспроизводства прямо пропорциональна величине постоянного капитала и норме эксплуатации, но обратно пропорциональна органическому строению данного капитала.

В скобках формулы стоят факторы увеличения стоимости капитала: $(1 + 1/a + b/a)$.

⁸ Подробнее см.: [2].

Первый член выражения, помещенного в скобки, равен 1 и относится к стоимости авансированного капитала C . Он означает, что постоянный капитал неспособен увеличивать сам себя. Математическая формализация находится здесь в полном соответствии с экономическим содержанием.

За изменение стоимости капитала отвечают два других фактора, и оба они представляют живой труд и ничего иного, кроме живого труда: один из них ($1/a$) относится к необходимому труду, а другой (b/a) — к прибавочному.

Как видим, математика совершенно непричастна к исключению труда из процесса увеличения стоимости капитала. Напротив, математика демонстрирует единственный фактор увеличения стоимости капитала, и этот фактор — живой труд наемных работников. Упражнения критиков трудовой парадигмы, вроде П. Самуэльсона и Т. Негиши, предназначенные для математического якобы очищения стоимости от труда, не имеют ничего общего с законами математики.

Согласно Марксовой формуле, стоимость зависит не просто от живого труда, но также от технической его вооруженности, отражаемой в органическом строении капитала (a). Следовательно, труд представлен двояко — количественно и качественно, массой и технической оснащенностью, как живой и как ранее отчужденный, отлитый в капитал.

В рассматриваемом соотношении и впрямь нет ничего, кроме капитала как ранее отчужденного труда и наемного труда (труда экономически принудительного, вынужденного условиями и отношениями принуждения отчуждением). Капитал определенного органического строения, т. е. отчужденный в прошлом труд, и живой труд, которому предстоит отчуждение в пользу капитала — таковы главные и основные параметры капиталистического воспроизводства.

При капитализме нет воспроизводства без капитала и нет капитала без наемного труда. Труд и капитал, живой труд и отчужденный в прошлом, их единство и противоположность — вот чем движется развитие капитализма с самого зарождения его.

И, кстати, из-за незнания или же непризнания базовых законов капитализма, Й. Шумпетер ошибся, и чудовищно, когда предсказал несбыточное: будто капитализм при обретении характеристик более развитого покончит с бедностью целиком и полностью. Бедность — лишь форма выражения отчуждения непосредственных работников от средств производства и принуждения носителей рабочей силы к наемному труду.

При сохранении отчуждения труда неминуема и бедность. Вопрос только в том, какова она: относительная или абсолютная. Но этот вопрос решается соотношением классовых сил, т. е. господствующими формами антагонизма между трудом и капиталом. Вначале должно пасть отчуждение, и затем только возможно искоренение бедности. Борьба с бедностью не входит в формулу воспроизводства капитала. Борьба с бедностью может входить в формулу политического господства буржуазии, но исключительно лишь при классовом нажиме трудящихся, притом нажиме под знаменами полной занятости и минимальной зарплаты на уровне не ниже реального прожиточного минимума.

Итак, в соответствии с Марксовой формулой прирост капитала обратно пропорционален органическому строению, равно как и норма прибыли: $r = b/(a+1)$. Вот откуда теоретически следует вывод о тенденции нормы прибыли к понижению.

Проиллюстрируем сказанное графически, зависимостью роста совокупного капитала C и темпов его роста от органического строения a (для упрощения предполагается полная капитализация прибыли, вследствие чего темп роста капитала тождествен нормам прибыли).

Условия: $c_0 = 4000$; $a(t) = 4 + 1 \times t$; $b(t) = 1 + t/(t+1)$; $t = 1 \dots 25$; функциональная зависимость для абсолютного прироста: $c_t = c_{t-1} \cdot (1 + b(t)/a(t))$ (рис. 1); функциональная зависимость для темпов воспроизводства капитала: c_t/c_{t-1} (рис. 2).

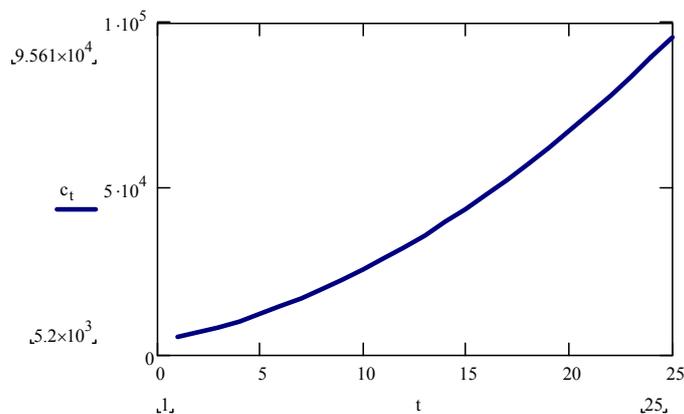

Рис. 1. Рост капитала C в абсолютном выражении

С ростом органического строения, как видим, темпы расширения воспроизводства совокупного капитала, т. е. значения средней нормы прибыли, сокращаются с 30% в первом году двадцатипятилетнего пе-

риода ($t = 1$) до 6,8% в последнем ($t = 25$). По мере увеличения t норма эксплуатации возрастает умеренным темпом, но ее повышение все же не может компенсировать понижающего воздействия столь же относительно умеренного роста органического строения a .

Итак, теоретически обоснованная, тенденция нормы прибыли к понижению имеет научно установленную причину, и осуществляется соразмерно той мере и динамике, в какой возрастает органическое строение совокупного капитала.

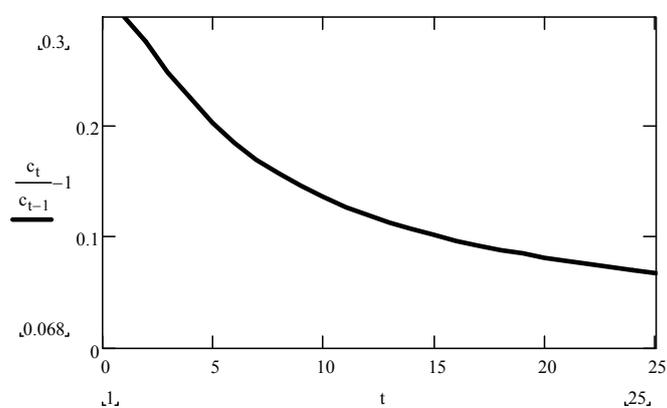

Рис. 2. Темпы роста капитала C , или норма прибыли

Имеются ли противодействующие условия? Имеются, и они воплощаются в противоречивом соотношении двух частей капитальной стоимости, а именно: величины постоянного капитала и величины переменного. Действительно, в краткосрочном периоде темпы роста могут быть относительно выше средних либо для капитала с исключительно высокой нормой прибавочной стоимости, что маловероятно, либо, что более вероятно, для капитала с более высокой долей переменной части, или, что то же самое, с меньшим органическим строением. Второй вариант предполагает более высокую стоимость нанятой рабочей силы, а значит — в нынешних условиях, привлечение наиболее квалифицированной рабочей силы. Он характерен для капитала «новаторов» и для инновационного капитала, т. е. для варианта Й. Шумпетера.

Обратимся теперь к доступным статистическим данным — в табл. 1 представлены величина, динамика в период 1978—2005 гг., стоимостное строение совокупного производительного капитала, применяемого в обрабатывающей промышленности США, а также норма прибыли.

Таблица 1

Динамика нормы прибыли — $S/(C+V)$, органического строения капитала — $a = C/V$ и нормы эксплуатации рабочей силы — S/V в обрабатывающей промышленности США (1978—2005)

Годы	C	V	S	$S/(C+V)$	$a = C/V$	S/V
1978	100	8,98	24,49	22,47	11,13	272,65
1979	100	8,60	24,74	22,78	11,62	287,53
1980	100	8,00	23,23	21,51	12,51	290,50
1981	100	7,70	22,70	21,08	12,98	294,68
1982	100	7,46	22,57	21,00	13,40	302,43
1983	100	7,39	23,29	21,69	13,54	315,23
1984	100	7,38	23,92	22,27	13,56	324,20
1985	100	7,35	23,82	22,19	13,61	324,16
1986	100	7,37	24,87	23,17	13,57	337,63
1987	100	7,28	26,46	24,67	13,74	363,61
1988	100	7,01	26,54	24,80	14,27	378,72
1989	100	6,77	26,07	24,42	14,78	385,29
1990	100	6,55	25,49	23,93	15,28	389,44
1991	100	6,41	25,38	23,85	15,59	395,71
1992	100	6,44	26,16	24,57	15,52	406,04
1993	100	6,38	26,20	24,63	15,68	410,88
1994	100	6,30	26,93	25,33	15,86	427,13
1995	100	6,06	26,58	25,06	16,50	438,58
1996	100	5,85	25,68	24,26	17,10	439,19
1997	100	5,87	25,81	24,38	17,03	439,72
1998	100	5,83	25,77	24,35	17,15	441,98
1999	100	5,50	24,72	23,43	18,18	449,34
2000	100	5,12	22,69	21,58	19,53	443,13
2001	100	4,99	22,01	20,96	20,02	440,72
2002	100	4,92	22,68	21,62	20,34	461,39
2003	100	4,55	21,95	20,99	21,96	482,01
2004	100	4,26	21,85	20,95	23,50	513,28
2005	100	4,03	22,30	21,44	24,80	553,08
2005/1978, %	100	44,89	91,07	95,40	222,75	202,86

Обозначения: C — постоянный капитал; V — переменный капитал; S — прибавочная стоимость; $S/(C+V)$ — норма прибыли; $a = C/V$ — органическое строение капитала; S/V = норма эксплуатации, или прибавочной стоимости.

Источник: U.S. Census Bureau, Quarterly Financial Report for Manufacturing, Mining, and Trade Corporations (released April 2006).

По табл. 1 прослеживается сопоставимый за взятый период прирост только двух параметров: органического строения капитала (222,75%) и нормы эксплуатации рабочей силы (202,86%). Переменный же капитал сократился в абсолютном выражении на 55,11% — причем в исчислении как по стоимости, так и по численности занятых.

Если по приведенным в табл. 1 значениям нормы прибыли в обрабатывающей промышленности США построить график, то линия тренда в целом за период характеризуется хотя и слабо выраженной, но тенденцией к снижению (рис. 3).

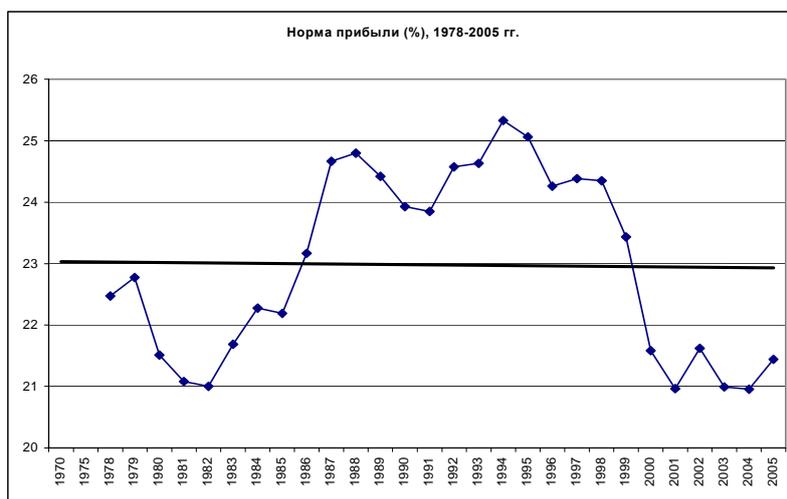

Рис. 3

Строго говоря, перед нами тут не та норма прибыли, о которой говорит К. Маркс, поскольку его вывод относится к норме прибыли на совокупный капитал общества. Но мы ограничены доступным статистическим материалом, а он формируется отнюдь не по канонам научной политэкономии. Тем не менее тот эмпирический материал, который имеется в нашем распоряжении, подтверждает действие тенденции, теоретически открытой К. Марксом.

Литература

1. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. 1776.

2. *Губанов С.* Закон стоимости и цена производства (текущий этап дискуссии)
// *Экономист.* 2007. № 9.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 30.

IV

АЛГОРИТМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

А.С. ФИЛИПЕНКО

Региональные аспекты инновационного развития (на примере Украины)

Рыночная трансформация постсоциалистических государств сопровождалась затуханием инновационной активности на фоне глубокого экономического спада и последующего кризиса. Прежняя хозяйственная система характеризовалась избирательным подходом к инновациям. В частности, в бывшем СССР, в том числе и в Украине, превалировал спрос на инновации со стороны военно-промышленного комплекса (ВПК). Институциональные и структурные преобразования, конверсия ВПК, затяжной восстановительный период отрицательно сказались на развитии инновационной сферы Украины. На промышленных предприятиях освоение новых видов продукции сократилось в 2005 г. по сравнению с 1995 г. в 3,6 раза, количество инновационно активных предприятий — более чем в 2 раза, а внедрение новых технологических процессов в — в 1,6 раза¹. Среди факторов, препятствующих осуществлению инновационной деятельности промышленных предприятий в современных условиях, прежде всего следует выделить экономические (нехватку собственных средств), чрезмерные затраты на нововведения, недостаточную финансовую поддержку со стороны государства, высокие экономические риски, несовершенство законодательной базы, длительный срок окупаемости нововведений, отсутствие достаточных средств у заказчиков и др. Кроме того, обращают на себя внимание такие причины, как отсутствие возможностей для кооперации с другими предприятиями и научными организациями, неразвитость информационной базы новых технологий и рынков сбыта, отсутствие квалифицированного персонала, слабая восприимчивость предприятий и фирм к нововведениям, отсутствие надлежащего спроса на инновационную продукцию. Вследствие этого удельный вес реализованной инновационной продукции в общем объеме реализованной продукции составил в 2005 г. всего 6,5%, а технологическая составляющая обеспечивала только 0,7% прироста ВВП страны [2, 30]. По имеющимся расчетам, удельный вес инновационной продукции в ее общем объеме должен возрасти в Украине к 2015 г. до 35% [3, 61].

¹ Рассчитано по: [1, 9—10].

Инновационная политика характеризуется тремя основными уровнями: национальным, региональным и местным (локальным). Их системное, скоординированное взаимодействие в условиях формирующейся экономики знаний оказывает определяющее влияние на экономический рост. В связи с тем, что предметом настоящего анализа являются региональные аспекты инновационного развития, рассмотрим основные характерные черты регионов Украины, существенно отличающихся между собой по экономическому, природному и научно-техническому потенциалу, по социально-экономическому уровню (табл.1).

По своим количественным и качественным параметрам) экономический, природно-ресурсный, научно-технический потенциал, уровень социально-экономического развития) украинские регионы делятся на три основные группы

- регионы крупных индустриальных агломераций с высоким уровнем концентрации продукции (производства) и населения (Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Луганская области);
- индустриально развитые регионы с концентрацией продукции в первую очередь в региональных центрах и больших городах (Киевская область и Киев, Харьков, Одесса, Львов, Полтава);
- регионы с промышленностью местного характера (Крым и многие западные регионы).

Инновации, как известно, проявляются в различных формах: новые виды технологий, новая продукция, новый производственный процесс. Обычно, под инновациями подразумевается система, состоящая из трех определенных фаз: генерирования (производство) знания; совместного использования и распространения этого знания между потенциальными потребителями; применение этого знания к усовершенствованию продукта². Очевидно, что все элементы этого цикла в целом в значительной мере зависят от уровня развития экономики региона, его институциональных структур и финансового потенциала.

² Инновационная концепция Й. Шумпетера включает некоторые дополнительные элементы (новые рынки, усовершенствование менеджмента и др.). Статистика Украины к научным и научно-техническим работам относит фундаментальные и прикладные исследования, научно-технические разработки и научно-технические услуги. Кроме того, выделяются технологические инновации, технологически новые продукты, инновационная продукция [5, ч. 2, 363].

Таблица 1

Основные характеристики регионов Украины

Регион	Территория, тыс. км ²	Численность населения (по состоянию на 1.01.2006), тыс. чел.	Валовой региональный продукт, млн грн	Доход на душу населения, грн	Основные активы, млн грн	Сумма реализованной индустриальной продукции, млн грн
Крым	26,1	1983,8	12848	5432,9	47685	7398,4
Винницкая обл.	26,5	1701,6	10207	5791,1	28747	7154,2
Волынская обл.	20,1	1040,4	6553	5254,2	16559	5378,0
Днепропетровская обл.	31,9	3447,2	41227	7015,9	136776	69034,2
Донецкая обл.	26,5	4622,9	58044	7088,9	144630	98396,1
Житомирская обл.	29,8	1330,1	7430	5568,5	21669	5129,7
Закарпатская обл.	12,8	1245,4	6700	4821,2	17027	3200,3
Запорожская обл.	27,2	1861,0	19962	7074,5	70358	34270,6
Ивано-Франковская обл.	13,9	1388,9	9622	5321,6	28022	7335,2
Киевская обл.	28,1	1763,8	15362	6305,0	46815	14521,0
Кировоградская обл.	24,6	1067,2	6877	5568,7	21612	3484,9
Луганская обл.	26,7	2409,1	19716	5900,9	57357	34687,3

Продолжение табл. 1

Львовская обл.	21,8	2577,1	17192	6203,1	59232	11759,3
Николаевская обл.	24,6	1219,6	9553	6137,5	29348	9130,2
Одесская обл.	33,3	2402,2	20762	5883,4	65200	14624,5
Полтавская обл.	28,8	1554,9	18099	6653,5	57632	23100,3
Ровенская обл.	20,1	1156,5	7263	5344,4	22785	5148,8
Сумская обл.	23,8	1226,3	8025	5972,0	28138	7715,3
Тернопольская обл.	13,8	1112,1	5137	5032,7	15097	2488,6
Харьковская обл.	31,4	2829,0	25618	6355,7	86816	22685,3
Херсонская обл.	28,5	1126,5	6469	5400,5	19234	3758,1
Хмельницкая обл.	20,6	1373,4	7958	5733,3	26764	5127,5
Черкасская обл.	20,9	1341,5	9014	5534,0	26790	7493,4
Черновицкая обл.	8,1	908,2	4234	5078,0	13720	1466,7
Черниговская обл.	31,9	1168,5	7627	5979,1	29425	6107,5
Киев	0,8	2693,2	77124	10683,3	151036	56735,8
Севастополь	0,9	379,1	2823	5723,3	7627	1411,1

Источник: [4, 46; 5, ч. 1, 11—12].

Инновационное развитие регионов в решающей мере зависит от трех основных групп факторов: экономических, институциональных и финансовых. Экономическая составляющая в Украине в течение последних десятилетий может быть оценена в целом как благоприятная вследствие стабильного экономического роста, среднегодовые темпы которого составили в 2000—2007 гг. 7,4%. В то же время региональное измерение экономического роста не так однозначно с точки зрения его качества, динамики и структуры производства.

Переход к рынку, приватизация предприятий государственной формы собственности, либерализация экономики и улучшение инвестиционного климата являются основными стимулами для инноваций на региональном уровне. Однако высокая доля теневого сектора (около 50%), архаическая структура экономической системы, низкий технологический уровень выпускаемой продукции, в целом экстенсивный (затратный) тип экономики затрудняют инновационный процесс. Поэтому, например, производительность труда в металлургической промышленности Украины не превышает 29% от уровня ЕС, 28 — от уровня Германии, 27,6 — Японии, 36,9% — Бразилии.

Институциональные структуры регионального уровня в Украине находятся на стадии становления. С одной стороны, после распада Советского Союза региональные органы власти получили дополнительные полномочия и экономические возможности в контексте инновационного развития. С другой стороны, в процессе формирования региональных органов власти и самоуправления возникла заметная несбалансированность властных полномочий, обострились противоречия между ними.

Помимо общих институциональных причин недостаточной инновационной активности регионов, необходимо особо подчеркнуть слабость регионального управления вследствие дублирования функций местных органов власти и органов самоуправления, использования обеими сторонами устаревшего менеджмента, отсутствия реальных экономических, финансовых и институциональных рычагов и стимулов воздействия на инновационный процесс. Вторая институциональная проблема — несовершенство законодательства в отношении защиты прав интеллектуальной собственности. К тому же, венчурный бизнес, кластерные инновационные системы и пилотные проекты находятся на начальных стадиях своего развития.

Крупные местные предприятия и корпорации остаются чуть ли не единственными структурами, которые генерируют инновации (табл. 2).

Таблица 2

Основные бизнес-группы Украины

Название	Активы, млн дол.	Ключевые деловые интересы
Системкапитал менеджмент	12,144	Черная металлургия, железная руда, уголь, кокс, электроэнергетика, машиностроение, финансы, телекоммуникации, гостиницы, пиво, безалкогольные напитки и т. п.
Индустриальный союз Донбасса	7,391	Черная металлургия, железная руда, уголь, кокс, машиностроение, агробизнес, туризм и т.п.
Группа Приват	6,312	Финансы, нефтяной бизнес, черная металлургия, железная и марганцевая руда, ферросплавы
Интерпайп	5,410	Производство труб, черная металлургия, ферросплавы
Мариупольский металлургический комбинат (Завод Ильича)	5,102	Черная металлургия, кокс, железная руда
Донецксталь	4,272	Черная металлургия
Запорожсталь	2,763	Черная металлургия, финансовый рынок
АРС-группа	1,931	Уголь, кокс, машиностроение
Укравто	1,594	Автомобилестроение, финансовый рынок
Континиум	1,491	Нефтяной бизнес, кондитерская и молочная промышленность
Энергостандарт	1,429	Энергетика, машиностроение
Укрпроминвест	1,129	Автомобилестроение, судостроение, автоперевозки
Украинская и инновационно-финансовая компания	0,788	Электроэнергетика, гостиницы, газовый комплекс

Источник: [6, 14].

При этом экономические единицы не только являются основными производителями инноваций, но и формируют финансовую базу регионального инновационного процесса. Но отдельные, даже широко-масштабные нововведения, часто приводят к еще большей дифференциации регионов, к дальнейшей маргинализации отдельных из них, к закреплению за ними депрессивного статуса.

Региональная проекция экономики знаний осуществляется на основе определения научно-технического потенциала (НТП) региона, в том числе его инновационной составляющей (табл. 3)

Таблица 3

Основные компоненты научно-технического потенциала региона

Компонента	Отдельные показатели
Научные кадры	X1 — количество сотрудников научных организаций в расчете на 10 тыс. занятого населения; X2 — удельный вес лиц с научными степенями в регионе в общем количестве специалистов, участвующих в НИОКР; X3 — число научных работников в регионе, работавших по контракту за границей, в расчете на 1 тыс. специалистов
Финансирование	X4 — финансирование научных и научно-технических работ в регионе, в % к валовой добавленной стоимости); X5 — финансирование научных и научно-технических работ в регионе в расчете на одного сотрудника, тыс. грн
Фондовооруженность	X6 — фондовооруженность труда сотрудников основной деятельности научных организаций в расчете на одного занятого, тыс. грн
Инновационный потенциал	X7 — количество заявок на выдачу охранных документов, поданных в Госпатент Украины в расчете на 1000 лиц активного населения региона; X8 — количество заявок на выдачу охранных документов, поданных в патентные ведомства других стран в расчете на 1000 чел. активного населения региона; X9 — количество патентов, полученных в Госпатенте Украины и патентных ведомствах зарубежных стран в расчете на 1000 чел. активного населения региона

Источник: [3, 62—63].

Интервал значений научно-технического и инновационного потенциала регионов может колебаться от 0 до 1. При этом низкий уровень характеризуется показателем от 0 до 0,25, средний — 0,25—0,50 и высокий — 0,50—1,00. Приведенные параметры и их различные комбинации используются главным образом в аналитических целях. Официальная статистика оперирует другим набором показателей и критериев, отражающих различные статические и динамические аспекты развития инновационной деятельности регионов.

Непосредственное влияние на инновационную активность регионов Украины оказывают такие факторы, как общий объем затрат по направлениям инновационной деятельности, внутренние текущие затраты на научные и научно-технические работы, количество организаций, выполняющих научные и научно-технические работы, численность специалистов, занятых в научной и научно-технической сфере, в том числе высшей квалификации, количество высших учебных заведений I—IV уровней аккредитации. В региональном разрезе данные факторы можно представить в виде табл. 4.

Об эффективности инновационной деятельности регионов можно судить по соотношению результатов, т. е. полученной инновационной продукции (второй столбец табл. 4) и затрат на ее осуществление (третий столбец табл. 4). Расчеты показывают, что данные показатели сильно варьируются от региона к региону, разница между ними достигает более 20 раз. Наибольшими колебаниями характеризуются сравнительно небольшие регионы (Винницкая, Волынская, Закарпатская, Хмельницкая области). Значительно выше средней является отдача в ряде крупных регионов (АР Крым, Днепропетровская, Запорожская, Одесская, Сумская области). Высокие показатели, коррелирующие с количеством организаций, выполняющих научные и научно-технические работы, с численностью специалистов, занятых в научной и научно-технической сфере, и количеством высших учебных заведений, демонстрируют АР Крым, Днепропетровская, Запорожская, Киевская, Львовская, Одесская области.

Таблица 4

**Основные факторы, влияющие на объем инновационной
продукции регионов Украины (2005)**

Регион	Объем инновационной продукции (тыс. грн)	Общий объем затрат по направлениям иннова- ционной деятельности (тыс. грн)	Внутренние текущие затраты на научные и научно-технические работы (тыс. грн)	Количество организа- ций, выполняющих на- учные и научно- технические работы	Численность специали- стов, занятых в науч- ной и научно- технической сфере	Количество высших учебных заведений I—IV уровней аккре- дитации
Автономная Республика Крым	932209,0	93613,8	89857,2	47	1946	35
Винницкая обл.	54026,4	55701,0	39391,3	28	866	25
Волынская обл.	206823,0	9315,5	10985,9	16	482	18
Днепропетровская обл.	2650430,3	385472,6	364020,7	109	9021	57
Донецкая обл.	4935545,3	1955088,2	250496,3	81	7633	90
Житомирская обл.	147812,4	46797,1	10461,3	12	430	25
Закарпатская обл.	100270,1	6031,5	14688,1	21	661	19
Запорожская обл.	3201468,0	158383,2	246521,8	38	3156	35
Ивано-Франковская обл.	199995,0	56244,7	27307,6	21	764	31
Киевская обл.	309261,3	30672,8	80933,7	36	2451	25
Кировоградская обл.	220297,9	36542,8	14427,6	11	429	23

Продолжение табл. 4

Луганская обл.	1449660,2	334418,0	60891,7	49	1897	42
Львовская обл.	343360,4	75858,0	156784,1	87	4847	61
Николаевская обл.	719781,7	255470,6	157957,9	41	1457	17
Одесская обл.	2176907,3	110684,1	106424,4	74	3459	45
Полтавская обл.	349933,3	138499,0	34182,9	32	954	26
Ровенская обл.	55143,0	32742,0	9331,7	17	332	17
Сумская обл.	1243998,0	109303,9	83821,5	29	2429	17
Тернопольская обл.	44092,5	5678,8	11991,5	16	436	23
Харьковская обл.	1903187,6	592036,8	682762,6	227	17203	75
Херсонская обл.	128282,4	41451,4	17197,0	28	954	21
Хмельницкая обл.	189973,2	18071,6	4044,3	6	122	25
Черкасская обл.	103495,3	53903,8	27119,2	30	913	27
Черновицкая обл.	77841,0	13838,9	13840,2	24	684	20
Черниговская обл.	252979,7	122445,3	21194,7	22	683	26
г. Киев	2986358,4	1009456,3	1794270,1	393	39969	116
г. Севастополь	12244,3	3841,2	55364,2	15	1334	10

Источник: [5, ч. I, 1, ч. 2, 364—368, 373, 377].

Важное значение для регионального уровня имеет наличие соответствующей инновационной инфраструктуры, с помощью которой осуществляется финансовая, информационная, консалтинговая, маркетинговая и др. поддержка инновационных процессов. Она включает в себя, как правило, университеты и другие научные учреждения, предприятия, исследовательские центры, органы регионального управления, финансовые институты, что позволяет создать взаимосвязанную совокупность отношений в системе: образование — научные исследования и разработки — промышленное производство — рынок. Законодательством Украины предусмотрено создание целой сети инновационных структур: технопарков, технополисов, инновационных бизнес-инкубаторов, инновационных бирж, консалтинговых, инжиниринговых, маркетинговых фирм, технологических кластеров и других институций. Наибольшее распространение в Украине получили технопарки, в рамках которых выпускается около 20% инновационной продукции страны. Успешно интегрировались в экономику знаний такие технопарки, как Институт электросварки им. Е. Патона, Институт монокристаллов, Киевская политехника и др. Однако создание в регионах системы инновационных институтов сдерживается как перечисленными выше причинами макроэкономического порядка, так и собственно факторами регионального уровня. Одной из основных причин является нехватка финансовых ресурсов. В соответствии с Законом Украины «О научной и научно-технической деятельности» ассигнования на науку должны составлять 1,7% ВВП. Фактически на протяжении 1992—2005 гг. этот среднегодовой показатель равнялся всего 0,42% ВВП. Из местных бюджетов на инновационную деятельность в 2005 г. выделялись средства только в Киевской, Львовской, Николаевской, Черновицкой областях и в г. Киеве. Основными источниками финансирования инноваций остаются собственные средства предприятий, удельный вес которых достигает почти 80%. Незначительную роль играют кредитные ресурсы (менее 20%). События последнего времени, связанные с мировым ипотечным кризисом, обусловили необходимость проведения жесткой кредитно-денежной политики со стороны Национального банка Украины, к повышению его учетной ставки до 12% годовых, что примерно в 2,5 раза превышает оптимальные показатели, ведет к удорожанию кредита и сужению данного источника финансирования инноваций.

Таким образом, как показывают вышеприведенные данные, подавляющее большинство регионов лишено собственных средств для финансирования инноваций. Решение данной проблемы лежит в плоскости радикального реформирования межбюджетных отношений на ос-

нове фискальної децентралізації, надання більшій автономії регіональному самоуправленню. Така реформа повинна бути направлена на збільшення доходів регіональних бюджетів шляхом перерозподілу фінансових ресурсів, посилення фінансових повноважень регіонального управління. Децентралізація підвищить відповідальність регіональних властей, дозволить ефективніше використовувати ресурси інноваційного розвитку.

Одним із важливих шляхів збільшення фінансових ресурсів для регіональних інновацій є залучення зовнішніх фінансових джерел. Такі фінансові інструменти, як гранти, позики, акціонерний капітал і косвенна підтримка, становлять базові елементи регіональної фінансової ланки цінності (аналог глобальної ланки цінності). Кожен регіональний інноваційний проєкт або компанія, його виконавця, вимагають особливого, специфічного рішення, залежного від індивідуальних зростаючих потреб і відповідної стадії інновацій. Головне — як для публічного, так і для приватного секторів, в процесі забезпечення фінансовими ресурсами інноваційного розвитку — це координація діяльності таким чином, щоб різні елементи цієї ланки були взаємопов'язаними і ефективно взаємодіяли.

Литература

1. Гуржій А.М. та ін. Інноваційна діяльність в Україні. Київ, 2006.
2. Шевцова Г.З., Мемедляєв З.Н. Теорія і практика інноваційної діяльності. Луганськ, 2007.
3. Інновації: проблеми науки та практики. Харків, 2007.
4. Україна в цифрах 2006 / Статистичний довідник. Київ, 2007.
5. Регіони України / Статистичний збірник. 2006. Київ, 2006.
6. Великий український капітал: взаємовідносини з владою і суспільством. Київ, 2007.

М.М. ГУЗЕВ

Поглощение и слияние стран и народов в аспекте глобальных демографических изменений в XXI веке

Начало XXI в. характеризується не тільки пронизуючим всю структуру сучасного суспільства процесом глобалізації, про яку стільки говорять політики і пишуть вчені, але й ще більш значимим

по своим последствиям для будущего человеческой цивилизации событием, а именно, вступлением человека в *новую демографическую ситуацию*, когда «при переходе от сельского к городскому образу жизни (а это касается сегодня миллиардов землян) человек теряет потребность в семье и детях, подрубая тем самым сук, на котором 40000 лет сидело человечество...

В довершение беды, нарастает значение не только количественной, но и качественной стороны демографических процессов. Дело в том, что при высокой детской смертности в многодетных семьях выживали только самые здоровые, которые передавали свою генетику следующим поколениям. Сегодня это для горожан неприемлемо просто психологически. Но ведь в однодетной семье может родиться и генетически ущербный ребенок. Спасенный от гибели медициной, он подрастет, станет родителем и произведет еще более генетически ущербное потомство» [1, 24—25].

Эта новая демографическая ситуация характерна, в первую очередь, для развитых (богатых) стран мира, в то время как сельские (по демографическому поведению) народы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, с их почти миллиардной армией безработных, не могут бесконечно долго наблюдать за начавшими освобождаться от населения территориями планеты.

Все это привело «к нарушению выработанной за тысячелетия модели роста. Сегодня принято говорить, что связь времен нарушается. В этом можно видеть проявление представлений о неравновесности процесса роста, ведущей к неустроенности жизни, к характерным для нашего времени стрессам. Это выражается в кризисе сознания, способствовало появлению нуклеарной семьи и распаду связей между поколениями. Распад связей виден на всех уровнях общественного сознания, в кризисе управления, *в распаде стран и империй* (курсив мой. — М.Г.). Кризисные явления видны в распаде структур, формировавшихся и существовавших веками, а теперь исчезающих за десятилетия, подчиняясь темпу сжатия исторического времени. Неустроенность и отсутствие времени на то, что в процессе длительной эволюции закрепляется в области культуры традицией, несомненно, отражены в распаде морали, искусстве и идеологиях нашего времени. Иными словами, духовная культура не поспевает за бегом материальной цивилизации. Так же, как и в мире компьютеров, наше «программное обеспечение» отстает в своем развитии от техники» [2, 136].

На мегауровне меняются факторы роста населения: во многих странах мира в начале XXI в. на первое место выходит миграция населения, что привносит с собой еще ряд новых проблем (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Факторы роста населения в странах
Западной Европы (2001), тыс. человек**

Страна	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Сальдо миграции	Общий результат	Население в конце 2001 г.	Коэффициент суммарной рождаемости
Австрия	8121,0	4,7	18,0	22,7	8143,7	1,3
Бельгия	10263,0	11,3	32,6	43,9	10306,9	1,6
Великобритания	59894,0	64,7	155,0	219,7	60113,7	1,6
Германия	82259,0	-91,0	262,5	171,5	82430,5	1,3
Греция	10565,0	-1,4	35,0	33,6	10598,6	1,3
Дания	5349,0	2,0	12,2	14,2	5363,2	1,2
Ирландия	3826,0	28,1	30,0	58,1	3884,1	2,0
Исландия	283,0	2,4	0,8	3,2	286,2	1,9
Испания	40122,0	56,0	231,7	287,7	40409,7	1,3
Италия	52884,0	3,9	170,0	173,9	53057,9	1,2
Люксембург	441,0	1,7	3,3	5,0	446,0	1,2
Мальта	391,0	0,9	2,3	3,2	394,2	1,5
Нидерланды	15987,0	62,9	50,3	113,2	16100,2	1,7
Норвегия	4503,0	12,5	8,1	20,6	4523,6	1,8
Португалия	10263,0	7,7	65,0	72,7	10335,7	1,4
Финляндия	5181,0	7,6	6,1	13,7	5194,7	1,7
Франция	59032,0	246,8	60,0	306,8	59338,8	1,9
Швейцария	7204,0	12,2	42,2	54,4	7258,4	1,4
Швеция	8883,0	-2,3	28,6	26,3	8909,3	1,5
Всего	385451,0	+430,7	+1213,7	1644,4	387095,4	

Источник: [3, 58].

Таблица 2

**Факторы роста населения в странах Центральной
и Восточной Европы (2001), тыс. человек**

Страна	Население на 01.01.2001	Естественный прирост	Сальдо миграции	Общий результат	Население в конце 2001 г.	Коэффициент суммарной рождаемости
Белоруссия	9990,4	-48,6	91	-39,5	9950,9	1,3
Болгария	8149,5	-44,2	-175,8	-220,0	7929,5	1,2

Продолжение табл. 2

Венгрия	10200,0	-35,0	14,0	-21,1	10179,0	1,3
Кипр	759,1	3,3	3,1	6,4	765,5	1,8
Латвия	2366,1	-13,3	-1,4	-14,7	2351,4	1,2
Литва	3493,8	-8,9	-2,6	-11,5	3482,3	1,2
Молдавия	4171,9	-4,3	-105,3	-109,6	4062,3	1,3
Македония	2031,1	12,0	-2,5	9,5	2040,6	1,3
Польша	38644,2	5,0	-16,8	-11,8	38632,4	1,2
Румыния	22430,5	-39,2	-4,9	-44,1	22386,4	1,2
Словакия	5378,8	-0,8	1,0	0,2	5379,0	1,2
Словения	1990,1	-0,8	4,7	3,9	1994,0	1,2
Хорватия	4381,0	-6,5	23,4	16,9	4397,9	
Чехия	10295,3	-17,0	-8,6	-25,6	10269,7	1,1
Эстония	1367,0	-5,9	0,2	-5,7	1361,3	1,3
Югославия	10645,2	16,6	0,0	16,6	10661,8	1,3
Албания	3401,2	41,2	-35,0	6,2	3407,4	2,0
Босния и Герцеговина	3836,0	9,2	-40,0	-30,8	3805,2	
Россия	144819,11	-943,2	78,1	-865,1	143954,0	1,2
Украина	49036,5	-369,5	-40,0	-409,5	48627,0	1,1
Всего	337386,8	-1449,9	-299,3	-1749,2	335637,6	

Источник: [3, 61].

Когда мы говорим о национальной демографической политике в эпоху современного демографического перехода, чрезвычайно важно учитывать также происходящие и еще предстоящие изменения географической структуры населения планеты. К началу XXI в. различные страны и народы подошли с разных стартовых позиций — экономических, социокультурных, демографических. Поэтому не только миграция, но и различная динамика рождаемости и смертности формируют на будущее иной демографический ранг государств и регионов планеты (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение населения мира по регионам
к 2000—2150 гг., в % к итогу**

Регионы	2000 г.	2025 г.	2050 г.	2075 г.	2100 г.	2125 г.	2150 г.
Океания	1	1	1	1	1	1	1
Северная Америка	5	5	5	4	4	4	4
Латинская Америка	8	9	9	9	9	9	9
Африка	12	13	17	20	22	23	24
Европа	13	12	9	7	6	5	5

Продолжение табл. 2

Индия	16	17	17	17	17	17	17
Китай	22	21	19	17	15	14	14
Остальная Азия	23	23	24	25	26	26	26

Источник: [4, 4].

Приведенные данные наглядно свидетельствуют, что цивилизация находится на демографическом переломе, который охватил все народы, проживающие на Земле. Формируется иное общество, которое, с одной стороны, стоит на базе предшествующего, а с другой — уже не может опираться на традиции и накопленный опыт. Возникающие при этом многочисленные проблемы невозможно решать с помощью старых подходов и методов.

Усиливается возможность поглощения и слияний стран и народов. Народы-пассионарии активно теснят «старые» нации. Все это неминуемо ведет к обострению противоречий в мире. Если к этому добавить нарастающие глобальные проблемы цивилизации, то можно согласиться с мнением, что *конечной целью человечества в XXI в. может быть только одна: выжить* [1, 23].

Для России как крупнейшей по территории и одной из крупнейших по населению страны мира эта цель актуальна вдвойне. К началу XXI в. она подошла с грузом крупных нерешенных социальных проблем, в частности, в области народонаселения. Об этом свидетельствуют данные табл. 4 и 5.

Таблица 4

**Ожидаемая продолжительность жизни в России
и некоторых странах Северной и Западной Европы**

	1970—1974 гг.		1985 г.		1993 г.		1997 г.		2001 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Россия	63	74	64	74	59	72	58	72	59	72
Австрия	67	74	70	77	73	80	74	80	75	81
Великобритания	69	75	71	77	74	79	74	79	75	80
ФРГ	68	74	72	78	72	79	73	80	74	81
Франция	69	76	72	80	74	82	74	82	75	83
Швеция	72	77	74	80	75	81	76	81	77	82

Источник: [5; 6].

При сохранении такой тенденции в демографии, согласно одному из прогнозов, к 2020 г. население России уменьшится с нынешних 142 млн человек (в 2007 г.) до 131 млн человек, к 2030 г. — до 121,5 млн, к 2040 г. — до 111,6 млн, к 2050 г. — до 101,9 млн человек. При благоприятном сценарии, к 2050 г. население страны уменьшится до 122,6

млн, при неблагоприятном — до 77,2 млн человек [8, 6—7]. По оценкам экспертов ООН, при сохранении существующей тенденции депопуляции к 2050 г. численность населения России сократится до 113 млн человек [9].

Таблица 5

Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения (на 1000 населения)

Группа восьми развитых стран	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост, убыль (–) населения	
	1995	2001	1995	2001	1995	2001
Великобритания	12,5	11,2	10,9	10,1	1,6	1,1
Германия	9,4	9,0	10,8	10,0	–1,4	–1,0
Италия	9,2	9,3	9,7	9,6	–0,5	–0,3
Канада	12,9	10,6	7,2	7,3	5,7	3,3
<i>Россия</i>	<i>9,3</i>	<i>9,1</i>	<i>15,0</i>	<i>15,6</i>	<i>–5,7</i>	<i>–6,5</i>
США	14,8	14,1	8,8	8,5	6,0	5,6
Франция	12,5	13,1	9,1	8,9	3,4	4,2
Япония	9,5	9,2	7,4	7,6	2,1	1,6

Источник: [7, 33].

Не только отечественные, но и зарубежные ученые указывают на противостоестественность происходящего в России в области демографии. *В 2007 г. средняя продолжительность жизни в России была меньше, чем 40 лет назад!* Россияне живут в среднем меньше чем японцы на 18 лет, чем американцы — на 13, чем европейцы — на 12 лет. И ситуация продолжает ухудшаться: если в 1998 г. смертность в России составляла 14 человек на 1000 жителей, то в 2005 г. достигла 16, и это даже больше, чем в Нигерии и Зимбабве. Ежегодно в стране рождается 1,2 млн детей, а лишь для простого воспроизводства нужно, чтобы рождалось не менее 2 млн [10, 44]. В этой связи американский политолог Н. Эберстадт в своем докладе «Обезлюдящая Россия» утверждает, что Россия вообще находится на краю гибели. Ссылаясь на данные ООН, он пишет, что к 2025 г. население России сократится на 10 млн человек, к 2050 — на 36 млн, а возможно, и на 50 млн человек³.

Региональный срез демографической проблемы в России дополняет и уточняет анализ общей демографической ситуации. Региональный

³ Статья из «Die Welt» «Россия становится все более безлюдной» перепечатана в российской газете «Санкт-Петербургские ведомости» [11].

анализ динамики численности населения между двумя последними переписями населения (1989—2002) показывает, что сформировалось несколько устойчивых тенденций депопуляции.

Наблюдается сокращение населения в большинстве регионов страны — в 64 из 86 регионов. Основные факторы сокращения населения — миграция и высокая смертность. Причем образовались три группы регионов, где сокращение населения было особенно большим.

Первая группа — северные регионы: Чукотский округ потерял 65,8% своего населения; Магаданская область — 52,5; Корякский округ — 35,9; Таймырский округ — 27,3; Эвенкийский округ — 25; Ненецкий округ — 23,6; Мурманская область — 22,0; Камчатская область — 21,8; Республика Коми — 19,3%.

Вторая группа — Восточная Сибирь и юг Дальнего Востока: Сахалинская область — 22,8% потери населения; Читинская область — 16,7; Хабаровский край — 10,8; Иркутская область — 9,2; Приморский край — 8,5%.

Третья группа — Европейский центр, Черноземье и Нечерноземье: Ивановская область — сокращение населения на 12,8%; Тверская область — 11,8; Кировская область — 11,2; Тамбовская область — 10,6; Тульская область — 10,3%.

Прирост населения происходил во всех регионах Юга России, кроме Калмыкии, в Поволжье и некоторых других регионах в основном Европейской части страны: Дагестан — 44,2%; Чечено-Ингушетия — 22,9; Кабардино-Балкария — 18,3; Ставропольский край — 12,1; Северная Осетия — 12,0; Краснодарский край — 9,4. А также в г. Москве, где он составил 12,7%. Прирост связан как с высокой рождаемостью (в республиках Северного Кавказа), так и с миграцией [12, 51—52].

В результате за короткий срок произошли существенные изменения в расселении населения по макрорегионам России (табл. 6).

Таблица 6

Изменение численности населения макрорегиональных регионов России (1989 — 2002)

Макрорайон	Численность населения, тыс. чел.		Абсолютная убыль (прирост) в 1989—2002 гг., тыс. чел.	Доля районов во всем населении страны, %	
	1989 г.	2002 г.		1989 г.	2002 г.
Центр (без Москвы)	21,412	20,116	-1296	14,5	13,86
Черноземье	7,741	7,520	-221	5,25	5,18
Северо-Запад	8,279	7,796	-483	5,62	5,37

Продолжение табл. 6

Европейский Север	6,125	5,235	-890	4,16	3,61
Урал	16,335	15,960	-645	11,08	10,81
Волго-Вятка	8,457	7,959	-498	5,74	5,48
Поволжье	20,041	20,336	+295	13,6	14,01
Северный Кавказ	17,059	19,205	+2146	11,57	13,23
Север Западной Сибири	1,756	1,940	+187	1,19	1,34
Юг Западной Сибири	13,224	12,852	-392	8,99	8,85
Восток и Северо-Восток Сибири	10,236	9,485	-754	6,95	6,53
Дальний Восток	6,860	5,740	-1120	4,65	3,95
Москва	8,967	10,358	+1391	6,08	7,13
Калининградская область	871	955	+84	0,59	0,66
Европейская Россия	115,287	115,170	-117	78,22	79,33
Азиатская Россия	32,096	30,017	-2079	21,78	20,67
Главная полоса расселения	123,760	124,057	+297	83,97	85,45
Россия	147,383	145,187	-2196	100	100

Источник: [12, 54].

Из приведенных данных следует, что особенно быстрыми темпами идет процесс обезлюдивания Дальнего Востока и Восточной Сибири, Европейского Севера, что давно уже выходит за рамки чисто демографической проблемы. И дело не только в отсутствии эффективной внутрисоссийской миграционной политики, но и в повсеместной естественной убыли населения. Например, по некоторым федеральным округам в 2005 г. естественная убыль на 1000 человек населения составляла: Приволжский федеральный округ — -5,6 (10,0 родившихся и 15,6 умерших); Сибирский федеральный округ — -3,4 (11,5 родившихся и 15,1 умерших); Дальневосточный федеральный округ — -2,5 (11,5 родившихся и 14,0 умерших).

Интересный материал для размышления дает нам демографическая статистика Южного федерального округа, где в «русских» областях и краях наблюдается естественная убыль населения, а в национальных республиках естественный прирост (табл. 7).

В целом, на наш взгляд, события последних лет в России в области демографии говорят о том, что в правящей элите нет адекватного понимания надвигающихся угроз.

Таблица 7

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в регионах Южного федерального округа (2006)

	На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост (+), убыль (-) населения
<i>Южный федеральный округ</i>	11,7	12,7	-1,0
Республика Адыгея	10,5	15,1	-4,6
Республика Дагестан	15,2	6,0	+9,2
Республика Ингушетия	15,1	3,7	+11,4
Кабардино-Балкарская Республика	10,4	9,8	+0,6
Республика Калмыкия	13,2	11,1	+2,1
Карачаево-Черкесская Республика	11,7	11,3	+0,4
Республика Северная Осетия-Алания	12,0	11,5	+0,5
Чеченская Республика	23,8	5,0	+18,8
Краснодарский край	10,4	14,8	-4,4
Ставропольский край	10,1	14,2	-4,1
Астраханская область	12,4	14,7	-2,3
Волгоградская область	9,8	15,2	-5,4
Ростовская область	9,5	15,5	-6,0

Источник: [9].

Так, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г. говорится: «А теперь о главном. ...О семье. И о самой острой проблеме современной России — о демографии. Проблемы экономического и социального развития страны тесно связаны с простым вопросом: для кого мы все это делаем? Вы знаете, что в среднем число жителей нашей страны становится меньше ежегодно на 700 тысяч человек. Мы неоднократно поднимали эту тему, но по большому счету *мало что сделали* (курсив мой. — М.Г.). Для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое —

снижение смертности. Второе — эффективная миграционная политика. И третье — повышение рождаемости» [13].

В это же время, в мае 2006 г., была опубликована «Национальная программ демографического развития России» (проект). Разработка проекта была инициирована Общероссийской общественной организацией «Деловая Россия», под эгидой которой были консолидированы известные российские специалисты в области демографии, права, социальной защиты и семейной политики. В документе указывается, что, начиная с 1992 г., смертность в России устойчиво превышает рождаемость. За 14 лет (1992—2005) разница между количеством родившихся и количеством умерших в России составила более 11,1 млн человек. Абсолютная убыль населения (с учетом 5,3 млн въехавших мигрантов) составила за этот период около 5,8 млн. Данные последних лет демонстрируют нарастание масштабов убыли населения, за 2000—2005 гг. — около 700 тыс. человек в среднем за год.

Сохранение нынешнего уровня рождаемости и смертности приведет к тому, что численность населения нашей страны к началу 2025 г. может составить около 123 млн человек.

В документе также отмечается, что средства, выделяемые на поддержку семей с детьми, крайне недостаточны — расходы на семейные пособия к величине ВВП сегодня в 4 раза меньше, чем 10 лет назад и примерно в 8—10 раз меньше среднего уровня таких расходов в европейских странах. К величине ВВП они сократились в России с 0,98% в 1996 г. до менее 0,3% в 2004 г. И это вместо роста до 2,2%, предусмотренного «Основными направлениями государственной семейной политики», утвержденными Указом Президента РФ в 1996 г.

В проекте представлены и соответствующие рекомендации удержания численности населения на уровне не ниже 140—142 млн человек к 2015 г., главным образом за счет значительного увеличения государственного финансирования социальных программ [14].

О необходимости кардинального изменения в области финансирования материнства и детства спорить не стоит. Это очевидно. Не может же умирающая страна тратить на цели сохранения населения примерно в 10 раз меньше, чем относительно благополучные европейцы. Но кто или что мешает, например, уже в течение нескольких лет изменить размер детских пособий, который на начало 2008 г. составляет 70 р. в месяц? И профицит бюджета есть, и национальные проекты вроде бы работают, а денег на пособия как не было, так и нет. Поэтому многие правильные по сути рекомендации, изложенные в проекте, могут так и остаться рекомендациями.

Таким образом, проблема не в нехватке средств и не в отсутствии намерений, а, очевидно, в чем-то другом — *в ином*. Это иное настолько многообразно и однообразно, многолико и однолико, реально и виртуально, открыто и скрыто, о нем столько говорят и ничего не говорят, что, очевидно, этому иному должно быть (и будет) посвящено отдельное исследование, одна из следующих статей автора в журнале.

Литература

1. *Бестужев-Лада И.В.* Глобальный технологический прогноз на XXI век // Социологические исследования. 2007. № 4.
2. *Капица С.П.* Рост населения Земли и будущее цивилизации // Общественные науки и современность. 2003. № 3.
3. *Слука А.Е.* Демографический кризис в странах Европы: причины и последствия // Вестн. моск. ун-та. Сер. 5. География. 2004. № 6.
4. Long-range World Population Projections: Based on the 1988 Revision. UN. 2001. 19 Sept.
5. Население мира. Демографический справочник. М., 1989.
6. Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1995. № 7; 1997. № 20; 1999. № 38; 2001. № 56.
7. *Белова Т.Н.* Что связывает монетизацию льгот и рождаемость населения // Вопросы статистики. 2005. № 6.
8. Россия своих пересчитала: 13 «миллионеров» на 145 миллионов // Российская газета. 2003. 25 апр.
9. Где в России жить хорошо. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2006 г. // Российская газета. 2007. 14 марта.
10. *Октябрьский П.Я.* Россия сегодня: проблемы демографии // Вопросы статистики. 2007. № 4.
11. Санкт-Петербургские ведомости. 2003. 23 марта.
12. *Тархов А.С.* Предварительные итоги переписи населения России 2002 года: географический анализ // Известия РАН. Сер. географическая. 2004.
13. Президент России. Официальный сайт. 10 мая 2006 г.
14. Национальная программа демографического развития (проект) // Российская газета. 2006. 26 мая.

Г.Б. РУСТАМБЕКОВ

**Постсоветские страны в глобальной экономике:
критерии интеграционной мотивации**

Глобализация как объективный процесс охватила сегодня все страны и народы мира, и даже каждого человека, независимо от того, как к ней относятся и оценивают, в чем видят ее преимущества и угрозы. Вместе с тем практически все спектры и формы проявления глобализации связаны с экономикой, углублением международного разделения труда и складыванием воспроизводственных циклов на планетарном уровне. Это означает и появление сферы межнациональной конкуренции, где главная цель заключается в присвоении как можно большей доли мирового ВВП. В подобных обстоятельствах говорить о месте той или иной страны, в том числе Азербайджана, в мировом хозяйстве — значит говорить о том, в каком преимущественно статусе — донора или реципиента в глобальном производственном механизме — она выступает. Конечно, подобный аналитический взгляд возникает в первую очередь на уровне макроэкономики, поскольку для частного предпринимательства глобализация, на первый взгляд, открывает новые рынки, источники инвестиций и технологий, что означает расширение факторов обеспечения эффективности.

Интеграционная мотивация, казалось бы, однозначно отражает стремление субъектов международных экономических отношений в лице бизнес-структур прогнозировать свои интересы и искать пути их удовлетворения посредством международного сотрудничества и взаимодействия. Однако реализация этой мотивации требует объективных условий, связанных не с единичным, а национальным уровнем экономики и степенью ее целостного развития. Хозяйственные субъекты, оперирующие на глобальном уровне, представляют хозяйственные организмы своих стран, что делает их интересы презентабельными, тесно сопряженными с национальными экономическими интересами. К примеру, матрица определения национальных интересов США включает в себя «продвижение американских товаров на зарубежные рынки» [1, 15—17] — цель, достигаемую государством и фирмами в русле совпадающих мотивационных установок. Подобная ситуация, характерная для мирового хозяйства, актуализирует проблематику взаимодействия индивидуальных, национальных и глобальных экономических интересов. При этом динамика экономического развития, задаваемая алгоритмом глобализации, приводит в действие одну из ключевых основ современного определения интеграционной мотива-

ции, которая заключается в том, что микросубъекты (предприятия, фирмы, корпорации) экономических отношений достигают тем больших успехов в международном масштабе, чем в большей степени развит и в оптимальных параметрах открыт для глобальных связей макросубъект их резидентного закрепления. Здесь есть и обратная связь, главное же заключается в том, чтобы не просто констатировать, а обеспечивать реальный механизм взаимодействия факторов: а) целостного, но не фрагментарного развития экономики; б) оптимальной, но не абсолютной или хаотичной, открытости во внешнеэкономических связях; в) конкурентных, но не конъюнктурных, преимуществ на мировых рынках. При соблюдении этих условий приобретает намного больше шансов для достижения индивидуальных и национальных экономических интересов, а следовательно, усиливается и общая интеграционная мотивация и потенциал реализации интересов на всех уровнях хозяйствования.

Мотивация в экономическом плане — это не просто цели, но и возможности их достижения. В качестве таковой мотивация выступает как момент многоуровневой системы экономических интересов, в которой национальные экономические интересы выдвигают базовую шкалу критериев для масштабов, структуры, форм и направлений глобальных связей на индивидуальном уровне.

Существуют и другие, фундаментальные аспекты национальных интересов, которые должны предопределять участие хозяйственных структур в глобальной экономической системе. Во-первых, это интересы сохранения и развития целостной системы национальной экономики. Во-вторых, создание благоприятных условий экономической деятельности для отечественных резидентов производства в стране и за рубежом. В-третьих, обеспечение социального эффекта от глобальной интеграции экономики на всех уровнях. На этом основании можно сформулировать такой принцип интеграционной мотивации в межгосударственных отношениях, как первичность национальных экономических интересов.

Интеграционная мотивация возникает там, где складываются объективные (экономические, технологические, коммуникационные) предпосылки для ее практического применения: когда какие-либо национальные или корпоративные цели (например, обеспечение экономической безопасности, наращивание производства, снижение издержек) могут быть эффективнее достигнуты при интеграционном взаимодействии с другими государствами или корпорациями. Дело в том, что как побудительная причина конкретных действий глобальная интеграция не всегда очевидна. Это проистекает, в первую очередь, из

неодинаковых последствий глобализации для различных стран. В результате появляется «глобофилия», или «глобофобия», как реакция на позитивы и негативы глобализации. Она приобретает разные оттенки в тех или иных странах, регионах, у разных народов и даже отдельных людей. Связано это чаще всего с тем, что глобальная сеть экономических отношений часто предоставляет односторонние преимущества тем или иным странам, обеспечивает доходы отдельных сфер производства или локальных групп населения в глобально интегрирующейся стране. Концентрация внимания на первичности национальных экономических интересов способна формировать контекстуальный подход к процессам глобализации для каждой национальной экономики. Именно контекстуализация проблем глобализации в стране консолидирует экономику, приводит к формированию интересов и ценностей, выдвиганию целей и задач, реализация которых осуществляется в векторе самоопределения и самоутверждения в современном мире. Общая посылка при этом состоит в том, чтобы осуществлять весь подход к мирохозяйственным связям сквозь призму развития потенциала национального производства и повышения уровня социального благополучия граждан.

В постсоветских странах, в которых осуществляются системные трансформационные преобразования, значимость вступления в глобальные связи следует одновременно рассматривать с точки зрения становления государственного хозяйственного организма в условиях относительно недавнего восстановления суверенитета. Очень важно в каждом случае определять, насколько конкретные шаги в направлении мирохозяйственной интеграции, факты сотрудничества с зарубежными партнерами и организациями не только достигают реализации локальных интересов, но и соотносятся с целями формирования национального механизма воспроизводства, образования хозяйственного целого страны как фундаментальной основы экономической независимости.

На старте суверенной государственности в Азербайджане, как и в других постсоветских странах, существовал целый круг проблем подобного рода, требовавших разрешения уже в краткосрочной перспективе. Частично они были объективны и связаны с резким разрывом союзной производственной кооперации. Однако в условиях слабого агрегирования внутренних воспроизводственных связей устремление на внешние рынки носило бессистемный характер. В результате, на арене экономической жизни появлялись субъекты, преследовавшие сугубо собственные интересы и добивавшиеся их за счет утилизации продуктов распада союзного государства. Приобретая возможности для глобальных деловых контактов, но недостаточно интегрированные

во внутренний хозяйственный процесс, они выражали интеграционную мотивацию, находившуюся на значительной дистанции от национальных экономических интересов. Специфика экономики Азербайджана состояла еще и в том, что отрасли сырьевой и полуфабрикатной ориентации предоставляли повышенно ликвидный на международных рынках товар. В то же время экспортно-ориентированная сфера энергетического сырья обладает противоречивой тенденцией развития и может предстать в качестве фактора, как ведущего к диверсифицированному развитию национальной экономики, так и выступающего в качестве прессинга на все другие сферы производства. Первая тенденция, безусловно, позитивна, но ее претворение требовало как концептуальных экономико-политических, так и тактических дипломатических усилий. Они стали основой нефтяной стратегии Азербайджана с подписания 20 сентября 1994 г. первого нефтяного контракта — «контракта века». Вместе с тем довольно четко осознавалось, что сырьевая специализация, включенная в систему международного рынка, дает выигрыш, которым следует максимально полно воспользоваться.

Президент Г.А. Алиев специально подчеркивал, что нефть не является для нас самоцелью... «это — средство, благоприятный источник для укрепления независимости Азербайджана, развития других отраслей и создания новых сфер экономики, повышения благосостояния народа» [2, 9]. Подобный подход полностью согласовывался с решением задач оптимизации вхождения в глобальную экономику, в которой в долгосрочном плане выигрывают те страны, которые производят и вывозят товары с высокой долей добавленной стоимости. К наиболее существенным критериям, усиливающим позиции того и иного государства в системе международных экономических отношений, относятся: 1) темпы роста производительности труда; 2) удельный вес конечной продукции; 3) соотношение и структура вывозимых и ввозимых товаров, дополняющих народнохозяйственную целостность; 4) величина фонда потребления на душу населения. Особо актуален вопрос о качестве продукции. Эффективный выход на современные мировые рынки, где существует сильная конкуренция, возможен в том случае, когда продукция удовлетворяет требованиям международного уровня потребительского спроса. Для этого в экспортируемом продукте должна быть высока доля новой стоимости, обеспечиваемая современной технологией, инвестициями в капиталоемкие и наукоемкие отрасли экономики.

Международные преимущества экономики, особенно если они имеют сырьевой характер, непостоянны, и наиболее перспективным является готовность завтра экспортировать то, что импортируется се-

годня. Только завершенная для потребления без последующей переработки продукция развитой технологической базы страны, включенная в международную кооперацию, создает условия устойчивого экономического роста. Интеграционная мотивация обеспечивает успех при условии направленности процессов глобализации в русло достижения конкурентных преимуществ многопрофильного и высококачественного производства готовой продукции с использованием государственных мер экономического регулирования на всех хозяйственных уровнях. Только таким образом возможно преодоление «голландского синдрома», характерного, впрочем, для всех стран, в экономике которых присутствуют крупные сырьевые месторождения. Низкие издержки добычи и повышенный спрос на внешних рынках создают порой ажиотажную интеграционную мотивацию, не всегда соответствующую национальным экономическим интересам. К тому же, нефтедобыча не абсолютно рентабельна по отношению к отраслям производственного профиля. Об этом свидетельствует и то, что даже при нынешнем резком подъеме цен на нефть, доля нефтяного сектора в доходах государственного бюджета только в 1,5 раза превышает не нефтяной [3]. Это еще раз подтверждает перспективность изменений в структуре экономики в пользу не нефтяного сектора.

Надо отметить, что Азербайджан сегодня демонстрирует пример довольно успешного преодоления сырьевой зависимости экономики. Несмотря на то, что бюджет страны в значительной степени — на 56% — зависит от нефтяного сектора, в общем объеме инвестиций не нефтяные сферы экономики как объекты приложения капиталов стали занимать опережающие позиции. В начале 2008 г. в ненефтяном секторе промышленности объем производства промышленной продукции и оказанных услуг увеличился на 14,7%, в то время как в нефтяном секторе — 12,5% [3]. Во многом это результат выверенной политики направления доходов от нефти, а также национальных и зарубежных инвестиций в разнообразные не только отрасли, но и регионы страны. Например, по успешно реализуемой государственной программе социально-экономического развития регионов, на них приходится 85% вновь созданных рабочих мест, подавляющая доля (95%) которых охватывает ненефтяной сектор [3].

Если проанализировать инвестиционный поток в экономику Азербайджана по динамике и структуре, можно отметить несколько положительных моментов.

Во-первых, это значительное увеличение объемов внутренних капиталовложений и их выравнивание по отношению к зарубежным инвестициям, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Направляемые в экономику инвестиции

	2000 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Из всех источников							
манаты	1289,8	2718,0	4249,2	5820,4	6733,4	7415,6	9902,7
дол.	1441,4	2796,6	4326,4	5922,7	7118,5	8300,4	11540,3
Зарубежные инвестиции							
манаты	829,5	2172,0	3310,9	4496,4	4628,5	4514,2	5801,0
дол.	927,0	2234,9	3371,0	4575,5	4893,2	5052,8	6760,3
Внутренние инвестиции							
манаты	460,3	546,0	938,3	1324,0	2104,9	2901,4	4101,7
дол.	514,4	561,7	955,4	1347,2	2225,3	3247,6	4780,0

Источник: [3].

Во-вторых, это увеличение инвестиций в основные производственные фонды и заметный при этом рост удельного веса нефтяных сфер приложения капиталов (табл. 2.).

Таблица 2

Инвестиции в основные фонды различных сфер экономики из всех источников

	Инвестиции			
	2006 г.		2007 г.	
	млн манат	Удельный вес, %	млн манат	Удельный вес, %
По сферам экономики, всего	6234,5	100	6837,9	100
Сельское хозяйство	58,3	0,9	220,5	3,2
Промышленность	4294,6	68,9	4231,2	61,9
Добыча нефти и природного газа	3385	54,3	3409,9	49,9
Обрабатывающая промышленность	112,4	1,8	297,6	4,4

На фоне данных показателей можно сделать вывод о том, что механизм динамического развития нефтяного сектора при сохранении стабильности макроэкономических показателей уже работает. Он приводит к улучшению инфраструктурного обеспечения, претворению в жизнь мер по развитию регионов, малого и среднего предпринимательства, снижению уровня бедности и становлению нового качества «человеческого капитала», которые постепенно начинают выступать приоритетно финансируемыми направлениями. Предпринимаются и

финансово-кредитные меры для развития нефтегазового производства в стране. Крупным событием в этом направлении стал Указ главы государства от 30 марта 2006 г. о создании Азербайджанской инвестиционной компании (АИК) с целью поощрения инвестиционных вложений для развития нефтегазового сектора, обновления материальной и технологической базы действующих в этой сфере предприятий.

Конечно, нефтяные богатства остаются и еще долго будут оставаться одним из основных стратегических ресурсов страны. Доказанные запасы нефти республики составляют около 12,5 млрд баррелей, а предполагаемые — 27 млрд баррелей. Причем азербайджанский сектор моря площадью в 78,8 тыс. км² (20,8% всей акватории Каспийского моря) наиболее изучен — здесь выявлено 145 перспективных структур. Но это не только экспортный, но и производственный потенциал. Нефть республики, благодаря структурным особенностям углеводородов (малосернистая), представляет собой ценное сырье для многих отраслей промышленности. Нефтеперерабатывающие заводы освоили выпуск более 100 видов самой различной продукции, номенклатура которой расширяется в результате начавшейся модернизации старых и строительства новых объектов нефтепереработки. С переработкой нефти и газа тесно связана традиционно развитая в Азербайджане химическая промышленность. Почти 1/5 промышленного потенциала Азербайджана составляет машиностроительный комплекс, включая нефтехимическое машиностроение, радиоэлектронику, приборостроение. Одной из базовых отраслей экономики выступает металлургия, мощности которой возрастают.

Однако экономическое развитие Азербайджана сегодня предстает в ракурсе не столько природно-ресурсных предпосылок, сколько механизма их эффективной утилизации в широком формате мирохозяйственных отношений. С этой точки зрения развитие рыночных отношений открывает огромные возможности при условии их целенаправленного расширения и углубления. Здесь имеется в виду, прежде всего, учет специфики становления национального рынка, происходящего параллельно с интегрированием экономики в глобальное рыночное пространство. Реалии таковы, что азербайджанская экономика, как, впрочем, и экономика любой другой страны, не в состоянии отвечать на запросы мирового рынка по всем параметрам производимой продукции. В данном случае существуют вполне объективные ограничения, преодоление которых требует научно-теоретических разработок и практических решений.

Дело в том, что современный тип экономического роста в существенной степени является результатом взаимодействия технологии и

международной конкурентоспособности. Успех страны зависит от того, является ли эта связь постоянной и укрепляющейся. В то же время в области создания и совершенствования конкурентных возможностей в различных областях экономики самого по себе рынка может быть недостаточно. Активная государственная политика здесь важна так же, как и рыночные стимулы к нахождению, оцениванию, внедрению и разработке новых технологий. Роль государства имеет, в частности, решающее значение в определении экономической стратегии, структурных реформ, поощрении инноваций в государственном и частном секторах экономики. При этом важнейшее значение приобретает переход от отвлеченно-отраслевого к кластерному видению перспектив развития национальной экономики.

Кластер как организационно-экономическая структура — это совокупность основных, родственных и поддерживающих сфер производства и реализации, оказывающих друг другу взаимную поддержку [4, 50—52]. По существу в кластере происходит обобществление воспроизводственных связей между ресурсными, технологичными и маркетинговыми фирмами с целью обеспечения конкурентоспособности продукта национального производства. Развитие экономики регионов Азербайджана посредством институционального оформления кластеров в состоянии существенно расширить экспортные возможности страны, увеличить число товаров и услуг, способных выдержать требования глобальной конъюнктуры.

Процесс глобализации, расширяя и углубляя, а вместе с тем стандартизируя и унифицируя формы внешнеэкономических связей, делает очевидным «сильные» и «слабые» стороны национальных экономик с точки зрения возможностей реализации национальных экономических интересов в самой стране и на международном уровне. При этом проявляется следующая закономерность: чем в большей степени выражены и достигаются эти интересы в самой стране, тем результативнее они отражаются во внешних экономических отношениях. Под широко употребляемым термином «глобализация экономики» понимается тенденция мирохозяйственного пространства к единому рынку товаров, услуг, капиталов и рабочей силы в результате усиления экономической взаимозависимости стран, роста объема трансграничных перемещений факторов производства, а также все более широкой диффузии технологий. Следовательно, приходится констатировать, что мировое экономическое сообщество из рыхлой совокупности более или менее связанных между собой стран постепенно превращается в совокупное пространство, в котором национальные экономические образования выступают как бы составными элементами (акциденциями) всемирно-

го хозяйственного организма, а их судьбы в возрастающей мере определяются ходом развития всего этого организма. В подобной ситуации экономика каждой страны приобретает все более транснациональный характер, что равносильно ее растущей зависимости от внешних факторов, принявших глобально-системный вид.

Однако одной качественной характеристики глобализации совершенно недостаточно для понимания всех аспектов ее воздействия на переходные, т. е. по существу становящиеся, национальные экономики. Существует важное «измерение» глобализации, в котором нужно различать два круга проблем. Первый из них — это параметры, по которым можно судить о ведущих тенденциях глобализации мировой экономики, и второй — относящийся к выяснению степени открытости экономики отдельной страны или же допустимому уровню ее участия в глобальных экономических процессах. В значительной степени это зависит от того, насколько внутренне обобществлены и введены в общее русло (вектор) развития производительные силы, а воспроизводственные связи консолидируют ресурсы, факторы и стимулы хозяйствования во всем национальном экономическом организме, его кластерных структурах. Только национальное хозяйство, представляющее целостный организм, способно концентрированно выражать и защищать свои интересы, а также эффективно реализовывать цели составляющих ее компонентов и экономических резидентов. Последние в подобном ракурсе выступают, безусловно, как субъекты рынка, но рынка национального, обладающего собственными в масштабе страны функциональными характеристиками и способностями подчинить внешние (глобальные) процессы внутренним, национальным интересам. Глобализация, как пишет г-жа М. Тэтчер, «открыла национальные экономические системы для международной конкуренции» [5, 492]. Но эта конкуренция, даже при допущении эквивалентности экономических отношений, не будет взаимовыгодной, поскольку будут неравносильны национальные экономики.

Экономики многих стран мира не готовы к свободной конкуренции по всем отраслям и нуждаются в защите для создания собственных конкурентных преимуществ. Даже страны ЕС отгородились единым таможенным тарифом, единой аграрной политикой, единой валютой. По всей вероятности, глобализацию необходимо ограничивать в отношении отдельных стран, прежде всего для отстаивания национальных интересов. И здесь важно представить глобализацию как движение всех стран в одном направлении, но не по одной и той же колее. В противном случае неизбежны столкновения, торможение менее продвинутых в своем развитии стран со стороны стран — лидеров миро-

вой экономики. Каждая национальная экономика должна найти свой путь прогресса, сопряженный с происходящими в мире процессами интеграции, но не повторяющий опыт других стран и не растворяющийся в общем потоке рыночной глобализации.

С этой точки зрения, выглядит устаревшим мнение Карла Полаanyi о том, что «рыночная экономика может существовать в рыночном обществе» [6, 71]. Этноцивилизационная эволюция, в том числе и экономическая, у каждого народа уникальна, и именно это предоставляет шанс добиться успеха, выйти на передовые позиции развития. Поэтому рыночная экономика должна развиваться в национальной среде для того, чтобы обеспечивать использование факторов идентификации и этногенетического динамизма. Внешнеэкономические связи, а они носят глобально-рыночный характер, следует воспринимать в их взаимодействии с национальным рынком, который в переходных обществах решает специфические проблемы общественной трансформации. Подобная задача стоит и перед Азербайджаном как страной, для которой внешние экономические связи на всех этапах развития играли особую роль в силу самой геополитической позиции на пересечении мировых цивилизаций и международных коммуникаций. Азербайджан всегда входил в ареал активного притяжения со стороны многих империй благодаря неисчерпаемым природным богатствам и выгодному географическому положению. С одной стороны, это создает «уязвимое геополитическое и геоэкономическое положение, поскольку территория Азербайджана всегда была средоточием стратегических интересов бывших империй и современных государств Евразии и Америки» [7, 549]. С другой стороны, подобная ситуация открывает перед суверенным Азербайджаном новые возможности для эффективной интеграции в мировое хозяйство, нахождения своего места в противоречивом межгосударственном балансе сил.

Стратегически важное значение в связи с этим имеет подчинение и даже использование первого недостаточно благоприятного момента второму, что, собственно говоря, и произошло благодаря целенаправленной экономической дипломатии Азербайджана после восстановления своего суверенитета — «во внешней и внешнеэкономической политике Азербайджан попытался превратить свое уязвимое положение в преимущественное» посредством разработки нефтегазовых ресурсов страны и привлечения таким образом экономического интереса к государственности Азербайджана. В подобном подходе к внешнеэкономическим связям представлена картина органической взаимосвязи различных составных национальных интересов и в то же время диалектики взаимных переходов предпосылок, целей и средств достижения на-

циональных экономических интересов. Не подлежит сомнению то, что внешнеэкономические связи страны претерпевают закономерные изменения по объему, структуре и формам осуществления в ходе нарастания ориентации экономики на реализацию национальных экономических интересов. В этом плане важно наращивание социокультурного контекста национального рынка. Этот контекст формирует среду общих значений для всех граждан страны, единое энергетическое поле согласованного взаимодействия ради достижения общих целей, без которых единичная хозяйственная мотивация теряет точку опоры, исходную базу координации действий в глобальном пространстве. В первую очередь это связано с тем, что объект национальных экономических интересов формируется в суверенном государстве, а их субъекты все более нацеливаются на данный объект, предоставляющий ресурсы и факторы производства, формирующий рынок реализации и источник доходов, наконец обеспечивающий государственно-правовые меры защиты прав и макроэкономического регулирования. Усиление позиций национальной экономики увеличивает его притягательность для отечественных и иностранных хозяйственных субъектов. Постепенно происходит трансформация внешне направленных мотивов хозяйственных отношений из ранга определяющих производственную деятельность в ранг дополняющих. В особенности это касается постсоветских стран, экономика которых была «открытой» между республиками союзного государства, которая сама была в значительной степени закрытой для международных экономических связей.

Можно выделить следующие стороны указанной трансформации: 1) замену непосредственно организованной воспроизводственной кооперации в пределах отраслевых структур бывшего СССР межгосударственными рыночными связями; 2) превращение в постоянно действующий фактор торгово-экономических отношений с зарубежным миром, самостоятельный доступ на который для советских республик был закрыт; 3) развитие внешнеэкономических связей не только между странами, но и отдельными производственными и торговыми звеньями, выступающими субъектами различных форм собственности; 4) охват внешними экономическими связями не только движение товаров, но и всех производственных факторов.

Каждая из отмеченных сторон представляет собой предмет самостоятельного исследования. В данном случае они рассматриваются с точки зрения реализации национальных экономических интересов, в содержание которых входят равноправие и взаимная выгода во внешних экономических связях. В данном контексте следует выяснить, в чем заключается мотивация во внешних связях и какие формы этих

связей оптимальны на данном этапе развития экономики страны. Ответ на него в общем смысле вытекает из всего предшествующего изложения и состоит в характеристике этих связей как средств, обслуживающих процесс становления национального хозяйственного целого и укрепления позиций его субъектов на внутреннем рынке и на арене мирохозяйственных отношений.

Иногда большой удельный вес внешних экономических связей в экономике преподносят как положительный фактор, когда говорят о преимуществах «открытой экономики». Но открытость экономики может быть вызвана не выбором преимущественной сегментации национальной хозяйственной системы, а элементарной дезинтеграцией хозяйственных процессов. В таком случае внешние связи не только не способствуют развитию, но и могут подчинить полностью или частично ресурсный потенциал страны не свойственным ей интересам. Под открытой экономикой понимается такое хозяйство, в котором абсолютный и относительный уровень, а также динамика роста внешнеторгового оборота и других форм внешних связей по отношению к динамике роста национального дохода и промышленной продукции достаточно высоки. Это в свою очередь означает, что они играют роль мотивационной интеграции в общем экономическом росте для всех хозяйственных звеньев, а структура производства формируется под влиянием не только внутренних, но и внешних факторов — научно-технических и технологических процессов, происходящих во всемирном хозяйстве. Интеграционная мотивация, таким образом, сосредоточивается на проблематике реализации национальных экономических интересов, среди которых существует широкий спектр целевых установок. Глобальный фактор играет все более активную роль в их достижении, но он должен выступить не как всепоглощающий императив, для чего необходимо его адаптированное включение в процесс национальной экономической эволюции.

Литература

1. *Nuechterlein D.E.* America Recommitted: United States National Interests in a Reconstructed World. Lexington, 1991.
2. Azərbaycan Respublikasının Prezidenti Heydər Əliyevin Yeni əsr və üçüncü minillik münasibətilə Azərbaycan xalqına müraciəti. Bakı, 2001.
3. Azərbaycan statistik göstəriciləri — 2007. Bakı, 2007 // www.azstat.org.
4. *Градов А.П.* Национальная экономика. М., 2005.
5. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия меняющегося мира. М., 2003.
6. *Polanyi K.* The Great Transformation. N. Y., 1944.

С.А. ДУНАЕВ

О структурной эволюции модели мирового хозяйства

Выбор *структурной эволюции современной модели мирового хозяйства* (ММХ) в качестве предмета обсуждения обусловлен глубокими изменениями в ее качественных характеристиках, во многом связанными с распадом СССР и нарушением общемирового стратегического баланса сил. Окончательно ушла в прошлое парадигма реальной, «физической» (по Ларушу), экономики, на смену которой пришла экономика финансовых «пузырей», суверенных и корпоративных дефолтов, глобальных кризисов и неоплатных долгов. Исторической и теоретической платформой спора о будущем ММХ выступает противоречие между шумпетерианским тезисом «созидательного» разрушения («creative» destruction) и реальными процессами разрушительного «созидания» («destructive» creation), представляющими собой диалектическое единство, открывающееся в калейдоскопическом многообразии глобальных процессов современности.

Глубокие структурные диспропорции между реальным и финансовым секторами мировой экономики сегодня привели к принципиальным изменениям в самих основах общемирового воспроизводственного процесса. Мировая финансовая система, в лице глобальных финансовых рынков и институтов, все в большей степени представляет собой самодовлеющий механизм, противопоставляющий себя целям и задачам реальной экономики, циклическое развитие которой уже практически полностью стало зависимым от алгоритма расширенного воспроизводства отвлеченных (фиктивных) форм стоимости. Главным проявлением этого противоречия выступают циклические колебания мировой хозяйственной конъюнктуры, нарастание глобальной финансовой нестабильности, достигающей своей кульминации в становящемся *перманентным* мировом финансовом кризисе. Сегодня происходит формирование своеобразной «кризисно-центрической» модели мирового хозяйства, ядром которой служит финансовая система США во главе с ФРС, а периферия представлена региональными рыночными подсистемами различных уровней. Главный риск жизнеспособности данной модели заключен в громадном разрушительном потенциале ее «ядра», долговой «перегрев» которого будет в состоянии уничтожить

всю окружающую его «финансовую галактику» по мере исчерпания абсорбционного (донорского) потенциала последней.

Эта угроза становится все более реальной в связи с утратой современными международными институциональными регуляторами способности эффективно влиять на современные мирохозяйственные процессы. Сегодня они уже не справляются с миссией поддержания мирохозяйственного равновесия и *de facto* делегировали свои функции частным институтам глобальной финансовой системы (the shadow financial system) в надежде на эффективность «невидимой руки» рынка. Особенно заметно падение их влияния в отношении стран, чей удельный вес и влияние в мире неуклонно растут (Китай, ЮВА, Индия, страны Латинской Америки, оправляющаяся от политических и экономических потрясений Россия). Пытаясь сохранить свое влияние, не останавливаясь перед кризисами и военными конфликтами, они вызывают остро негативную реакцию мировой хозяйственной периферии, запуская процессы экономического противостояния (Ванкувер, 1999 г., Доха, раунд ВТО; саммит в Мексике, 2003 г.) и регионализации, исход которых может быть очень опасен для мировой экономической и политической стабильности.

Модель мирового хозяйства (ММХ) в качестве предмета обсуждения выступает синонимом понятия «система» с той лишь разницей, что модель представляется более строгой и технически более «системной» категорией анализа, чем собственно «система». Сегодня фокус анализа неизбежно смещается в сторону изучения системы взаимосвязей внутри ММХ, их функциональной зависимости, позволяющей определить закономерности и противоречия эволюции самой «системы». Сегодня важно понять соотношение между эндогенными и экзогенными факторами эволюции ММХ, чтобы уловить алгоритм и вектор ее средне- и долгосрочного горизонтов развития. Несмотря на то, что взаимодействие внутренних и внешних факторов, как правило, носит сложный характер, определяемый «силовыми» полями взаимовлияния, интенсивность которых зависит от конкретных исторических, социально-экономических, политических условий в нашем случае, формирование эволюционного вектора ММХ происходит в огромной степени под влиянием внешних факторов, безусловное «первенство» которых в современных условиях определяется существенным ослаблением эндогенных импульсов мирового развития, активно подавляемых внешней финансово-экономической и институциональной средой.

Термин «мировое хозяйство» отражает веру автора в лучшие времена, когда дискредитировавшая себя модель мировой *псевдоэкономике* уступит место исторически оправдавшим себя хозяйственным

традициям производства материальных благ в интересах всего общества, под его контролем, через подлинно общественные институты. Для России, чья стремительная интеграция в систему социально-экономических координат западной экономической модели, уже принеся ей немало горьких плодов, достижение нового качественного уровня хозяйственной организации, с учетом лучших исторических традиций, представляется единственным шансом сохранить свою историческую самоидентификацию, не превратиться в бесправного сырьевого вассала глобального финансового капитализма.

Основная проблема, таким образом, видится в выявлении определенного набора новых качеств современной модели мирового хозяйства сквозь призму анализа произошедших в ней в последние годы структурных изменений. Главные же направления анализа — следующее.

- В последние десятилетия, особенно в связи с крушением СССР, характеристики современной модели мирового хозяйства качественно изменилась. На смену традиционной «физической» экономике пришла экономика глобальных финансовых рынков, имеющая самостоятельную, все менее зависимую от динамики развития мирового реального сектора, целевую траекторию и собственные законы развития, ставящие под сомнение чуть ли не все традиционные теоретические доктрины современности.

- Основой перерождения содержательного «ядра» ММХ стала совокупность глобальных процессов современности; именно они привели к возникновению фундаментальных диспропорций между реальным и финансовым секторами мировой экономики; обусловили глобальный передел хозяйственных территорий, создали глубокий дисбаланс производства и потребления, особенно усилившийся в последние десятилетия. Этот дисбаланс с неизбежностью обусловил громадный рост долговых рынков, вызвал к жизни феномен «фиктивной» экономики, призванной поддерживать дефицитное финансирование гигантского конечного потребления в «ядре» мировой финансовой системы (прежде всего в США). Одним из важнейших результатов глобализационного этапа эволюции ММХ стало создание устойчивого механизма перераспределения значительной части мирового продукта за счет региональных подсистем мирового хозяйства, бенефициаром которого выступает мировая финансовая элита во главе с США. Сегодня происходит формирование своеобразной «глобальной финансовой матрицы», изымающей у хозяйственной периферии ресурсы, необходимые ей для целей своего собственного, не имеющего ничего общего с объективно созидательными целями традиционной хозяйственной модели,

воспроизводства. Эти ресурсы непроизводительно абсорбируются финансовым «ядром» ММХ, создавая своеобразный эффект «вымывания» (sweeping off effect) богатства периферии мирового хозяйства в пользу его «центра»; данный механизм перераспределения ресурсов между реальным и финансовым сектором мировой экономики через мировой финансовый рынок. Этот процесс создает основу для расширенного воспроизводства структурных диспропорций между ними и способствует формированию устойчивого мирового инфляционного тренда.

- Динамика мирового хозяйственного цикла сегодня определяется воспроизводственными потребностями «ядра» мировой финансовой системы; функциональная зависимость смены фаз мирового цикла от состояния финансовой системы США ставит кризис во главу угла ее стабильности; для генерации кризисной фазы цикла используется *механизм управления международной ликвидностью*, которая через глобальные финансовые рынки концентрируется на периферии мировой финансовой системы, вызывая «перегрев» локальных рынков, а затем с «избытком» ($L - C - \Delta L$) возвращается с периферии в центр, усиливая его спекулятивный потенциал и импортируя периферийный кризисный «перегрев». Перенакопление финансовых ресурсов в «ядре» матрицы с их последующим «разбазариванием» через непроизводительное сверхпотребление в структуре так называемой *swindlerville* эсоному (W. Buffett), создает реальную угрозу кризиса мировой экономики в целом. Этот риск уже находит свое отражение в появлении признаков системного кризиса в основных секторах мирового хозяйства и пандемической инфляции (the global contagion effect, N. Roubini).

- Огромную роль в обеспечении глобального перераспределения ресурсов играют современные международные корпорации, образующие сегодня несущий каркас, жесткую «кристаллическую решетку» современной ММХ. Основной проблемой их участия в мировом воспроизводственном процессе становится обостряющееся противоречие между растущей монополизацией глобальных рынков (Microsoft — свыше 3/4 мирового рынка компьютеров) и интересами мировой хозяйственной периферии. Громадный разрушительный потенциал глобальных корпораций находит выражение в политике истощения финансовых ресурсов «хозяйственных окраин», монополизации локальных рынков и вытеснении с них местных производителей, разгоне инфляции, навязывании своих корпоративных и технологических стандартов, не говоря уже об ущербе, наносимом локальным экосистемам («Сахалин—2»), поощрении коррупции и всевозможных способов ухода от социальной ответственности. Глобальные корпорации

предельно сузили возможности национальных регуляторов рынка, сделав неизбежным учащение его «провалов», переведя их в категорию *перманентных*. Эта тенденция свидетельствует о роли глобального финансового капитала и его главных рыночных институтов в наращивании *кризисного потенциала* современной мировой экономики. Экономическая мощь глобального финансового капитала требует также роста показателей политической «капитализации». Дж. Стиглиц («Making Globalization Work») приводит данные об «эффективности» подобных «инвестиций». Поддержка предвыборной кампании политических партий США в размере 150 млн дол., оказанная в период с 1991 по 2001 г., принесли «Дженерал Электрик», «Дисней», «Майкрософт» и еще тридцати компаниям 55 млрд дол. налоговых освобождений в течение всего лишь трех финансовых лет.

- В условиях глобальной нестабильности на передний план выходит проблема места и роли традиционных международных институтов (МВФ, МБРР, ВТО), неспособность которых выполнять свои функции поддержания мирового экономического баланса неизбежно вызывает к жизни потребность в новой институциональной конфигурации ММХ; представленная совокупностью традиционных и «новых» международных институтов, эта конфигурация формируется в процессе активного противостояния исторического государства как суверенного регулятора традиционной экономической системы и институтов глобальной финансовой экономики. Рассматривая эту последнюю в качестве своеобразного «базового элемента» современной ММХ, можно сделать вывод о том, что институты традиционного государства сегодня оказываются не в состоянии проводить политику национальных интересов, подчиняясь, а зачастую *de facto* преследуя, цели глобальной финансовой системы и ее институтов, все в большей степени становясь ее зависимыми элементами. Комплекс взаимоотношений мировой хозяйственной периферии, ее институтов в лице традиционной экономики и государства с «новой» институциональной структурой глобального финансового капитализма и глобальной финансовой олигархии (*l'haute finance globale*) — важный кластер структурного взаимодействия элементов современной ММХ, представляющий особо интересный предмет анализа.

- Российскую экономическую модель методологически можно рассматривать лишь в глубоком историческом контексте, следуя тезису Й. Шумпетера о том, что «...никто не сможет понять экономические явления любой эпохи, включая современную, без должного владения историческими факторами, надлежащего исторического чутья». Оценка российских перспектив экономического возрождения в качест-

ве целостного хозяйственного ареала ММХ представляет весьма сложную задачу, решение которой не лежит на поверхности. Общая направленность этого процесса должна корреспондироваться с идеей создания конкурентной, но суверенной экономики, зависимость которой от внешних факторов должна быть оптимизирована с учетом всех уроков новейшей российской истории.

Л.В. ДЕЙНЕКО

Проблема минимизации издержек сферы обращения

В настоящее время в результате развития разделения труда увеличивается количество рыночных субъектов и трансакций между ними, появляется все больше товаров, предназначенных не столько для удовлетворения реальных потребностей, сколько для ускорения движения торгового капитала. Глобализация и информатизация раздвигают пространственно-временные границы сферы обращения и ускоряют ее рост, а торговые отношения приобретают всеобщий характер, проникая даже в те области жизни, которые традиционно относились к ведению домохозяйств.

Существование излишних издержек обращения усугубляет несовершенство рыночного механизма и как следствие — условия хозяйствования. Так, в настоящее время наблюдается тенденция к углублению информационной неполноты, внутрифирменным спекуляциям, чрезмерным запасам товаров, циклическому нарастанию отрицательных внешних эффектов, излишнему потреблению.

Представители экономической науки, как правило, рассматривают издержки обращения, возникающие в частных сделках между покупателем и продавцом. Как следствие — не учитывается целостность процесса движения товара от производителя к потребителю. Высокие издержки сферы обращения, вызванные необходимостью создания конкурентных преимуществ в условиях преобладающих ныне несовершенных рынков, в итоге ложатся на потребителя и общество. Проблема минимизации издержек обращения поэтому не стоит перед производителями и торговцами остро, она фактически давно вышла за рамки конкретных сделок между продавцом и покупателем, следовательно,

должна рассматриваться для всех участников сферы обращения интегрально.

Время нахождения товара в сфере обращения охватывает время доставки (транспортировки) товаров от производителя до рынков сбыта, время хранения товарных запасов на складах и собственно время купли-продажи. Началом обращения товара считается момент, когда товар произведен в виде, предназначенном для потребления.

По уровню воздействия все способы минимизации издержек сферы обращения можно сгруппировать следующим образом:

- *на частном уровне* — через сокращение стоимости транзакций (оптимизация распределения бремени затрат между продавцом и покупателем, перенос частных издержек на общество);

- *на общенациональном уровне* — через сокращение количества транзакций (сокращение длины канала сбыта, использование достигнутых НТП; построение высокоэффективного канала сбыта и образование сетей, вертикальная интеграция, снижение величины информационно-эмоциональных компонентов сервисной оболочки).

Минимизация транзакционных издержек одним из участников канала сбыта. Распределение издержек обращения между продавцом и покупателем происходит по одному из следующих сценариев.

Участники канала сбыта официально договариваются о распределении издержек обращения.

Участник канала сбыта, обладающий наибольшей властью, распределяет издержки обращения между другими участниками по своему усмотрению с целью получения высокой прибыли.

На любом уровне канала сбыта продавец и покупатель договариваются о включении в канал сбыта еще одного участника.

Сокращение длины канала сбыта. Каждое звено сбытового канала должно выполнять определенные функции. Так, в длинном канале значительно больше связей между торговцами, чем в коротком или прямом. Это углубляет информационную асимметрию, усложняет структуру взаимодействий между отдельными участниками сферы обращения. Но, с другой стороны, наличие большого количества перепродавцов помогает держать необходимый страховой запас товара, что сокращает издержки, связанные с непредвиденными изменениями на рынке.

Ранее своевременное удовлетворение спроса и качественное обслуживание требовали наличия нескольких посредников, так как про-

изводители вместе с относительно небольшим количеством торговцев не были способны принять на себя все обязанности и функции, вытекающие из требований свободного обращения в соответствии с ожиданиями потенциальных потребителей. В настоящее время идет двустороннее давление на канал распределения: и производители, и розничные торговцы сокращают его протяженность, и это закономерно: производителям удобнее работать с более узким и коротким каналом сбыта, так как его легко контролировать [1; 2]. Не исключено, что уже в ближайшее время уместно будет говорить о непосредственной продаже товаров от производителя потребителю. Вероятно, это возможно далеко не для всех товаров (есть ограничения, связанные с физическими характеристиками товаров), однако тенденции допускают и такой вариант развития.

Электронная коммерция. Рынок без издержек получения информации представлялся всегда как совершенная и наиболее желаемая форма рыночной организации — когда все участники рынка осведомлены о ценах, качестве, фирмах, присутствующих на рынке, им легко сделать правильный выбор.

Электронная коммерция позволяет сократить длину канала до уровня прямого взаимодействия между производителем и покупателем, что существенно снижает издержки на поиск информации, хотя и может приводить к увеличению издержек на обеспечение выполнения контракта и взыскание убытков в ситуации, когда партнеры не выполняют свои контрактные обязательства.

Передовые производители давно поняли, что ключевое значение для успешного управления сбытового канала имеет работа информационной системы. Благодаря использованию информационных систем снижается стоимость уже ведущейся деятельности, например, при автоматизации транзакций. Поскольку в условиях жесткой конкуренции покупательский спрос должен идентифицироваться по мере его возникновения, производители стремятся расширить функции информационной системы, раздвинуть рамки задач планирования и контроля. Теперь целью использования информационной системы является обеспечение сокращения длины канала сбыта за счет прямой связи потребителя с производителем и создания условий, позволяющих поставщику своевременно реагировать на изменения на рынке.

Построение вертикального канала сбыта. Производители находят все новые пути коммуникации с потребителем и информирования

о своей продукции. Одним из таких путей стало формирование высокоэффективных сбытовых каналов, в которых все звенья слаженно взаимодействуют, — вертикальных каналов сбыта. Ненужные элементы канала, дублирующие функции других элементов, устраняются посредством регламентирования в контрактах списка компаний, уполномоченных закупать и продавать продукцию производителя. Канал распределения, действующий наилучшим образом, расценивается как значимое конкурентное преимущество.

Управление вертикальным каналом сбыта направлено на достижение более высокой потребительской ценности при меньших издержках обращения всего канала в целом, но в первую очередь — производителя. При использовании подобного подхода плюсы для торговца заключаются в том, что он может существенно сократить свои запасы, что создает значительные финансовые выгоды. Для производителя такого метода для состоит в том, что благодаря непосредственному доступу к информации о реальном спросе, обычно передаваемой по системе электронного обмена данными, он может более осмысленно планировать производство и распределение своей продукции, улучшая таким образом использование производственных мощностей, и в то же время сокращать величину резервных запасов.

Концепция вертикального канала сбыта, согласно которой информационные и материальные потоки между источником поставок и конечным пользователем координируются и управляются в рамках единой системы, приобрела теперь повсеместное признание, хотя и не получила пока широкого практического применения.

Вертикальная интеграция. Фирмы прибегают к вертикальной интеграции главным образом с целью минимизировать транзакционные издержки. При длительном и стабильном сотрудничестве участникам канала сбыта может быть намного выгоднее взаимодействовать внутри единой организации. Сливаясь в единую компанию, компании переводят часть транзакций из рыночных во внутренние — интернализируют межфирменные операции купли-продажи. Безусловно, корпорация получает и очевидный синергетический эффект: возникает экономия на общефирменных издержках — бухгалтерии, финансах, поддержке информационных систем и пр., а также обеспечивается непрерывность производственно-торгового процесса.

Можно выделить следующие преимущества от вертикальной интеграции в терминах сокращения общественных издержек обращения:

- внутри объединенной фирмы ослабляется агрессивная пропаганда, сокращается длительность переговоров о сделках;
- появляется возможность экономии на масштабах;
- значительно сокращаются информационные потоки.

В результате интеграции производитель выступает и в роли торговца — самостоятельно организует сбыт своих изделий. Учреждаемые им сбытовые агентства или филиалы завязывают в каждом районе связи с розничными торговцами. Если эта система расширяется вплоть до охвата розничной торговли и создания сети магазинов, держащих у себя, как правило, только товары, производимые данным промышленником, то тем самым создается сложная организация, прочно обеспечивающая промышленнику рынок на основе эффективного приема, состоящего в том, что рынком завладевают заранее, закрывая конкурентам всякий к нему доступ.

Минимизация частных издержек обращения через увеличение издержек обращения общества. В случае, если общество воздействует на издержки продавца, эффект от снижения издержек обращения одного из участников канала сбыта может отсутствовать. Увеличение издержек обращения в данном случае, очевидно, вызвано не рационализацией процесса обращения производителем, а изменением рыночной среды. Например, общество посредством государственного механизма снижает свои издержки на обращение товара, поднимая прямые или косвенные налоги. Производитель частично или полностью может переложить эти издержки на покупателей. Таким образом, общество увеличивает частные издержки обращения производителя и покупателей данного товара. В итоге, издержки обращения данного товара в расчете на единицу для общества возрастают. Общество может прямым воздействием на издержки одного из участников сферы обращения косвенно влиять на всех участников.

Литература

1. Коваленко В. Сокращение строптивых. Главные тенденции корпоративного управления 2001 года // Компания. 2001. 21 дек.
2. Коваленко В. Товар с доставкой // Компания. 2002. 25 нояб.

А.А. АНТРОПОВ

Циклическая составляющая инноваций

Говори, что знаешь; делай, что обязан; и пусть будет, что будет!

Девиз Софьи Васильевны Ковалевской

Надо думать о настоящем ради будущего, а не о настоящем ради прошлого.

Принцип «третьей силы» в Римской империи в I—II вв.

Самый опасный закон для государства тот, который заглядывает слишком далеко в прошлое.

Н. Макьявелли

Введение

При рассуждениях о судьбах, проблемах, движущих силах и целях инноваций в современной РФ необходимо, прежде всего, иметь в виду следующие факторы.

1. Примерно 50% стоимости экспорта РФ составляет продажа нефти и газа и она же — примерно 50% прихода (актива) федерального бюджета РФ.

2. По нефтепроводу и газопроводу Баку—Тбилиси—Джейхан уже потекли пока малые, а затем будут течь колоссальные объемы нефти и газа из Азербайджана, Казахстана и Туркмении, неконтролируемые РФ, а также вскоре могут потечь нефть и газ Ирана через территории Турции и Украины.

3. Найдены колоссальные запасы нефти на континентальном шельфе Восточной Африки (сравнимые с запасами стран ОПЕК). Вся эта возня западных стран вокруг нарушений прав человека в Судане и Сомали пахнет — как правильно заметил экс-президент РФ и нынешний премьер-министр В.В. Путин — нефтью и газом, а также ураном.

4. Найдены колоссальные запасы нефти в Бразилии.

5. Запад прекрасно знает и понимает, что «Аль-Кайеда»⁴ политически и финансово поддерживают, вооружают и готовят в спецлагерях страны—экспортеры нефти ОПЕК из-за боязни лишиться постоянных

⁴ «Основа» (с араб.).

и больших доходов от продажи нефти из-за роста: а) объемов продаж, б) цен.

6. США давно надоел постоянный нефтяной шантаж президента Венесуэлы У. Чавеса.

7. Первые опыты глубинного бурения в открытом море были проведены еще в 1961 г. А в каких состояниях они находятся сегодня?

8. Все крупнейшие автомобильные концерны-гиганты — «Дженерал Моторс», «Тойота» и южнокорейские — уже, минимум, два года используют на своих изделиях гибридные двигатели; в любой момент в ближайшие годы — максимум, через 3—10 лет — автомобили полностью перейдут с бензинового двигателя на электро-, газо- и иные двигатели. Это будет концами жизненных циклов: а) бензинового и дизельного двигателей, б) нефти и соответственно сверхдлинных циклов с длительностями 124—134 и 151—161 лет. Оба эти фактора также повлекут за собой снижение цен на нефть и бензин и общие выручки от них. При этом надо учитывать сумму прямых и общих косвенных затрат⁵ материалов, сырья, энергии, топлива, основных производственных фондов, рабочей силы через межотраслевые связи для производства бензинового мотора, нефти, самого бензина, содержания бензocolонок и т. д.

9. Специально и регулярно «сливаемые утки» на эту тему на электронные СМИ западных стран, Японии, Южной Кореи и других стран⁶ регулярно будут «опускать» цены на нефть и бензин и общие выручки от них.

Отсюда вытекает, что РФ «сидит» на «вулкане», который может «проснуться» в любой момент со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями для политической, экономической, социально-экономической стабильности, а также военной судьбы РФ.

КПСС и высшее и среднее руководство народным хозяйством СССР «привили» нашему народу своеобразный комплекс неполноценности, несмотря на гигантские успехи в космосе, военной технике и технологиях, здравоохранении, образовании, социальной политике,

⁵ По расчетам 2-го Управления Госнаба СССР (самое закрытое, сверхсекретное управление), по отдельным военно-хозяйственным программам общие косвенные затраты превосходят прямые в 1,5, 2,5, 5,0 и даже в 10 раз (1988). Автор статьи вывел эти формулы, а ее рассчитывали работники Управления Госнаба СССР.

⁶ Кровно в этом заинтересованных.

жилищном строительстве и др. Практически все высококачественные и современные товары народного потребления длительного пользования (телевизоры, холодильники, стиральные машины, мебель, легковые автомобили, фотоаппараты, музыкальные комбайны и др.) и легкой промышленности (одежда, обувь и др.), а также персональные компьютеры, ксероксы, принтеры и продукты питания завозились в страну из-за рубежа на нефтерубли. Тем самым, народу «привили» смертельно опасную мысль о том, как «хороши», как «замечательны» жизнь и порядки «за бугром»⁷.

Сопоставление методик определения циклических кривых Н.Д. Кондратьева и автора

Истину, нашедшую подтверждение... невозможно опровергнуть рассуждениями.

Г. Галилей

Сила доказательства определяется их вескостью, а не количеством.

Древнеримская пословица

Истина — дочь времени!

Старинная пословица

У Н.Д. Кондратьева методика определения общих циклических кривых состоит из трех, а у автора — из пятнадцати этапов.

Автором создана математизированная теория экономических (хозяйственных) циклов, качественная по смыслу экономически и/или физически (по аналогии).

1. Динамические экономические (хозяйственные) процессы делятся на:

- *эволюционные* (неповторимые, однонаправленные (из прошлого — в будущее), необратимые) процессы;
- *волнообразные, колебательные* (повторимые или обратимые) процессы.

2. Введены новые составляющие временного ряда (экономического показателя) для выявления достаточно чистых базовых вариантов теоретических циклических кривых экономического показателя.

2.1. Даны оценки влияния вековой тенденции (*Secular trends*).

⁷ Нынешнему руководству РФ не надо повторять те же ошибки, ибо последствия будут те же — развал на «тысяча кусков» на этот раз самой РФ.

2.2. Даны оценки влияний исторических событий (войн, революций, международных кризисов): $Y_{1,t}^{\text{истор.соб.}}$.

2.3. Даны оценки влияний повышения (понижения) таможенных тарифов: $Y_{p,t}^{\text{измен.тамож.тар.}}$.

2.4. Приведены оценки влияний государственного программирования (планирования) и других мероприятий.

2.5. Введено новое определение кривой экономического равновесия.

2.5.1. На базовые годы:

- кривая экономического (хозяйственного) равновесия в момент времени (t) равна сумме оценок кривых: вековой тенденции, исторических событий (войны, революции, международные кризисы), социально-экономических событий (например, крупнейшие по времени и масштабам забастовки и стачки), повышения (понижения) таможенных тарифов и оценки влияния государственного программирования и других мероприятий в момент времени (t).

2.5.2. На расчетные годы:

- кривая экономического (хозяйственного) равновесия в момент времени (t) равна оценке вековой тенденции в момент времени (t).

2.6. Кривая экономической конъюнктуры в момент времени (t) равна сумме оценок кривой экономического равновесия и базовой или расчетной теоретической циклической кривой в момент времени (t). Оно показывает, что *циклические движения происходят вокруг кривой экономического равновесия*.

3. Определены, классифицированы экономические (хозяйственные) циклы и их фазы:

- по средней продолжительности главного цикла — на 19 вариантов;
- по территориальному разрезу — на пять вариантов;
- по отраслевому разрезу — на пять вариантов;
- по фазам — на четыре.

4. Используя аналогии из теории полета ракет, теоретической механики и физики введены понятия аналогов: расстояния (длины пути), скорости, ускорения, аэродинамической силы сопротивления, силы Гука [1, 9—10].

5. Введено понятие общего, главного периода сводной циклической кривой: T , определяемого коэффициентом корреляции: нецикли-

ческим — $R_{t, (t+T)}^{\text{нецикл. коэфф. кор}} \in (0,55, 0,99)$ и/или циклическим — $R_{t, (t+T)}^{\text{цикл. коэфф. кор}} \in (0,55, 0,99)$ для базовой теоретической циклической кривой⁸. На их основе:

- находятся: $T_k = (T/k)$ (частный период цикла для $\sin(2 \cdot \pi \cdot k \cdot t^*/T) = \sin(2 \cdot \pi \cdot t^*/(T/k))$ и $\cos(2 \cdot \pi \cdot k \cdot t^*/T) = \cos(2 \cdot \pi \cdot t^*/(T/k))$ при $\forall k/k \in [1, q] \cap N$; $T = (T_k \cdot k)$ (общий, главный период для всех гармоник сразу; $q = ((T/2) - 1) \in N$, при $T = 2 \cdot l, l \in N$ или $q = (T-1)/2$ при $T = (2 \cdot l + 1), l \in N$).

Таким образом, все известные экономической науке циклы являются составными, частными случаями математизированной теории экономических (хозяйственных) циклов автора.

6. Применена система критериев, «сит» (качественные математические показатели), через которые пропускаются все экономические показатели, предварительно не очищенные от оценки вековой тенденции, влияний оценок исторических, социально-экономических и иных событий, а также уравнения: вековой тенденции, влияний исторических событий, влияний социально-экономических событий, влияний государственного программирования и других мероприятий⁹. Эта полная система «сит» приведена в статье «Обобщение методики определения циклических кривых Н.Д. Кондратьева» [1, 10—11].

7. В свою очередь, успешно прошедшие всю систему «сит», базовые варианты теоретических циклических кривых экономических показателей являются своеобразным «нулевым» циклом, как в строительстве — фундамент и коммуникации, для вычислений расчетных теоретических циклических кривых. На успешно прошедших всю систему «сит» базовых теоретических циклических кривых экономических показателях построены различные эконометрические модели и дифференциальные уравнения Абея второго порядка¹⁰ экономических циклов (4-е укрупненные модели, каждая из которых конкретизируется в десятках (сотнях, десятках тысяч) подмоделей). Они также должны подчиняться вышеуказанной системе «сит».

⁸ Нециклический и циклический коэффициенты автокорреляции являются одними из своеобразных «рычагов Архимеда» в исследованиях сводных циклических кривых — базовых и расчетных теоретических циклических кривых.

⁹ В периоды правления каждого президента США на базовые годы на каждый год президентства (для экономических показателей США); в правлении генсека КПСС (для экономических показателей СССР).

¹⁰ Аналог ускорения в физике.

8. Вычисляются прогнозы *ex ante* — на последующие периоды (фазы цикла, их сроки и глубины фаз спада (депрессий) и подъема) для математизированных (эконометрических) моделей экономических циклов.

9. В случае отрицательных и/или бессмысленных бесконечно положительных результатов прогнозов *ex ante* отбрасываются соответствующие варианты и/или подварианты математизированных (эконометрических) моделей экономических циклов.

10. Н.Д. Кондратьев, видимо, не был знаком с теорией корреляции и рядами Фурье и положился на разработки Е.Е. Слуцкого и в особенности Н.С. Четверикова [2, 475—476, 483; 3, 193, 204, 209].

Отсюда вытекает одна из кардинальных ошибок Н.Д. Кондратьева: не одна гармоника составляет совокупную, сводную длинную волну, например, с $T = 55$ лет: $a_1 \cdot \sin(2\pi t^*/55) + b_1 \cdot \cos(2\pi t^*/55)$, а 27 гармоник типа $a_k \cdot \sin(2\pi k t^*/55) + b_k \cdot \cos(2\pi k t^*/55)$, с $k = 1, 2, \dots, 27$ ($k_{\max} = q = (55-1)/2 = 54/2 = 27$) [1, 9, 13].

11. Для экономических показателей¹¹ существуют экономические циклы:

12.1. Для очищенных только от вековой тенденции:

- кондратьевские волны — это $T_i = 50, 53, 54, 56, 58, 59$ лет. Недельная заработная плата в хлопчатобумажной промышленности Англии (1892 г. = 100%) — не имеет этой волны;

- больше кондратьевских — это $T_i = 66, 67, 75, 83, 84, 88, 92, 94, 96$ лет; причем они не менее точны, если даже не точнее кондратьевских;

- меньше кондратьевских — это $T_i = 21, 24, 25, 26, 30, 33, 45, 47$ лет; причем они не менее точны, если даже не точнее кондратьевских.

Принимая во внимание пп. 11 и 12.1, получим данные, объясняющие циклические составляющие¹² инноваций (табл. 1, 2).

¹¹ Временные ряды, математически обработанные Н.Д. Кондратьевым и его сотрудниками.

¹² Основания.

Таблица 1

**Общие, главные и частные периоды сводных циклов
экономических показателей, очищенные от вековой тенденции¹³**

Количество частных циклов	Рассчитано по экономико-математической модели автора							
	Объем производства чугуна в Англии (в <i>m</i> на 1000 душ населения)	Оборот внешней торговли (импорт + экспорт без реэкспорта) Англии (на 1000 душ населения в 1000 ф. ст.)	Объем потребления минерального топлива во Франции (в <i>m</i> на 1000 душ населения)	Курс консоли высшего Великобритании (1901 — 1910 гг. = 100%)	Годовая номинальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Англии (1892 г. = 100%)	Курс ренты высшего (1901 — 1910 гг. = 100%) Франции	Оборот внешней торговли (импорт + экспорт без реэкспорта) Англии (на 1000 душ населения в 1000 ф. ст.)	Годовая номинальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Англии (1892 г. = 100%)
	Общие, главные периоды сводных циклов — T_i :							
	66	67	75	83	84	92	94	96
	Нециклический коэффициент корреляции, $R_{i,(t+T)}$ <small>нецикл.коэф.кор.</small>							
	0,67496	0,77710	-0,70283	-0,59065	-0,65659	-0,92582	-0,65017	0,83216

¹³ Временные ряды, математически обработанные Н.Д. Кондратьевым и его сотрудниками.

	Частные периоды сводных циклов — T_{ij} :							
1	66	67	75	83	84	92	94	96
2	33	33,5000	37,5000	41,5000	42	46	47	48
3	22	22,3333	25	27,6667	28	30,6667	31,3333	32
4	16,5000	16,7500	18,7500	20,7500	21	23	23,5000	24
5	13,2000	13,4000	15	16,6000	16,8000	18,4000	18,8000	19,2000
6	11,0000	11,1667	12,5000	13,8333	14	15,3333	15,6667	16
7	9,4286	9,5714	10,7143	11,8571	12	13,1429	13,4286	13,7143
8	8,2500	8,3750	9,3750	10,3750	10,5000	11,5000	11,7500	12
9	7,3333	7,4444	8,3333	9,2222	9,3333	10,2222	10,4444	10,6667
10	6,6000	6,7000	7,5000	8,3000	8,4000	9,2000	9,4000	9,6000
11	6	6,0909	6,8182	7,5455	7,6364	8,3636	8,5455	8,7273
12	5,5000	5,5833	6,2500	6,9167	7	7,6667	7,8333	8
13	5,0769	5,1538	5,7692	6,3846	6,4615	7,0769	7,2308	7,3846
14	4,7143	4,7857	5,3571	5,9286	6	6,5714	6,7143	6,8571
15	4,4000	4,4667	5,0000	5,5333	5,6000	6,1333	6,2667	6,4000
16	4,1250	4,1875	4,6875	5,1875	5,2500	5,7500	5,8750	6
17	3,8824	3,9412	4,4118	4,8824	4,9412	5,4118	5,5294	5,6471
18	3,6667	3,7222	4,1667	4,6111	4,6667	5,1111	5,2222	5,3333
19	3,4737	3,5263	3,9474	4,3684	4,4211	4,8421	4,9474	5,0526
20	3,3000	3,3500	3,7500	4,1500	4,2000	4,6000	4,7000	4,8000
21	3,1429	3,1905	3,5714	3,9524	4	4,3810	4,4762	4,5714
22	3	3,0455	3,4091	3,7727	3,8182	4,1818	4,2727	4,3636
23	2,8696	2,9130	3,2609	3,6087	3,6522	4	4,0870	4,1739
24	2,7500	2,7917	3,1250	3,4583	3,5000	3,8333	3,9167	4

25	2,6400	2,6800	3	3,3200	3,3600	3,6800	3,7600	3,8400
26	2,5385	2,5769	2,8846	3,1923	3,2308	3,5385	3,6154	3,6923
27	2,4444	2,4815	2,7778	3,0741	3,1111	3,4074	3,4815	3,5556
28	2,3571	2,3929	2,6786	2,9643	3	3,2857	3,3571	3,4286
29	2,2759	2,3103	2,5862	2,8621	2,8966	3,1724	3,2414	3,3103
30	2,2000	2,2333	2,5000	2,7667	2,8000	3,0667	3,1333	3,2000
31	2,1290	2,1613	2,4194	2,6774	2,7097	2,9677	3,0323	3,0968
32	2,0625	2,0938	2,3438	2,5938	2,6250	2,8750	2,9375	3
33		2,0303	2,2727	2,5152	2,5455	2,7879	2,8485	2,9091
34			2,2059	2,4412	2,4706	2,7059	2,7647	2,8235
35			2,1429	2,3714	2,4000	2,6286	2,6857	2,7429
36			2,0833	2,3056	2,3333	2,5556	2,6111	2,6667
37			2,0270	2,2432	2,2703	2,4865	2,5405	2,5946
38				2,1842	2,2105	2,4211	2,4737	2,5263
39				2,1282	2,1538	2,3590	2,4103	2,4615
40				2,0750	2,1000	2,3000	2,3500	2,4000
41				2,0244	2,0488	2,2439	2,2927	2,3415
42						2,1905	2,2381	2,2857
43						2,1395	2,1860	2,2326
44						2,0909	2,1364	2,1818
45						2,0444	2,0889	2,1333
46							2,0435	2,0870
47								2,0426

Расчитано по: [2, 360—373, 377—381, 383—389].

Таблица 2

Жизненные циклы гражданских технических и технологических открытий западных стран, Российской империи, СССР и Российской Федерации за 1430—1986 гг.¹⁴

Наименование изделия	Страна изготовитель	Тип изделия	Серия, поколение	Жизненный цикл, годы
Малые волны 3-го уровня — 3,5—5-летние				
Двукратный телеграфный аппарат Бодо со скоростью передачи 360 знаков/мин.	Весь мир		+	4
Изделия в машиностроительной промышленности (1970-е гг.)	СССР	+		4,5
Электромеханические кассовые аппараты	США	+		5
Средние волны 1-го уровня — 7—11-летние				
Трансатлантический кабель для передачи цветного телевидения из США в Европу	США	+		6
Трансатлантический подводный коаксиальный кабель с полиэтиленовой изоляцией (Великобритания — США) ¹⁵	Великобритания	+		6
Электронные лампы, применяемые в ЭВМ	Весь мир	+	+	9
Передачи телевизионной связи путем электрокабелей	СССР	+		10
Средние волны 2-го уровня — 12—15-летние				
Телеграфный пишущий телеграф С. Морзе	Весь мир		+	14
Средние волны 3-го уровня — 16—24-летние				
Аппарат автоматического телеграфирования с перфоратором и	Весь мир		+	18

¹⁴ Любые виды техники и технологии для краткости будем называть изделием.

¹⁵ Такой малый срок объясняется появлением альтернативного и конкурирующего варианта — спутника космической связи «Телстар-1» — с помощью которого была осуществлена первая трансляция телепередачи между Америкой и Европой (то же относится и к предыдущей строке).

трансммитером				
АТС с машинным искателем	СССР		+	18
Бesseмеровско-мартеновский дуплекс-процесс выплавки стали	СССР	+		20
Турбореактивный двигатель (ТРД) для скоростной авиации	Весь мир	+		20
Длинные волны 1-го уровня — 25—45-летние				
Чугунные рельсы в виде балки равного сопротивления ¹⁶	Великобритания	+		30
Угольные нити в лампе накаливания	Российская империя	+		32
Железные рельсы	Весь мир	+		35—37
Жесткий дирижабль	Весь мир	+		38
Железные пароходы	Весь мир	+		40
Паровой трактор	США	+		40
Невулканизированная резина	Весь мир	+		43
Длинные волны 2-го уровня — 46—49-летние				
Трехэлектродная вакуумная лампа — триод (аудион Фореста)	Весь мир	+		47
Углекислотная компрессионная холодильная машина	Весь мир		+	48
Стальной рельс из бессемеровской стали	США		+	48
Длинные волны 3-го уровня — 50—60-летние				
Промышленный синтез аммиака из азота и водорода под высоким давлением	Германия	+		50
Технология производства соды способом Н. Леблана	Весь мир		+	50
Чугунные рельсы	Российская империя		+	51
Аммиачная компрессионная холодильная машина	Германия	+		56
Стальной рельс из бессемеровской стали	Великобритания		+	56
Лопастное колеса на пароходах	Весь мир	+		58
Сверхдлинные волны 1-го уровня — 61—90-летние				
Стокер (автоматическое приспособление для подачи угля в топку паровоза)	США	+		70

¹⁶ Стальной рельс по сравнению с чугунными мог выдержать во много раз больше нагрузки и имел примерно в 10 раз более продолжительный срок службы.

Паровой двигатель Т. Ньюкомена	Великобритания	+		75
Телеграфный аппарат Д.Э. Юза	Весь мир	+		75
Сверхдлинные волны 2-го уровня — 91—120-летние				
Способ трафаретной печати («мимеографирования»)	Весь мир	+		98
Поршневые паровые машины	Весь мир	+		100
Двухголовые рельсы	Великобритания		+	101—108
Мартеновские печи в сталелитейной промышленности	Весь мир	+		103—110
Чугунное литье	Весь мир	+		112
Сверхдлинные волны 3-го уровня — 121—160-летние				
Пишущие машинки	Весь мир	+		124
Бензиновый двигатель	Весь мир	+		124—134
Паровоз	США	+		125
Нефть ¹⁷	Весь мир	+		151—161
Сверхдлинные волны 7-го уровня — 301—350-летние				
Натуральное индиго	Весь мир	+		345

Аналогичные таблицы разработаны для жизненных циклов военных технических и технологических открытий западных стран; Российской империи; СССР и Российской Федерации за период 1570 — 2005 гг. (ввиду их большого объема здесь не приводятся).

Автор также выяснил, что метод выравнивания по подвижной средней неверен¹⁸ [1, 14].

Н.Д. Кондратьев также не ставил перед собой задачу оценить влияние отдельных исторических событий на изменение величины временного ряда, предварительно очищенного от влияния вековой тенденции¹⁹.

12. Жизненные циклы техники, технологий и отдельных товаров²⁰, например, паровая машина Т. Ньюкомена → принципиально новые паровые машины Дж. Уайта и И.И. Ползунова, паровые ма-

¹⁷ Прогноз автора.

¹⁸ Подвижная средняя за 9 лет.

¹⁹ Например, вычисление обратной матрицы, даже, размером (10×10) было совершенно не реально в их времена; еще в 1980-е гг. на отечественных ЭВМ, на эту подзадачу уходило несколько дней.

²⁰ Анализ зарождения и развития крупнейших 913 гражданских, 219 военных технических и технологических изобретений западных стран, Российской империи, СССР и Российской Федерации за 1430—2005 гг. и 56 технических и технологических открытий в области ядерной энергии (мирной и военной; атомной и термоядерной) за 1904—1990 гг.

шины (k)-го поколения → паровые машины ($k+1$)-го поколения, паровые машины → электроэнергия, свечи → керосиновые лампы, керосиновые лампы (l)-го поколения → керосиновые лампы ($l+1$)-го поколения, керосиновые лампы → электрические лампочки, электрические лампочки (m)-го поколения → электрические лампочки ($m+1$)-го поколения, шхуна → пароход, пароходы (n)-го поколения → пароходы ($n+1$)-го поколения, паровозы (o)-го поколения → паровозы ($o+1$)-го поколения, чугунные рельсы → железные рельсы, железные рельсы → стальные рельсы, стальные рельсы из бессемеровской стали → стальные рельсы из томасовской стали → стальные рельсы из основной мартовской стали, паровозы → тепловозы, паровозы → электровозы; тепловозы → электровозы, тепловозы (p)-го поколения → тепловозы ($p+1$)-го поколения, железнодорожный грузовой транспорт → автомобильный грузовой транспорт, железнодорожный грузовой транспорт → трубопроводный транспорт, ЭВМ (q)-го поколения → ЭВМ ($q+1$)-го поколения, сталь марки (r) → сталь марки ($r+1$), самолеты (s)-го поколения → самолеты ($s+1$)-го поколения, атомные реакторы (u)-го поколения → атомные реакторы ($u+1$)-го поколения и т. д. и тесно связанные с ними S-образные кривые (кривые Перла и Гомперца)²¹ и циклы «технологических разрывов» [4, 272—273]²² (усредненные результаты статистических ситуаций) являются, во многих случаях, первоосновой многих хозяйственных (экономических) циклов.

13. Хозяйства развитых капиталистических стран, по крайней мере, с 1770 г., а также хозяйства социалистических стран (1924—1989) постоянно имеют (имели) и воспроизводят (воспроизводили) «узкие места» и дефицит в колоссальных масштабах в материальных ресурсах, технике, технологиях, т. е. открыт своеобразный «ящик Пандоры», и поэтому они вынуждены постоянно заниматься «расширением узких мест», также стимулируют и порождают циклы «технологических разрывов» (анализ огромного и разнообразного материала); «расширяя» одни «узкие места» они, тем не менее, создают новые «узкие места».

²¹ Зарождение, скачкообразный рост и постепенное достижение стадии полной зрелости технологического процесса и/или продукта.

²² Сумма прямых и общих косвенных затрат (сумма косвенных затрат всех уровней) материалов, сырья, энергии, топлива, основных производственных фондов, рабочей силы через межотраслевые связи.

14. Экономические (хозяйственные) циклы также являются наследственными, неотъемлемыми свойствами научно-технологическо-хозяйственных укладов современных хозяйств.

15. Из пп. 12—15 в связи с моральными устареваниями 2-го рода товаров, техники и технологий:

16.1. Возникает необходимость закрытия:

- профилирующих отраслей, подотраслей, заводов, цехов, КБ и т. д., а через межотраслевые связи уменьшение объемов продукции смежников первого, второго и т. д. уровней, а также общих косвенных затрат— материальных, трудовых, финансовых и иных;
- профилирующих НИИ, вузов, кафедр.

16.2. Возникает необходимость для стимулирования зарождения и развития новых технических и технологических изобретений создания:

- новых инструментариев, приемов, методов;
- новых приемов, форм, вариантов долгосрочного финансирования НИИ, НИОКР, «нулевого цикла» для: доработки «до ума», «расширения узких мест», преодоления «детских болезней».

16.3. Всей исполнительной власти РФ — сверху донизу — пора понять, что если они хотят не потерять РФ и получать в будущем постоянные, гарантированные налоги: с валовой прибыли, с добавленной стоимости и с фонда заработной платы, а также не содержать миллионы безработных, то им постоянно надо вкладывать колоссальные средства в НИОКР, развитие техники и технологий.

16.5. При президенте РФ и при премьер-министре РФ необходимо создать межотраслевые органы по прогнозированию техники и технологий и принятия окончательного варианта²³.

16.6. Например, создание легкового автомобиля модели «Т» Г. Фордом I означало рождение в США «общества массового потребления».

16.7. Вездеход на «воздушной подушке» появится в 2020—2040 гг., что сэкономит каучук (не нужны будут резина), гусеницы и дорогостоящие дороги: сама природа построила для них сотни тысяч километров дорог — малые реки, непригодные для судоходства.

Существуют так называемые «оптимистические» прогнозы:

²³ Не в смысле того, что под одной «крышей» соберутся эксперты по разным отраслям и они будут дружно «тащить одеяла на себя», а в смысле того, что по каждому «узкому месту» будут анализироваться варианты их «расширения» разными отраслями и подотраслями и приниматься оптимистический вариант для всего народного хозяйства, а не для отдельных, влиятельных, «пробивных», но бесперспективных, затратных вариантов и подвариантов.

- через 50—100 лет на Земле иссякнет запасы нефти и газа,
- через 300—500 лет — запасы угля; при нынешних темпах экологического загрязнения наша планета уже в XXI в. станет непригодной для жизни;
- сейчас на планете освоено 55% годных к обработке почв и 15% пресных вод, и она способна прокормить и согреть лишь 8—12 млрд людей.

Вывод — без ядерной энергетики проблемы не решить!

Литература

1. *Антропов А.А.* Обобщение методики определения циклических кривых Н.Д. Кондратьева // Сборник научных работ кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Ломоносовские чтения — 2007» / Под ред. М.В. Грачевой, Л.Н. Фадеевой, Ю.Н. Черемных. М., 2008.
2. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
3. *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. М., 2004.
4. *Антропов А.А.* Эссе о В.В. Леонтьеве, его времени и проблемах времени // Философия хозяйства. 2006. № 6.

V

**ГЛАМУР КАК
ИСКУШЕНИЕ И ПОРЧА**

Ю.М. ОСИПОВ

Гламур как искус и порча

Гламур по-английски что-то вроде очарования, чародейства, тайны, это вроде бы некая утонченная и изящная исключительность, что не мешает гламуру выглядеть сегодня назойливой, т. е. вовсе и не исключительной, а всюю и масштабной, мишурной оболочкой, скрывающей не тайну вовсе, а... самое обыкновенное ничто, когда форма служит лишь... форме, выполняя функцию фальш-формы, или формы-ширмы, формы-прикрытия, формы-пыли в глаза.

Гламур, конечно — развлечение, игра, театр.

Гламур — несерьезность, точнее, легкость, ибо он, при всей своей затейливости и усложненности, не более чем мимолетная и мнимолетная безвесомость.

Гламур — сказка, мифчик, фантик, он не более чем какой-нибудь образ, естественно, красивый, бросающийся в глаза, не так, быть может, яркий, как ясный, феерический, светящийся.

Гламур — искусство, за ним стоит способность доводить реальность до видимой ирреальности, до образа самого образа.

И все бы ничего, если бы... гламур ограничивался... гламуром... оставаясь неким забавным исключением. Ан нет, гламур нынче всюду, его много, он вездесущ, настырен, ловок, — настолько, что само бытие вокруг становится гламурным, что и не очень удивительно — в эпоху-то Постмодерна!

Вдруг мы замечаем, что не просто где-то и как-то есть гламур, — эта невинная забава пресытившихся, а гламур овладевает человеком, жизнью, хозяйством, что появляется уже человек-гламур, жизнь-гламур, мир-гламур, а может, даже и гламур как какая-то всеобщая субстанция, поглощающая все и вся, замещающая собою все и вся, все и вся снедающая.

Не человек, не жизнь, не мир, а... гламур!

Вещи гламурны, услуги гламурны, образы гламурны, деяния гламурны — нет, нет, вовсе и не красивы, не тонки, не изящны, а... попросту... никчемны.

Никчемный мир!

И вовсе не безвредный.

Трудно быть человеком, еще и с содержанием, с весом, с грузом, но зато куда как легче быть... гламуrom... да не модницей какой-нибудь, как и не эстрадной певичкой, а... тем же писателем, политиком, ученым, профессором, да и не по причине изысканной одежды и изящных манер, а всего лишь из-за... служения... форме ради формы, чтобы поза была, имидж был, пиар был, разумеется, искусительные, действенные, приносящие доход.

Гламур — это фикция... правда, фикция... гламурная... полная очарования, чародейства, тайны, за которыми, собственно... пустота, ну еще, пожалуй, суета из сует!

Вот почему гламур — порча, причем всего им огламуренного: человека, жизни, хозяйства, мира, эпохи, ибо гламур всего лишь искусительное замещение бытия, исходящее из долгожданного массового благополучия, достигнутого огламуренным финансизмом.

С.П. МАКАРОВ

Гламурная экономика

Сначала о гламуре. Гламур — набрасывание глянца, лоска, блеска, разноцветности, привлекательности, положительной значимости на то, что по сути своей тускло, серо, бесцветно, уныло, пошло, неценно, вредно. Гламур всегда ряженность, выдача некоей данности за то, чем она не является.

Гламур — продукт человеческой деятельности, и порождают его объективные причины, уходящие в человеческое бытие. Он существует во всех сферах этого бытия и потому оказывается разнообразным по своему содержанию. Есть гламур текущего быта, есть гламур политический, дипломатический, экономический и т. д. И всегда он означает наведение людьми красоты и значимости на любую данность своего бытия (политику, экономику и пр.), искажающих их.

Откуда же берется эта людская склонность к украшательству, завышению ценности своей деятельности, ведь быт, политика, экономика и т. д. составляют ее конкретные направления? Оснований для гламурного оптимизма достаточно. Прежде всего в нем выявляется естественное жизнелюбие людей при одновременном непонимании ими своего места и роли в природной среде и в полном людском нежелании все это постигать, ведь как было сказано — «знание умножают скорбь», так зачем таковые людям? Им желательны знания, умно-

жающие радости или, по крайней мере, не углубляющие скорбь, если уж она как-то там завелась. Нужны гламурные знания или гламурные незнания.

Гламуризация общественного сознания необходима продвинутым, т. е. энергичным преуспевающим людям, «хозяевам жизни» и тем, кто желает таковыми стать. Гламурный глянец текущего бытия наводит на них гламурный блеск, делая их так называемой элитой, укрепляет их жизненные завоевания, достигнутые позиции. Он же придает должную силу дерзающим.

Гламурный мираж годится и простым, непродвинутому людям, «батракам жизни», годится в той мере, в какой рождает у них светлые мечты и добрые надежды, даже если эти мечты-надежды сводятся к желанию накопить-таки деньги на собственные похороны.

Общей же питательной средой гламура становится диалектика бытия. Бытие предстает как крайне запутанный противоречивый ход разных внутренних взаимосвязей, его образующих. В нем есть прежде всего сущностные моменты. Но сущность не действует как нечто отдельное — она проявляется. Проявление сущности обеспечивают разного рода формы. Формы проявления выражают сущность лишь в единичной конкретности, искажая ее уже этой своей односторонностью. Сущность содержательна, но поскольку не все входящие в нее формы проявления, взятые в своей отдельной конкретности, выражают последнюю, а некоторые исходно искажают ее, то и содержание само получает разное смысловое значение: есть поверхностный уровень бытийного содержания, есть глубинный его уровень, находящийся ближе к сущности.

Для полного понимания питательной среды гламура добавим к этому диалектическому взгляду на бытие еще метафизику, мистику, религию, тоже вносящие свою лепту и в бытие, и в процесс его познания.

Так что же из всей этой бытийной мешанины возьмет для себя обычный жизнелюбивый человек? А возьмет он для организации своего жизнеустройства гламурную ее часть, т. е. ту, которая будет попроще, пооптимистичнее, без умножения скорби, а заодно и попрacticalнее. Конечно, такой выбор материала для оценки бытия не назовешь умным, но нельзя же тратить время на раздумья и сомненья. Надо верить и действовать. А для обретения должной энергии веры и действия надо создать и развивать особую науку — тоже гламурную, т. е. глянецнаводящую.

Механизм разворота диалектики бытия в сторону гламура особенно четко просматривается в экономической сфере. Здесь всякое явление

достаточно определенно демонстрирует противоположность своего влияния на общественную жизнь. Например, производство благ составляет условия существования людей, но оно же несет и угрозу обществу в той мере, в какой приводит к разрушению природной среды. Труд способствует развитию людей, но он же может стать фактором и деградации (примитивный, протекающий во вредных условиях). Машины, конечно же, увеличивают производительность труда, позволяют наращивать массу разнообразных благ, но они же порождают безработицу населения, способствуют массовому выращиванию ненужных людей, связанных с производством только через потребление, и т. д.

Противоположную общественную результативность получают целые экономические системы, в том числе действующая ныне рыночная экономика. Взятая в чистом виде, как система частного предпринимательства, регулируемая рынком, она оказывается недееспособной, жизнеразрушающей. Для более или менее эффективного ее функционирования требуется государственное регулирование. Но и государство в сочетании с рыночностью современной экономики тоже терпит фиаско.

Что же из всего сказанного следует? А следуют совершенно определенные выводы — стоит только из двойственности экономических явлений, процессов, взять одну только их сторону, а именно «хорошую», и отбросить вторую («плохую»), как мы сразу же получаем гламур, и не какой-нибудь, а экономический, т. е. красивенькую экономическую фальшивку, призванную сыграть роль массового путеводного фетиша.

Но наличие экономического гламура (а он может быть существенно разным) еще не означает существование гламурной экономики. Гламурная экономика складывается в том случае, когда экономический гламур как специфическая оценка существующей экономической системы (лакирование, исключая должный учет ее объективных свойств) становится основой организации экономической жизни общества. Названной экономике соответствуют такие явления, как гламурная экономическая теория, гламурная социально-экономическая политика государства, гламурная корпоративность, гламурное законодательство, гламурная глобализация.

Объективно гламурной экономике соответствует обострение экономических и социальных противоречий как внутри стран, так и между странами. То и другое объясняется игнорированием в организации экономической жизни реальных свойств существующих экономических систем.

В заключение следует отметить, что в наше время сложились разные типы гламурных экономик. Существует гламурность экономики развитых стран, выражающая их проблемы, возможности, амбиции. Специфическую гламурность обрела российская экономика.

И в любом случае надо иметь в виду, что такая гламурность выражает не развитое, а тупиковое состояние экономики. Любой стране, содружеству стран нужна не заигравшаяся в своем мнимом совершенстве экономика, а реальная и эффективная экономическая организация. Сформировать такую организацию можно с помощью экономической теории, реально учитывающей все особенности экономических систем, а не посредством гламурной «экономической науки», занимающейся защитой совершенств выбранной по тем или иным причинам модели хозяйствования.

А.К. ПОПОВ

Гламур креативного класса и низложенных масс

Тема гламура хороша тем, что открывает новые перспективы в осмыслении происходящего. Это совершенно новое явление в общественной жизни времен Постмодерна, которое не следует смешивать во всем, что блестит.

Гламур — многосложен в своих проявлениях. Это пустой и обманчивый блеск, маскарад, подмена, *блестящая форма без содержания*, модная пошлость пошляков, блеск пустого сверхпотребления, образ жизни, навязчивая и деструктивная проекция для масс, новая технология власти.

Сам термин «гламур» появился у нас сравнительно недавно. Но представление о гламурной жизни мы имели еще в 1960-е гг., например, из хемингуэйевского «Праздника, который всегда с тобой», с гламурной леди Эшли, которая непрерывно драит себя до блеска в ванной. Но Хэмингуэй не был одинок в презентации нарождающегося гламурного класса.

Еще раньше В. Набоков все свое творчество посвятил гламуризации действительности в русской литературе. Его «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Весна в Фиальте», «Лолита» дали пародийные образы блестящей гламурной жизни, хотя некоторые по наивности принимали за реализм такую пародию на европейский и американский образ жизни и мечты обывателя. При этом Набоков со своими гламур-

ными героями не то что отличается, но стоит по другую сторону зеркала искусства, чем, скажем, Бунин со своими героями и героинями, которые еще только собрались в гламурное зазеркалье и историческое небытие.

Есть «высокий» гламур, предназначенный для богатых, и «низкий» — для низложенных масс. Гламурный образ жизни характерен для так называемого креативного класса, о котором нам поведал его представитель Р. Флорида в ряде своих книг и, в частности, в «Возвышении креативного класса» [1]. Собственно, именно они производят и потребляют гламур. Представители креативного класса работают преимущественно в так называемой новой экономике, создавая и продвигая гламурные инновации нового типа с высокой добавочной стоимостью. Поэтому следует отличать творчество, которое, как правило, не приносит особых льгот творцу, от креатива, который всегда получает большую выгоду от своих «блестящих» инноваций. Таким образом, гламур существует не в безвоздушном пространстве, а хорошо укоренен в постиндустриальной экономике, опираясь на политическую волю власть имущих, ТНК, финансовый капитал и принося неслыханные прибыли.

Гламурный образ жизни более всего распространен в местах обитания креативного класса, т. е. в «воротах глобализации», таких как Нью-Йорк, Лондон, Лос-Анджелес, Голливуд. Здесь распространен *бытовой гламур* с характерными «прикидами» гламурников — гламурные солнцезащитные очки, сумки и спортивные костюмы из махровой ткани от Juicy Couture или ядовито-розовые бикини с металлическими элементами в сочетании с босоножками на огромной, неправдоподобно высокой шпильке, гламурный макияж, который начисто скрывает все недостатки кожи, зубов и пр.

Гламур надо рассматривать в контексте постмодерна, потому что сам постмодерн есть не что иное, как философский гламур. И, наоборот, гламур — это постмодерн. Гламур философии — это постмодерн, который оставил все проблемы за скобками своего дискурса и сам не имеет никакого содержания, а только блестящую оболочку. Гламур — это технология постмодерна. Технология гедонизма и бентамизации.

Самое существенное в отношении гламура заключается в гламуризации жизни во всех ее проявлениях: быту, экономике, политике, вере. Именно с этой точки зрения следует рассматривать, например, происходящее в российской политике.

Гламуризация политики — это лишение ее всякого содержания, создание с помощью разных приемов блестящей политической оболочки, в которой отражается сам обыватель со своими пожеланиями. С

ними он и остается в конечном счете. Гламуризация политики — это деполитизация, изгнание из политической жизни всех партий и деятелей, которые ставят содержательные вопросы, как это было сделано в результате предвыборных реформ. Так были созданы гламурные президент, премьер-министр, Госдума, мэры и прочие актеры гламурного политического театра: журналисты, политологи. Так происходит гламуризация власти и ее представлений как спектакля без содержания и, конечно, ответственности. Характерным для гламуризации приватизированной и безответственной власти является коррупция как ее неотъемлемый системообразующий элемент. Красиво и богато жить не запретишь.

Типичным примером гламуризации власти стал парад Победы 2008 г. в Москве. Демонстрация гламурной военной силы без ее наличия. Портянки от Юдашкина, но только на несколько тысяч человек, а не на всю армию. А вся армия и флот — это армия и флот бомжей, офицеров без места жительства, как и ветеранов. И тут мы видим, что *политический гламур — это новая технология власти в ее основных функциях — надзирать и наказывать*. Новая форма паноптикона власти [2]. В массы через каналы СМИ забрасываются различные образцы гламура, а потом отслеживается реакция массы на них. Например, восторженное приветствие, проведение майского парада или футбольная победа.

К сожалению, мы являемся свидетелями и *гламуризации веры*. Мы наблюдаем не только гламурное западное христианство, но теперь и православие с кошунственными телепоказами богослужений, блеском ряс и драгоценностей иерархов, их лобызания с власть имущими на фоне нищего вымирающего русского народа.

Эта гламуризация веры — свидетельство демонизма гламурных. Это свидетельство экуменизма и подмены православия его блестящей видимостью. Как едко заметил К. Льюис в своих «Письмах Баламута», «мы же (бесы. — *А.П.*), если люди становятся верующими, хотим держать их в том состоянии, которое я называю “*христианство и...*”. Ты понимаешь? Христианство и кризис, христианство и новая психология, христианство и новое общество, христианство и исцеление верой, христианство и вегетарианство, христианство и реформа орфографии. Если уж приспичило быть христианами, пусть будут христианами с оговоркой. Пусть для них заменой самой веры будет какая-нибудь мода с христианской окраской» [3, 203].

Так происходит смена парадигм власти, веры, образа жизни, искусства, экономики, хотя старые парадигмы не исчезают, а уходят на периферию общественного сознания. По-прежнему остаются доступны

ми парадигмы христианской веры, образа жизни, власти, хозяйствования, но они как бы подвисают в исторической невесомости, ожидая своих носителей. Они есть и будут всегда, хотя гламуризация охватила практически все значимые стороны российской жизни, показывая их пустой блеск и видимую жизнь на фоне русского холокоста.

Литература

1. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N. Y., 2002
2. *Понов А.К.* Паноптикон власти // *Философия хозяйства*. 2007. № 4.
3. *Льюис К.С.* Письма Баламута. Париж, 1984.

И.И. РУДЯК

Эйзенштейн и старик Хоттабыч: гламур как маргинальность и мерности экономики как пространства

1. Экономика как пространство. Сегодня очевидно, что стелы Бранкусси создавались не только для того, чтобы любоваться ими как «материальными артефактами», но и для того, чтобы они формировали вокруг себя идеальное формальное пространство. Однако менее очевидно, что и процессы, производимые человеком в рамках протекания цивилизации и культуры, т. е. «идеальные артефакты», подобно стелам Бранкусси, тоже могут формировать формальное пространство вокруг себя! Но это происходит — и приводит к появлению кинетизма как искусства, отображающего само по себе движение. Заметив это, С. Эйзенштейн (который называл себя диалектиком), создавая режиссерскую экспликацию спектакля «Мексиканец» (по Джеку Лондону), начал не с материальных артефактов (актеров и декораций), а с идеальных (процессов) — первым делом Эйзенштейн описал... «потoki движений»: их направления, связи, их темп и ритм. В данном случае режиссура Эйзенштейна подобна музыке — и формальное пространство спектакля есть прежде всего формальное пространство, образованное вокруг идеальных артефактов: процессов.

Искусство отражает жизнь в самых различных формах — однако и жизнь, как это ни странно, тоже отражает искусство! М.Б. Пиотровский (директор Эрмитажа) считает, что не только искусство строит свои произведения на основе науки, но и наука строит свои открытия на основе искусства. И не удивительно, что мы рассматриваем «эко-

номику как пространство». В подобном смысле экономика как система производственных процессов цивилизации есть в то же время и система идеальных артефактов, которая представляет собой структуру: и эти идеальные артефакты могут строить вокруг себя как «распыл на структуре» формальное пространство, характерное для искусства и метафизики как «физики в рамках искусства». В зависимости от способа производства того или иного товара пространство экономики может быть пространством той или иной мерности.

2. *Гламур: одномерная экономика.* Если человек в процессе восприятия мира скользит по поверхности, то он воспринимает лишь его изменяющуюся часть, которая и находится на поверхности. В процессе потребления такого человека интересует только условная «относительная ценность» «изменяющейся поверхности» (допустим, торговая марка компании, производящей телефонные аппараты). Подобный человек, определяя ценность телефонного аппарата, учитывает только «актуальность марки» — так и возникает «одномерное экономическое пространство». Вспомним Достоевского, который писал, что существуют люди, сводящие сложность трехмерного к двумерному и даже к одномерному. Экономика, обслуживающая потребности в «правильной марке» (а не в красивом и функциональном телефоне), является «экономикой одномерной», т. е. «экономикой гламура».

3. *Рай как математический предел современной цивилизации.* Самым знаменитым «гламурщиком» был, конечно, старик Хоттабыч, создавший «наигламурнейший телефон», совершенно лишенный технической функции телефонного аппарата — передавать вербальную информацию (а наличие «дробной речи» есть то, что характерно только для человека!), но зато обладавший «высшей сигнальной функцией» (которая, как большие зубы и громкий рев, изначально характеризует животных): сигнализировать о высоком социальном статусе данного человека. Подобный телефон, если бы он висел на владельце, мог бы быть его украшением, а если бы он был выставлен в соответствующем музее, являлся бы «произведением искусства цивилизации». Иноземцев писал, что в современном товаре все более возрастает процент идеи и все более уменьшается процент материала (что, разумеется, его все более превращает из материального артефакта в артефакт идеальный, что и делает рай математическим пределом современной цивилизации). Сегодня мы можем также добавить, что в «гламурном товаре» все более возрастает процент «сигнальной составляющей» и все уменьшается процент «функциональной составляющей»: «телефон Хоттабыча» есть математический предел, к которому стремится гламур.

4. *Прошлое как внутренняя структура настоящего.* Гламур как язык сигналов, который позволяет быстро выделить из массы людей успешных, чтобы, как в известном фильме, вовремя сказать: «Ку!», является «маргинальным языком» поверхностного восприятия (ведь воспринимаются только актуальные ценности, а прошлое как внутренняя структура настоящего при восприятии фактически игнорируется!). В подобном смысле гламур немного напоминает течение столетней давности: футуризм, манифесты которого призывали «сбросить с корабля современности» ценности прошлого как совершенно неактуальные (для «идеи автомобиля» важно только само движение, а все лишнее должно быть непременно отброшено — даже и пассажиры!). Однако на самом деле гламур, признающий лишь актуальное, против не только прошлого, но и будущего, т. е. против траектории как движения — он за точку: точку на настоящем — и в этом смысле гламур на мерность проще, чем футуризм!

5. *Эйзенштейн и Минковский: мода и математика.* Будучи условным, как любой «язык социального касания» индивидов, гламур есть язык даже не «собственной поверхности», а «наклейки» («сверхмаргинальность»!) — поэтому очевидно: гламур — не мода, а ее суррогат! Не связанный с внутренней структурой товаров, «язык наклейки» — гламур — ориентирован лишь на «условную ценность знака»: мода же есть объективная культурная «поверхность эманации» внутренних процессов цивилизации на данном историческом срезе: при этом «геометрия среза» и составляет «модную геометрию», которая едина и для «парусов» (функциональных объектов цивилизации), и для «кринолинов» (дизайнерских объектов культуры). Мы видим: мода изначально — и не сигнальна, и не маргинальна. Являясь видимой проекцией трехмерной «сети цивилизации» на двумерном «экране культуры», мода в некотором смысле напоминает те «четырёхмерные модели», которыми до обмороков радовал студент Эйзенштейн своих профессоров — Попову и Мейерхольда и которыми он так сильно ошарашил ректора Аксенова, что тот написал первую биографию Эйзенштейна, сумевшего на первом курсе театрального института дважды сделать то, чего не сумел знаменитый математик Минковский, который перевел теорию относительности на язык геометрии. Совершенно ясно, что мода, в некотором смысле заменившая биологическую эволюцию, в отличие от гламура, характерна лишь для пятого уровня развития материи, а значит — только для человека (и при том для такого человека, как Эйзенштейн, который называл себя диалектиком).

6. *Быт: трехмерная экономика.* Структурная «трехмерная экономика» удовлетворяет все природные потребности, основанные на пер-

вых четырех уровнях развития материи. Такие потребности существуют также и у животных, поэтому не удивительно, что трехмерная экономика интересуется только «абсолютными ценностями» стабильной структуры. Выбирая товары для поддержания жизни тела, потребитель, имеющий в данном случае метафизическое мышление Фейербаха, весьма ценившего все материальные радости, учитывает только потребительскую добротность трехмерной внутренней структуры заданного товара (гнилые помидоры он не возьмет, какую бы наклейку к ним ни прилепили!), проявляя при этом лишь консервативный интерес к «вечным ценностям» биологии тела. Трехмерная экономика, обслуживающая подобные интересы, разумеется, создает «трехмерное экономическое пространство».

7. *Общее дело: четырехмерная экономика.* Пиотровский считает, что «Черный квадрат» Малевича — как одна из «икон двадцатого века» — учит нас смотреть далеко в глубину («погружение цивилизации»): и в этом смысле «Черный квадрат» есть альтернатива гламуру. В каком-то смысле изображенный на картине черный квадрат есть «поле неизведанного»: космос, океан, мозг. В свое время академик Бехтерева сделала открытие: существуют жесткие и гибкие звенья мозга: жесткие работают всегда, а гибкие — по мере необходимости (мы понимаем, что жесткие — это консервативные элементы, а гибкие — это преходящие элементы). Такое же строение имеет общество, которое одновременно является и создателем, и продуктом человеческой психики. Данное открытие Бехтеревой объяснило стремление философов русской школы создать «шестой уровень развития материи» — «по образу и подобию мозга» (что и сделает жизнь — раем), который будет, конечно, четырехмерным (Бехтерева считает, что мозг человека есть «машина» для перевода времени в пространство; Лев Гумилев считает, что история зависит от географии; Эйнштейн считает, что преходящее время есть четвертое измерение консервативного пространства).

«Четырехмерная экономика», которая обслуживает «общее дело» Федорова, создание ноосферы Вернадского, построение «композиции мира» — в общем, возникновение шестого уровня развития материи: «уровня волшебного» (выражаясь терминами Малевича), создает «четырёхмерное экономическое пространство». Такая экономика производит товары, обладающие «совокупной ценностью» органического единства вечного (структурного, старого) и преходящего (поверхностного, нового). В процессе потребления новый «идеально-метафизический человек» (мышление которого основано на органическом единстве диалектики и метафизики) учитывает ценность товара

(и не только товара — здесь речь идет о ценностях вообще!) четырехмерно, включая ценности прошлого (история), настоящего (гламур) и будущего (футуризм), включая и функциональность («материальное потребление»), и дизайн (мода), а также, может быть, и сигнальность (гламур): ведь, в конце концов, мегаполис и даже вся цивилизованная планета представляют собою некий социальный компьютер, который нуждается в моментальном (а это значит — поверхностном, маргинальном) считывании информации (потому что люди современной цивилизации, в отличие от «сталинских винтиков», сугубо индивидуальны, что и подчеркивает современный стиль — постмодерн) — и в этом смысле гламур полезен (если он, конечно, не заменяет собою все!).

В.А. ЛУКОВЕНКО

Гламур как потребление

Мы можем насчитать сотни признаков наступившей эпохи, но упустим самое важное, если не скажем о гламуре. О гламуре как неотъемлемой характеристике современного общества, в основе которого лежит потребление. О гламуре, чье свойство всепроникаемости и всеядности позволяет говорить о нем как об образе жизни современного человека. Гламур сравнительно недавно вошел в широкое словоупотребление, и в целом как явление культуры и хозяйства он относительно нов. Но что важно — гламур был ожидаем.

Ожидание гламура. Гламур был особенно ожидаем в постсоветской России. Утвердившись в Европе, в Россию он полновластно приходит лишь с наступлением 2000 г. Судорожный ажиотаж вокруг первых глянцевого журналов, малиновые пиджаки и прочие особенности России 1990-х не в счет. Гламур как стиль жизни богатых и знаменитых и как желанный ориентир для большинства людей стал возможен лишь в 2000-х гг. Именно тогда, когда в силу стабильно высоких цен на нефть значительная часть российского общества стала способна к чрезмерному потреблению. И именно в связи с ценами на нефть гламур на российской почве также явился и характеристикой путинской эпохи. Путин и гламур, или гламурный путин и путинский гламур, — явления родственные и симптоматичные в своей взаимосвязи, и это еще покажет история. Подобно тому, как в прошлом лучи светлого будущего скрашивали черные трудовые будни социалистической эпо-

хи, ныне гламур своим блеском приближающейся эпохи всеобщего потребления скрашивает серые будни офисного существования.

«Похороны» гламура. После прихода гламура наступают его «похороны». Но суть в том, что гламур никуда не уходит. Даже после своих собственных «похорон». Он не уходит и из России. Гламур, как и все, что приходило с Запада в 1990-х гг., сразу же стал у нас синонимом чего-то хорошего, заветного, желанного, красивого и пр. Конечно, никто из всерьез употреблявших это слово не понимал, что по-настоящему гламурными, т. е. роскошными, чарующими, обольстительными, были основательницы этого стиля и образа, символы гламура Грета Гарбо, Марлен Дитрих. Многие в России вообще полагали, что это слово с обложки одноименных колготок, но выговаривали его обязательно с энтузиазмом и придыханием. Прошло некоторое время, и российский «гламур» вместе с гламурными девушками, вещами, манерами, журналами, вечеринками начал вызывать иронию. Далее дело дошло до ненависти. Гламур как крайняя степень потребления не мог не стать ненавидимым в нашей в целом бедной стране. Налицо «похороны» гламура. Уже и законодатели гламура констатируют его смерть в России: «ПУТИНСКИЙ ГЛАМУР становится историей. На смену ему в мягких мокасинах Tod's неспешно, но уверенно идет РОСКОШНЫЙ МИНИМАЛИЗМ — новое увлечение российской элиты. Отныне актуально иметь ИДЕАЛЫ, выглядеть ПРОСТО, но ДОРОГО, жить скромно, но со вкусом, ценить качество и комфорт, презирать понты и осуждать сверхпотребление, любить, а не просто заниматься сексом, больше читать и меньше тусоваться. Если же тусоваться, то со своими. Приватность, закрытость, самодостаточность — ключевые слова наступающей эпохи» [1].

И тем не менее гламур, однажды придя, просто так никуда не уходит. Он обладает свойством всеядности и всепроникаемости. Вышеописанные аскезы в потреблении и минималистский стиль жизни также могут стать предметом гламура. Гламур представляет собой не просто потребление, но и стиль жизни, целью которой становится потребление.

Всеобщность гламура. Гламур для всех. Для пролетариата в том числе. Современные технологии сделали возможным его массовость. Чем больше тиражируемость образов гламура, тем больше их ценность. Огромные тиражи журнала «Glamour» тому подтверждение. Гламур разный, но он везде. Как утверждает в одном современном произведении — *гламур повсюду*. «Только он всюду разный. В Нью-Йорке это автомобиль “Феррари” и туалет от какой-нибудь Донны Каран. А в азиатской деревне это мобильный с большим экраном и

майка с надписью “Mickey Mouse USA Famous Brand”. Но субстанция одна» [2].

Антигламур. Гламур куда бы он ни пришел, имеет продолжение себя не только в виде своих же собственных похоронных процессий, но и в виде встречаемого им сопротивления — антигламура. Как показал в своей книге знаток гламура современный писатель Виктор Пелевин, антигламур есть проводник гламура. «Наиболее перспективной технологией продвижения гламура на современном этапе становится анигламур. “Разоблачение гламура” инфильтрует гламур даже в те темные углы, куда он ни за что не проник бы сам» [2]. Гламур всеяден, и даже самые его яркие противники, впадая в антигламур, становятся частью гламура. Гламур способен потреблять даже традицию.

Что касается определения гламура, то логичным представляется следующее: гламур — усиленное, чрезмерное потребление, более того, *гиперпотребление*. Последнее слово — ключевое. Современное использование этой приставки (гипер-) основано на том, что многие качества действительности нашего времени, доведенные до предельной степени развития, обнаруживают в самих себе свою собственную противоположность.

Предел потребления. В современных формах потребления уже и так чувствуется какое-то доведение до абсурда. Приближение к той точке, где плюс-бесконечность переходит в минус-бесконечность. И дело не только в предметах роскоши, демонстративное потребление которых вызывает в обществе самые различные эмоции, вопрос в целостности самого гламура, или гиперпотребления. Неясен мотив самого потребления. Нет видимых целей. Происходит потребление ради потребления. Замкнутый круг. Круг, разорвать который сможет только глобальная встряска (катастрофа).

Именно здесь и видится обратная сторона гламура. Являясь вершиной потребления, его конечной и высшей формой, гламур несет в себе и отрицание потребления. Гламур символизирует собой приближение того предела потребления, дальше которого уже потреблять некуда. Просто потому, что потреблять становится банально нечего.

В чем же отрицание потребления? Современный представитель гиперпотребления, пусть даже не из самых высоких кругов, уже совершенно непонятен для прежних представителей буржуазного общества — предпринимателя и буржуа-капиталиста. Для классического буржуа факт настоящего потребления основывается на дальнейшей выгоде. Для него приоритет — в накоплении денежных средств, а не в их трате. Для гламура же ценность потребления — в самом потреблении, пусть даже оно на первый взгляд бессмысленно. Приоритет отдается

растрате, а не потреблению. Но так ли уж бессмысленно потребление ради потребления?

Гламур как трата. Гламур как способ потребления приводит к выработке наибольшего объема денежной массы на единицу времени. Иначе говоря, в самые кратчайшие сроки уничтожает денежные средства. С точки зрения Т. Веблена, для развития экономики характерны два способа траты, или расточительства, — демонстративная праздность и демонстративное потребление. «По мере поступательного развития экономики и увеличения размеров общества, в то время как денежное потребление постепенно приобретает большее значение в относительном и абсолютном выражении, до тех пор, пока не поглотило бы весь имеющийся в распоряжении продукт, не оставив ничего свыше едва достаточных средств к существованию» [3, 121]. Гламур есть не просто расточительство, но определенный его вид — демонстративное потребление. Демонстративное потребление в экономической теории известно как *эффект Веблена* и представляет собой исключение из закона спроса, когда в ответ на рост цены на статусный товар спрос на него не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Гламур же в силу своей тиражируемости и за счет своей желанности перестает быть неким исключением и становится правилом в обществе. Причем этот переход от относительной редкости гламура как способа потребления (исключения) к относительной массовости (правила) сопровождается качественными хозяйственными переменами. В частности, у хозяйствующих субъектов в эпоху гламура приоритетным становится принцип растраты, а не накопления.

Гламур и традиция. Во всякой совместной жизни существует взаимосвязь труда и наслаждения. Если гламур представляет собой концентрированное наслаждение, то где-то на другом конце общества происходит концентрация беспросветных трудовней. В идеальном и главное справедливом случае можно полагать, что большему наслаждению, черпаемому из того или иного отношения, соответствует более тяжелая разновидность труда для поддержания такого отношения. Меньшему же наслаждению соответствует и более легкий труд. В традиционном обществе так и происходит. Взаимосвязь труд—наслаждение персонифицирована (отношения в семье или общине) либо освящена традицией (система сословий), либо имеет характер обычая. Та же элита традиционного общества, у которой мы видим зачатки демонстративного потребления (гламура), как правило, выполняет и определенные обязательства перед всем обществом (военная защита). Кроме того, в традиционном обществе преобладает определенный тип расточительства — демонстративная праздность.

В то же время в гламуре и в самом факте приоритета принципа растраты над принципом накопления видится определенная связь с Традицией. Эпоха гламура должна была наступить. Современный человек получает, в сущности, гораздо больше энергии, чем ему необходимо для поддержания жизни. Избыточную энергию (богатство) при умении можно использовать для роста системы, но можно и бессмысленно растратить. В традиционном обществе такие растраты обнаруживали себя в празднествах, религиозных жертвоприношениях, грандиозном строительстве и пр. В современном обществе растрата избыточной энергии принимает форму гламурного образа жизни и наслаждения как цели жизни. Но самое главное — в случае с гламуром процесс растраты никак не регламентирован (как в традиционном обществе), и безудержная растрата рано или поздно приведет к краху существующей хозяйственной системы, к ее окончательному ресурсному и энергетическому обнищанию. Гламур легок. Но эта видимая легкость есть «тяжелая легкость гламура». Начавшийся процесс растраты и расточительства не остановить. И легкость гламура еще обернется и уже обращивается социальными бедствиями людей, для которых гиперпотребление превращается в недопотребление, а праздность — в тягостный труд.

Эпоха гламура недолговечна. Столицу мирового гламура Париж уже громят арабы. Хотя, в общем, и эти погромы способны стать частью гламура, так же как это стало с помощью развивающимся странам, превратившейся в бесконечные концерты и благотворительные вечера в поддержку голодающих детей Африки.

Конец гламура неизбежен и должен произойти согласно самой логике. Но как? Возможный ответ видится все в той же книге, посвященной гламуру и дискурсу («Empire V»). Главный герой задается вопросом к своему учителю: «на чем держится власть вампиров?» И получает неожиданный ответ. «Власть любого короля держится только на том, что вчера он тоже был королем. Когда он просыпается утром в своей кровати, у него в руках нет никаких рычагов или нитей. Любой из слуг, которые входят в спальню, может свернуть ему шею» [2].

Литература

1. <http://uskov.livejournal.com/37610.htm>.
2. Пелевин В. Empire V. М., 2006.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

VI

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Ю.М. ОСИПОВ

Металогика

Металогика — внелогическая логика, за рамками логики логика, сопряженная с неизвестностью логика, логика из ничто и через ничто, трансцендентальная логика, мистическая логика.

С точки зрения человека разумного и разумного, познающего организацию мира, его механизмы, способы существования и воспроизводства, свойственные ему процессы и результирующую динамику, мир, доступный для обозрения и понимания человека, как и для взаимодействия с человеком, включая локальное переделывание мира, созидание человеком его новых конструкций, предстает как мир, имеющий устойчивый воспроизводящийся *порядок*, удерживающий мир в относительном состоянии и присущем ему образе, а потому воспринимающийся человеком как мир, оснащенный и наполненный внутренней *логикой* бытия, т. е. органичной в себе и для себя внутренней сообразностью, стройностью, выверенностью. Отсюда как раз и *физика* — совершенно логическая наука, та самая физика, которая раскрывает именно мировой порядок — логику мира, отражает и моделирует мир, предлагает ему и свои собственные логические конструкции.

О *математике*, эффективно споспешествующей физике, непосредственно базирующейся на ментальной логике и из нее непосредственно исходящей, тут и говорить нечего, ибо это прямо-таки сама логика логики и есть. *Материальный* мир, а лучше сказать мир *материш*, он же *физис*, достаточно логически упорядочен, чтобы считать его исходно и в основе своей вполне логическим. И если под логикой понимать способ устройства окружающего мира, то немало логического, т. е. достаточно стройно, воспроизводимо и выразительно упорядоченного, можно обнаружить и в человеке, его сознании и мыслях, его решениях и действиях, соответственно, во всем его жизнеотправлении, в *хозяйстве* (X.).

X. — сфера, безусловно, логики, ибо вне или без достаточно логического порядка ни о каком мало-мальски позитивном и конструктивном X. вообще не может быть и речи. Однако мир, жизнь, человек, как и само X., не совсем, мягко выражаясь, логичны, во всяком случае, не строго логичны, — и чем дальше от мертвого физиса к живому миру, а от живого вообще мира к человеческому, а от собственно человеческо-

го мира к социальному, тем менее обнаруживается строгой логики и все более чувствуется, если и не совсем аллогичное, то, по крайней мере, не столь уж строго логичное, как в пределах видимого и ощущаемого физиса. Разве мало в поведении того же человека совершенно нелогичного, особенно, если это сопряжено с каким-нибудь умственно-психическим расстройством. И в обществе наблюдаются не слишком логические события-процессы, а в тех же военных, политических и экономических делах аллогичность поведения является подчас эффективнейшим средством достижения вполне логических целей. И дело здесь не в нарушениях логики, внезапных случайностях, сознательных искажениях, патологических искривлениях. Тут все гораздо сложнее, ибо мир — не одна лишь феноменальность, это еще и ноуменальность, не только внешняя явленность и событийность, но и внутренняя сущность и «непроглядность», не только конкретная имманентность, но и абстрактная трансцендентность. Мир — это не только мир, как таковой, но еще и в мире мир, который где-то внутри мира, за ним, а может, и над ним. Помимо мира материи есть еще и мир духа, а дух он на то и дух, чтобы либо следовать логике, либо ей не следовать, либо подчиняться логической логике, либо же логике внелогической, так сказать, логически не схватываемой логике. Это-то последнее как раз и есть *металогика* (М-л.), которая логична, но совсем иначе, не так как обычная логика — она логична за пределами действия логики как таковой.

Уже возможность — невозможность, вероятность — невероятность, случайность — закономерность, а также свобода — несвобода, воля — неволя, выбор — неизбежность, необычность — обычность, импровизация — стандартность, и т. д. и т. п., все это уже свидетельствует, скажем так, о непростой логике всего или многого совершающегося вокруг, т. е. в самой реальной логике, или логике реальности, наблюдается присутствие некой аллогики, затрудняющей и усложняющей движение логики, делающей ее в общем-то дискретной. Так что и обычная логика имеет в действительности совсем не строго логическую реализацию (отсюда как раз вероятностный подход в математике, стохастизм, самоорганизация вкупе с неизвестностью, образ и понятие «черного ящика» и т. д.). Феноменальный мир — не строго логический мир, это мир во многом нарушаемой, искажаемой, затрудняемой логики, а то и кое в чем и вообще аллогики. Логика пробивает себе дорогу то ли через аллогику, то ли вкупе с ней, то ли вопреки ей, то ли с ее посредничестве. Можно сказать, что такая феноменальная аллогичность, часто и совершенно «здоровая» — первое и простейшее выражение М-л., ее заметного присутствия на поверхности. Сама же

по себе М-л. действует в основе своей как бы из-за пределов феноменального мира, влияя при этом на его состояние и движение.

М-л. — принадлежность не физиса с физикой, а *метафизиса* с *метафизикой*. Тут всему виною *работающая трансценденция*. М-л. окутана тайной: нельзя сказать, что она и нелогична, но нельзя сказать, что она и логична. Логика здесь вроде бы нет, но она все-таки есть. Эта логика вне логики, способная, однако, к реализации *смыслов*, как, собственно, и бессмыслицы, а потому тесно сопряженная со *смыслологией* бытия, а в глубине его и с *метасмыслологией*, когда на первый план выходит не логика текущих феноменальных событий, а скрытое движение откуда-то и как-то возникающих больших смыслов, а в силу их погружения в трансцендентность — *метасмыслов*.

М-л. можно назвать и некой подспудной логикой, имеющей свой фундаментальный резон быть, свое собственное движение и свои специфические итоги. Любое логичное, казалось бы, решение, действие или событие оказывается вдруг вовсе и не слишком логичным в аспекте осуществляющихся в связи с этим метасмыслов. Можно вполне логично создать паровоз и железную дорогу, достичь великих практических результатов, но какие же при этом от этого возникнут следствия для человека, жизни, биосферы, обитаемого мира в целом, никто в общем-то не знает, хотя следствия эти обязательно есть и кое-какие из них непременно улавливаются по прошествии времени, отсюда вопрос: что же создавалось тогда — паровоз с железной дорогой или новый человеческий мир, заряженный, допустим, на самоубийство? Или взять вообще мир: то, что он весьма логичен — факт, но какая-то логика привела именно к этому миру, да и что этот мир есть на самом деле, мало того, в чем его собственный смысл, не говоря уже о человеке, его долгой жизни, непреднамеренном рождении и внезапной смерти? Создан, к примеру, мобильный телефон — для удобства связи, но что он значит в аспекте человека, коллектива, социума в целом? Или, к примеру, свершилась какая-нибудь революция, но почему, для чего, с какими для истории последствиями? А сам ход истории вообще разве так уж логичен, хотя в действиях людей и во многих социальных процессах обнаруживается вроде бы и немало всякой логики?

«Хотели как лучше, а получилось как всегда» — недаром же родилась эта замечательная сентенция, уточнившая лишь другую, более древнюю; «Хотели одного, а вышло-то совсем другое». И дело здесь не только в неумении довести задуманное до конца, или в искажающем влиянии непредвиденных обстоятельств, а и в том, что вся обыденная логика творится и реализуется в среде М-л., а последняя не то чтобы безразлична к обыденной логике, она лишь просто сама себе

указ. За внешней логикой скрывается подспудная логика, которая является не столько продуктом внешней логики (как бы незаконным ее продуктом), сколько логикой для самой себя, питающейся, конечно, внешними обстоятельствами, но по преимуществу исходящей из внутренних интенций, никому из смертных доподлинно неизвестных.

Взять ту же *экономику*: разве все в ней происходящее так уж строго логично, мало того, разве многое в ней воистину не металогично? Те же деньги, те же цены, те же расходы и доходы: это только в математизированных учебниках все выглядит следствием незыблемой логики, пусть и вероятностной, пусть и стохастической, — на самом же деле здесь работает, помимо аллогики, и М-л. Именно поэтому в экономике велика роль интуиции, а лучше сказать, бизнес-интуиции, способной улавливать движение М-л., разумеется, с переменным успехом. А сколько в экономике свершается всего непредвиденного и не могущего быть предвиденным, но, заметим особо, вовсе и не только случайного, а именно металогического, т. е. имеющего резон случиться, но не по строгой логике и не по выпавшему наугад случаю. Кто когда-то думал о деиндустриализации, «финансовых пузырях» или сырьевых кризисах, вообще, о многом, что надвигается явно само по себе и без всякого соответствия обычной логике?

Познаваемая ли М-л.? В обыденном смысле, конечно, нет. Но в экстраординарном — да! Однако не через логическое же исследование-рассуждение, а через вполне нелогическое *откровение*, т. е. явление истины самой по себе. Работающую трансценденцию не заменить работающим разумом, а вот воспринять ее бодрствующим духом в общем-то возможно. Для того и мудрецы на свете, для того и *полилектика с диалектикой*, для того и проникновение в суть, для того и *метод обратной перспективы*. Ход обыденных вещей — одно, а вот сокрытых вещей — совсем другое: там своя скрытая логика, открытой логикой не улавливаемая, которая вполне трансцендентальна и мистична, которая и есть как раз М-л.

Наука базируется на логике, что совершенно правильно. На М-л базируется уже религия и склонная к *метафизике философия*. Ф.х. тяготеет к М-л., хотя и не пренебрегает, как и те же философия с религией, обычной логикой. Наука тайну раскрывает — ту самую тайну, которая доступна ей для раскрытия, религия от имени тайны говорит, а философия о тайне более всего рассуждает. То же самое стремится делать и Ф.х., т. е. рассуждать о тайне, однако, рассуждая о ней, она, как и любая метафизическая философия, пытается с ней конструктивно взаимодействовать, вводя ее активным элементом как в сами рассуждения, так и в добываемые знания. И здесь надо уразуметь, что само уже чув-

ствование тайны, ее осознание, как ее участие в работе разума, чрезвычайно важно для понимания мира, жизни, человека, X., всего, что вокруг вообще есть и что вообще происходит. Осознание тайны тут в общем-то важнее ее раскрытия, ибо действительного раскрытия тут быть не может, но зато может быть продуктивное творческое взаимодействие с тайной, обращение ее на службу сознанию и знанию, решениям и действиям, самому X., — не одна только логика вокруг, хватают и М-л., которую надо непременно признавать и всегда иметь в виду.

Ю.М. ОСИПОВ

Метасмыслы

Метасмыслы — глубинные, ноуменальные, сущностные смыслы, как правило, смыслы смыслов, по преимуществу улавливаемые в ходе и по итогам неформализованных осмыслений, напряженных раздумий, интенсивных переживаний, но также и в результате внезапных озарений, во всяком случае через особого рода проникновения в суть, в суть сути, в трансцендентное, в тайну.

Есть *смыслы* (С.), а есть и *метасмыслы* (М-с.), т. е. *смыслы смыслов*, прячущиеся где-то в сущностных глубинах бытия, за пределами феноменального мира. Если С. карандаша вполне понятен, ибо в нем заложена вполне ясная функциональная мысль-инструкция, то феномен карандаша уже не так явен и понятен, ибо обусловлен уже очень многим не слишком явным и понятным: языком, символами, знаками, письменностью, сознанием, речью, общением, идеями, мыслью и т. д., а вот карандаш, рассматриваемый как частица мира, т. е. как микромир, еще менее понятен, ибо откуда и зачем оно — дерево, почему и для чего он — графит, да и что это такое — сознание, язык, коммуникации, а потом и сам человек, его иномирность, Господь Бог, а ведь все это так или иначе в карандаше как в микромире, но в то же время и как в локалии микромира?

На феноменальном уровне С. карандаша весьма понятен, но при самом ближайшем сходе с этого уровня С. начинает как бы вибрировать, ускользать, скрываться, теряться в иных С., обретая сложность, наконец, неопределенность и таинственность. И оказывается, что думающий над С. карандаша человек незаметно ускользает в сферу М-с., о которых уже что-либо определенного много и не скажешь.

А если взять в размыслительный оборот не конкретную вещь, а какое-нибудь незаурядное событие, большой исторический процесс, жизнеотправление социума, самого по себе человека как необыкновенного для природы существа, его хозяйство, скрытый, открывающийся перед человеком и перед ним же закрывающийся мир, то весьма скоро человек думающий убеждается в том, что ему приходится иметь дело с некими *большими смыслами, глубинными смыслами, смыслами смыслов*, даже и *запредельными смыслами*, т. е. со С., несущими в себе не просто неопределенность, но и самую настоящую загадку, а главное, незнамо откуда, почему и как берущиеся неизвестно чему и как служащие, сопряженные с *работающей трансценденцией*, т. е. иметь дело с *метасмыслами*. М-с. — С. за пределами С., однако не *бес-смыслы*, а все-таки С., но такие, которые как бы уже за пределами явленного мира С. и к которым нельзя относиться как к полностью схватываемым: это некие само-С., где «само» означает не столько самостоятельность, сколько принципиальную непостижимость. нельзя сказать, что М-с. вообще неулавливаемы: улавливать их в общем-то можно, но, уважая их самостояние и признавая их трансцендентность, а потому М-с это, конечно, С., но как бы неприрученные С., ускользающие, открывающиеся человеку, но не дающиеся в его полную власть.

В отличие от обычных (явленческих, поверхностных, первичных) С. метасмыслы более субъектны, и с ними полезно иметь дело как с субъектами, способными на свою собственную и в своих интересах смысловую игру. Не будь М-с., мир был бы попросту неинтересен, да и, надо полагать невозможен. М-с. сопряжены с той самой неизвестностью, которой питается мир, оживляясь и живя, которая делает мир идеальным и кое в чем свободным, непредсказуемым, неоглядным, превращая его в мир-творчество. Вот то же хозяйство: с одной — поверхностной — стороны, это прежде всего обеспечение жизни человека, его и ее воспроизводство, а с другой — глубинной — это уже прямо-таки бог знает что, ибо разве можно таким обеспечением обеспечить творчество человека, его исторический пламенный порыв в... куда? Тут уже работают М-с., тут хорошо чувствуют себя *философия* и *религия*, а в нашем случае — *философия хозяйства*, базирующаяся как раз на М-с., их выявлении и оперировании с ними. М-с. питают *метафизику*, а метафизика как раз и занята осмыслением М-с., которые есть, которые обнаруживаются, но которые соглашаются лишь на свободное взаимодействие с человеком, оставляя за собой возможность внезапного ухода в трансцендентную метасмысловую даль.

Ю.М. ОСИПОВ

Метасмыслология

Метасмыслология — движение метасмыслов, равным образом и их специфическое осмысление, с ними конструктивное ментальное взаимодействие.

Если признавать не только *смыслы*, но и *метасмыслы*, которые, по крайней мере, суть смыслы смыслов, то явление этих последних, как и их выявление с восприятием, последующим осмыслением, с ними конструктивным взаимодействием, можно отнести к *метасмыслологии* (М-с-л.).

Последняя, с одной стороны — объективная реальность, реализующаяся на глубинном, ноуменальном, сущностном уровне, а с другой — субъективный способ познания данной реальности, а также способ с нею оперирования. Когда что-то происходит как бы само собой, а главное, непонятно как, то человек склонен, помимо обычного указания на случайность, представлять действие чьей-то скрытой, человеку неизвестной, им непосредственно не воспринимаемой, мистической воли, к примеру, Божией. Обозревая мысленно что-то подобное, человек замечает, что оно тоже порядочно обусловлено, даже предопределено, но как-то иначе, не так, как это видится человеку в случае со вполне логическими процессами. И в этой обусловленности внешне нелогичного событийного ряда человек обнаруживает какую-то внутреннюю логику — внешне вполне и нелогичную, однако не через последовательное исследование объекта, а посредством какого-то вчувствования в него, ведущего к проникновениям, озарениям и событиям.

Известно, что человек существует, что он есть, как и то, что человек ест, потребляет, физически воспроизводится. Все тут довольно логично, в общем-то и понятно. Но вот для чего все-таки существует человек, зачем он в итоге ест, потребляет, физически воспроизводится? И оказывается, что в такой постановке в бытии человека не только не заметно логики, но и вообще вместо логики получается что-то вроде какого-то ничто: никто из смертных не знает, зачем и для чего существует человек, во всяком случае за пределами своего физического воспроизводства. Выходит, что здесь никакой логики как бы и нет, но не потому, что она не видна, а потому, что ее вообще нет. Проблема логики тут снимается. Но... при раздумьях своих долгих человек все-таки улавливает присутствие какого-то целеполагания, заключенного в бытии человека, хотя бы при сравнении человека с обычным живот-

ным, с зеленеющим деревом, с твердым и неподвижным камнем. Внутримировая особенность человека, даже его относительная неотмирность, подталкивают к ощущению некой заданности бытия и уже поэтому какой-то заложенной в нем логики, однако уже не просто логики, а *металогики*, а вместе с нею и М-с-л.

Какой-то смысл тут есть, но это уже *метасмысл*, о котором можно кое-что сказать более или менее логично, но который все равно останется «каким-то», т. е. не до конца раскрытым. Есть существование — видимое и как-то понимаемое, довольно-таки логичное, а есть какое-то *сверх-* или *метасуществование*, которое, увы, не столь уже заметно, а главное, полностью и окончательно никому из смертных не раскрываемое. Не знает человек, зачем он, но чувствует, что зачем-то, старается это разгадать, до конца никак не разгадывая, но уже само ощущение какой-то цели, точнее, *метацели*, к ней причастности, согревает человеческую душу, ибо чувствует человек, что он все-таки «что-то» и что он должен «куда-то» непременно идти.

Взять то же *творчество*. Конечно, оно во многом логично, во всяком случае, в части своего практического совершения, но насколько логичны сами побуждения к творчеству, как и его результаты и следствия? Или те же войны: в них как буд-то хватает логики, еще и отраженной во вполне логичных воинских уставах, но если повнимательнее присмотреться к течению войн, даже отдельных сражений и боев, а главное, к истинным результатам и следствиям, когда выигравшие войну, случается, в итоге потом проигрывают, а проигравшие ее в итоге потом выигрывают, то так уж ли войны и их следствия логичны, так уж легко их воспринимать? А что, разве так называемые хозяйственные или экономические «чуда», вспышки развития и роста, как и, наоборот, не менее чудесные провалы и застои, тоже совершенно логичны и так уж просто объяснимы? Как, к примеру, логично и просто представить свершившееся в СССР-России в конце XX в. «преобразование» общественного и хозяйственного устройства, если, конечно, судить о нем не по внешней цели конкретных событий, а по внутренним готовностям и интенциям социума, по вызреванию самой возможности этого совершенно чудесного, при этом и абсолютно безнравственного, переворота: то ли это очередной в истории страны натиск западной экономики на российское хозяйство, то ли это неожиданный наскок капитализма на социализм, то ли это очередной «каприз» загадочного русского социума, и т. д. и т. п., а вопрос-то остается все время открытым?

М-с-л. имеет более всего основания и смысла в больших событиях и процессах, когда истоки последних прячутся где-то в глубинах бы-

тия, мотивы их трудно определимы, внешняя картина не предстает ни очень явной, ни вполне ясной. Видим, к примеру, что экономические параметры сложились такими-то, но вот почему, да и как их изменить, это уже из области *метафизики* с характерной для нее М-с-л. Вот та же инфляция: а кто знает, почему она вдруг, для чего, с каким возможным итогом, как с ней бороться, да и надо ли? И так почти по каждому параметру. А разве мало в экономической политике государства просто веры — не логического расчета, а именно веры? Иной раз М-с-л. дает о себе знать, когда человек управляющий не знает, что делать, и предпочитает дать волю «ходу вещей», успокаивая себя сакраментальным «Не навреди!». Так или иначе, но вокруг масса всего, что подлежит схватыванию и объяснению только посредством металогики, что касается как раз М-с-л.

М-с-л., наполненная самой реальной и реалистической *мистикой* — важнейшая компонента в реализации бытия, равным образом и важнейшее средство познания и управления. *Логика* — это когда одно вытекает из другого, не подвергая смысловому сомнению ни себя, ни этого другого; аллогика — когда что-то является само по себе, не взыскавая ни к себе, ни к другому; металогика — когда что-то является само по себе, ни из чего видимого и прослеживаемого не вытекая, но увязывая между собой одно, другое, третье и т. д. в возникающее дискретное целое.

Если творчество, к примеру, предназначено для решения конкретной полезной задачи, то тут все более или менее логично; если творчество ничем явным не мотивировано, то здесь, пожалуй, более уже аллогика; если же творчество осуществляется под давлением самого себя, реализует творческую потенцию человека независимо от конкретных потребностей его бытия, т. е. является творчеством от творчества, то здесь уже впору говорить о металогики, когда логика вроде бы есть, но ее в то же время и нет, она, по крайней мере, не сводится собственно к логике. Есть творчество как целеположенное деяние; есть творчество как ничем не обоснованный выброс инициативы; а есть творчество как мистический процесс, мотивируемый лишь чем-то уже совершенно трансцендентным. От логики до металогики, но при этом и от простой смыслологии, когда, грубо говоря, все понятно, до М-с-л., когда, уже с досадой говоря, ничего не понятно, может, и не один шаг, но вовсе не обязательно и бесконечность. М-с-л. непременно мистична, ибо она включает в себя нечто, что не поддается обыкновенной реалистической оценке, но в самом непонимании этого нечто заложено и его понимание.

Мало того, что в М-с-л. участвуют *метасмыслы*, но в своем движении они еще и подвержены *металогике*. Сплошное здесь, так сказать, *мета*. Неявные смыслы с неявной логикой! Некое движение неявностей посреди неявностей. Но все это так или иначе сопряжено с явленной реальностью, в ней непременно проявлено. По движению явленности можно судить о движении неявленности, как и наоборот. И что же здесь тогда определяюще: явленность или неявленность, а по другому, смыслы или метасмыслы, смыслология или М-с-л.? Ответить на такой вопрос однозначно вовсе не просто, да и вряд ли возможно: в самом этом вопросе, что нетрудно заметить, сидит все та же «мета»: кто здесь кого, в самом деле, опережает и гонит вперед: явленность или неявленность? Ясно, что есть какое-то взаимодействие, но кто же тут первый?

Любой последовательный физик ответит, что, конечно же, явленность, именно она тут впереди и задает тон, а если и есть вообще некая неявленность, то лишь как внутренний момент и неперменный результат явленности. Метафизик же будет склонен ответить примерно так: допуская, что неявленности вне явленности нет, более того, что явленность не может быть продуктом неявленности без участия самой явленности, можно в то же время утверждать, что это не мешает неявленности исполнять ведущую роль, но не столько в реализации явленности, сколько, если так уместно выразиться, в ее судьбе. С точки зрения текущей реализации бытия явленность может быть и первичнее неявленности, а вот в аспекте уже реализуемого качества бытия, его внутренней смыслологии, скорее неявленность первичнее явленности. Вне явленности смысла бытия неявленности нет, но это не означает, что неявленность не может играть определяющей роли. Бонапарт или Гитлер, начиная и ведя войну с Россией, действовали вполне логично, хотя в их решениях воевать уже был момент роковой металогичности, который они не прочувствовали либо от него просто отмахнулись, но постепенно уже в ходе войны стала набирать силу металогика, тащившая эти войны к роковой для их зачинателей развязке. Вот и получается, что логика логикой, а металогика, сыгравшая решающую роль — металогикой. Была логика войн, но имела место и их металогика, всегда берущая верх над логикой. Ни Бонапарт, ни Гитлер не ощущали в достаточной мере расхолодившейся с обычной смыслологией М-с-л., вбирающей в себя смыслы смыслов или большие смыслы, или мистические смыслы, хоть и относились к себе как к избранным сверхчеловекам (или метачеловекам, человекам с метой, от-меч-енным какой-то высшей силой — как раз той самой, богоборческой). То ли стратегическое чутье им вдруг изменило, то ли что-то влекло их помимо их воли,

то ли они не могли почему-то иначе: в любом случае — М-с-л., та самая, что за пределы войн как таковых далеко и выходит.

К какому бы событию в истории человеческой ни подойти, везде обнаруживается наличие метасмыслов, везде реализуется М-с-л. Недаром же, зная хорошо фактологию, в трактовке исторических событий столько расхождений: почему, для чего, с какой целью, а нередко и что же все-таки было, с каким именно результатом? Взять хотя бы реформы Александра II в России XIX в. Логичны вроде бы, нужны, даже и успешны, но предполагал ли царь-реформатор, что сработают-то они против него самого и его царства? Или тот же научно-технический прогресс: необходим, полезен, логичен, но что он все-таки знаменует и к чему он в конечном итоге ведет? Или же, к примеру, резкое повышение цены на нефть: что это, почему, с какой целью, а главное, с каким результатом? Разве можно ответить на все такие вопросы упрощенно логически? Нет, пожалуй. Тут надо обращаться к М-с-л., пытаться помыслить уже метасмыслами, помятуя об их заряженности трансцендентным.

Нужно заметить, что и в обыденности человек не проходит мимо М-с-л., пытаясь найти ответы на самые, казалось бы, обыденные вопросы, ибо замечает, что не так уж и логична явленность, не так уж она и понятна. И что интересно: строго логические ответы науки что-то не очень устраивают человека, пытающегося разобраться с интересующими его вполне обыденными вопросами: к философу он, может, и не обратится, а вот к какому-нибудь ясновидцу непременно, на крайний случай, к священнику или к главе какой-нибудь секты. Что же заставляет его это делать? Жажда ответа, который невозможно ни у кого и никак получить. А ведь это уже М-с-л., указующая на невозможность конечного ответа, разумеется, тоже метасмыслологического. Зачем же тогда М-с-л.? Лишь для того, чтобы не получив ответа, его получить, а получив ответ, знать, что на этот ответ есть и другие ответы, один из которых... и впрямь никакой!

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Россия в ожидании... очередного чуда*

Взяли почему-то... 13 лет, прибавили их к 2008 г. и решили, что в 2020 г. Россия должна стать пятой (!) страной в мире по объему... чего?... наверное... ВВП, который ныне можно определять и так, и этак.

Если цены на природные ресурсы, а соответственно, сырье и энергию, будут продолжать расти, что не исключается, ибо таков ответ природы и жизни на засилие финансовой экономики и постиндустриализма, — то Россия может выйти... ничего особенно инновационного не делая... и на первое место в мире, ежели, конечно, сохранится... как Россия, да и не в 2020 г., а и заметно раньше.

Так что считать надо бы не объем продаж, а объем произведенного продукта, да не в ценах только, а и физически, учитывая при этом и качественный состав производимого в стране продукта.

Да и в объеме ли ВВП тут проблема? Нет, не в объеме, а в стройности и качестве жизни, в самих ее человеческих измерениях, среди которых не одна лишь продолжительность жизни, а и человеческая, вполне и нравственная, реализация каждодневного бытия, в том числе и трудовая, творческая, социальная, одним словом — полноценная — от насыщенного настоящего и надежного будущего.

Хорошо, пусть хотя бы по объему ВВП, незнамо как ныне подсчитанного. Все-таки цель и, вроде бы, достойная: жить будем, наверное, лучше! Но за счет чего и кого?

Ах вот оно что, за счет иностранного капитала и преодоления гнусного национального эгоизма. Это как же? Сам иностранный капитал все и устроит? А интересы нации тут как бы и не причем? Глобализм превыше всего, а международный альтруизм всего милее?

Ребята, вы зарпортовались!

Такого не бывает! Германия и Япония работали в поте лица, получая некоторое время иностранную — от победителей — финансовую и

* Статья написана по итогам научного междисциплинарного семинара «Россия в час ожидания: идеология, политика, экономика» (Екатеринбург, апрель 2008 г.)

техническую помощь, но, совершив чудо и достигнув многого в своем развитии, где они теперь — Германия и Япония?

Быть развитым и богатым еще не значит быть... самостоятельным и перспективным. Поработав четверть века в поте лица, потом уже и живя полвека в свое удовольствие, Германия и Япония вдруг сегодня осознали, что... они уже не те, что были... не те уже в них германцы и японцы, не в том они духе, да и место им отведено какое-то не то, хоть и верхнее вроде бы, да вот... не высшее, все то же, что и до войны мировой было, ибо не любит глобальный центр-победитель властью и положением делиться, совсем не любит, даже ради послушных германцев и японцев.

А тут Россия, сдавшаяся просто так на милость... нет, не победителя даже, а, скажем так, прельстителя, им же колонизированная и... опущенная.

Ну и что, что у нас миллиардеры, но ведь колониальные же миллиардеры, и с исторической точки зрения... совершенно пустые. Денежные мешки и только! И деньги в мешках у них не свои, не российские, и мешки, пардон, заграничные, так что пустые они по сути, пустые: и деньги у них ненастоящие, и мешки, знаете ли, худые.

Да и государство у нас такое же: колониальное и с неперемнностью... пустое.

Так что... что же тогда ожидается в 2020 г., если не самое странное чудо, ибо работать, как когда-то германцы и японцы, да и те же россияне (русские в основном) при Сталине, мы не хотим и не можем: ни работников теперь, ни творцов, одни гедонисты (при этом колониальные!) да умники пиарщики (тоже колониальные!), а это все, увы, пустое.

Что ж, к 2020 г. многое изменится, это факт! Но что же тогда будет, с кем, в какой (той ли) стране? Чудо, возможно, и свершится, но какое?

Россия любит чудеса и в них истово верит: Революция 1917 г. — чудо; Гражданская война — неприятное, но чудо; нэп — чудо из чудес; сталинское преобразование — чем не чудо; победа в тяжелой мировой войне — настоящее чудо; послевоенное восстановление — вполне чудо; атомная бомба и выход в космос — неперемнное чудо; великодержавие — чудо; перестройка — дрянное, но тоже чудо; саморазвал СССР — поразительнейшее чудо; ельцинская реформа — опять же чудо из чудес, а лучше сказать, непревосходимое чудо; путинская стабилизация — пусть маленькое, но чудо; путинский самовластный кульбит — чудо, хоть и с недоумением. А теперь вот ожидание очередного чуда — взлетного!

Это как же? Коли население российское, — что народное, что элитарное, что среднечеловеческое, — жаждет только одного чуда — гедонистического, которое уже (!) в основном и состоялось, хоть и не для всех, да ведь для всех и не надобно?

Да-с, задача!

Э-эх, пора бы перестать пиар-чудеса-то конструировать, а... нет, конечно... не делом заняться (этого еще не хватало!), а хотя бы трезво на все вокруг посмотреть и... к строительству здоровой жизни потихоньку перейти... нацстроим заняться (то бишь домостроим), ну и развитием инновационным в придачу.

А ведь подобное строительство в задачу иностранного капитала да колониальных миллиардеров с колониальными же администраторами не входит, совсем не входит, не так ли?

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Проблемы науки и хозяйства в творчестве Л.Н. Толстого¹

Каждая цивилизация начинается с земледелия, а кончается голодом и бездельем.

Э. Сьоран

Чем меньше я верю в науку, тем больше боюсь ее.

Ж. Ростан

Знания научные не нужны нигде, кроме науки.

С.Н. Паркинсон

Наука не отвечает на все вопросы даже в кабинете следователя.

Х. Ягодзиньский

Л.Н. Толстой постиг науку глубже, точнее, всестороннее и конструктивнее, чем самые знаменитые европейские ученые, методологи и философы даже нашего времени.

Он самостоятельно и глубоко изучал существующие в его время науки не только по трудам ученых, но и через постоянное общение с крупнейшими деятелями науки. Так что Л.Н. Толстой хорошо знал внутренние и внешние проблемы науки, видел несомые ею блага и

¹ Размышления над книгой: Страсти по Толстому. Метафизическая драма великого писателя и мыслителя / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.; Елец: Изд-во Елецкого ун-та им. И.А. Бунина, 2005. — 320 с.

злотворные ее плоды. Он лучше и глубже ученых постиг дела и плоды науки, ее реальное, а не мнимое величие, ее подлинное, а не воображаемое назначение. И самое главное — он пророчески прозрел конечные цели, смысл науки, увидел главную опасность для науки в непонимании ею своего назначения, своих скрытых паразитов. Его анализ науки беспощаден, его приговор суров, но отмене не подлежит. И его крещение сциентизма как идеологии скопческой мысли остается в силе и поныне.

Но умственные скопцы, интеллектуальные иждивенцы, защищая свои извращения, распространяют и поныне расхожее мнение, что поздний Л.Н. Толстой вообще-де отвергал искусства и науки как пустые, ненужные и вредные занятия, которые паразитируют на трудовом народе. Это дикий, клеветнический и мстительный взгляд на одного из самых глубоких и покаянных мыслителей и пророков человечества².

Да, Л.Н. Толстой ушел из университета, не защищал диссертаций, не писал системных трудов по методологии науки. Но ведь не зря же его творчество изучают во всех университетах мира, пишут о нем самые различные диссертации. А какие университеты окончили Моисей, Христос, Будда, Конфуций, Сократ, Соломон, Магомет? И какие диссертации, какие труды по системной методологии написаны ими?

Л.Н. Толстой обладал благодатным чутьем, даже каким-то священным инстинктом истины, что позволяло ему разоблачать любые виды и формы паразитизма во всех областях жизни, труда, мысли и науки, срывать все и всяческие маски, в которых действуют ложь, суеверия, различные симуляции правды и справедливости. И со всей мощью

² Л.Н. Толстой сам ответил на эти обвинения: «Я не только не отрицаю науку и искусство, но я только во имя того, что есть истинная наука и истинное искусство, и говорю то, что говорю. ...Наука и искусство так же необходимы для людей, как пища, и питье, и одежда, даже необходимее. ...Наука и искусство — прекрасные вещи, но именно потому, что они прекрасные, их не надо портить обязательным присоединением к ним разврата. ...Люди науки и искусства под видом разделения труда и словом и, главное, делом учат других пользоваться посредством насилия нищетою и страданиями людей для того, чтобы освободить себя от самой первой и несомненной человеческой обязанности трудиться руками...» [1, 348, 338]. Важнее всего для людей, первейшая их обязанность, не допускающая никаких прав, — это сохранение и продление жизни. «Потому для того, чтобы защищать и поучать людей и делать их жизнь более приятной, надо сохранять самую жизнь, а между тем мое неучастие в борьбе, поглощение чужих трудов есть уничтожение чужих жизней. И потому безумно служить жизни людей, уничтожая жизни людей...» [1, 365]. Л.Н. Толстой со всей страстью своего возмущенного разума обрушился на величайшую и опаснейшую ложь онаученного человечества, искавшего соотношения целей и средств своего бытия. Жизнь — самоцель, а искусства и науки ее средства; поэтому именно они должны служить средствами жизни, а не жизнь — средством умножения, роста искусств и наук.

своего божественного дара он обрушился на паразитизм, который свил себе гнездо в науке, который преискусно защищен ее именем, авторитетом, методами, неся в себе неизбежную гибель науке и довершившимся ей людям³. Ну, а критика господствующего паразитизма, облаченного в самые разнообразные одеяния якобы полезной и необходимой деятельности, — самое опасное занятие, и единственное в своем роде, ибо никакой милости паразиты никогда не знают. Они будут сосать и сосать своего донора, пока не погибнут вместе с ним. И Л.Н. Толстой объявил войну религиозному, научному и культурному паразитизму, срывая с него маски просвещенности, образованности, прогрессивности. Особенно его тревожил и возмущал научный паразитизм, называемый сегодня ласкательно-снисходительным термином «сциентизм».

Итак, что и как мыслил Л.Н. Толстой о науке?

В своем исследовании проблем и язв науки Л.Н. Толстой, самобытно используя научный, религиозный, художественный и философский опыт человечества, выявил противоречиво роковую несовместимость современной ему науки и жизни. Он просто смело сказал то, о чем и поныне не отважится прошептать «научная» наука. А молчать нельзя было уже в начале XX в.!

И Л.Н. Толстой заговорил языком самой жизни и от имени жизни, убиваемой наукой. «Господа ученые! Неужели вы не видите, что все, к чему только прикоснется современная наука, обреченно на медленную

³ Возмущение религиозным паразитизмом лежит в основе критики Л.Н. Толстым христианства. Испытав в личном опыте страшную трагедию выбора — «или Бог и жизнь — или неверие и самоубийство», утверждая, что «знать бога и жить — одно и то же» [1, 151], Л.Н. Толстой не мог отрицать христианство и церковь. Он отрицал лишь псевдохристианство, псевдоцерковь. Ну, как можно понять, объяснить, принять тот факт, что ревнители Бога-Любви непрерывно воюют между собой, беспощадно истребляя друг друга, превосходя в своей ненависти все дохристианские верования. Столетняя, тридцатилетняя война, мировые войны! Мы до сих пор не знаем, какое истолкование этим побоищам может дать христианское богословие, христианская церковь. А взаимная вражда католицизма, православия и протестантизма! Как она согласуется с проповедью вселенской любви? Л.Н. Толстой считал, что эти противоречия являются горькими и неизбежными плодами предельно паразитического искажения христианской веры и церкви. «Не заблуждения церкви погубили ее, а отступление служителей ее от законов труда, выговоренное с помощью власти при Константине; их право праздности и роскоши породили ее заблуждения. С этого права начались заботы церкви о церкви, а не о людях, которым они взялись служить» [1, 337].

Л.Н. Толстой говорил страшные и неприемлемые для многих истины о том, что паразиты не имеют никаких прав даже произносить слово «Бог», ибо Бог — величайший труженик, создавший мир и непрерывно печется об его сохранении. А дьявол, будучи обезьяной Бога, лишь паразитирует на чужих трудах; поэтому когда паразиты молятся Богу, они фактически молятся дьяволу, дабы он продлил их паразитическое бытие.

деградацию и гибель. И не нужно убаюкивать себя баснями о благах, чудесах и возможностях научного прогресса, ибо прогресс этот малым добром творит большое зло, которое сама наука не в состоянии исправить. Наука превратилась в сверхбиологического макропаразита, пожирающего саму жизнь. Технологическая экспансия науки лишает человека кислорода, воды, плодородной почвы, разрушает его генетическую идентичность, предлагая взамен нечто искусственное и нежизнеспособное. Почему вы, ученые, молчите о пагубности вашего дела? Неужели вы не видите, что прикосновение науки к любому предмету сродни поцелуям дьявола и смерти? Или вы надеетесь на то, что вас минует сия чаша научной пагубы? Но ведь надежда — это не научный факт, а моральный суд; в то же время — это и священный приказ истины, которая за ваши дела не пощадит вас ни живых, ни мертвых!»

Несовместимая противоречивость духа, науки и жизни была оглашена и западноевропейской «философией жизни» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель и др.). Но если философия жизни искала выход из этой неразрешимости на путях иррационализма и бессознательного, то Л.Н. Толстой искал и нашел выход на пути конкретного, целостного рационализма, носителем которого выступают коллективные (соборные) субъекты труда, творящие и хранящие своим хозяйственным искусством жизнь, ее смыслы и ценности. Для него было очевидно, что как отрицание науки, так и признание ее в качестве основной творческой силы жизни в равной мере пагубны для современной цивилизации. Выход нужно искать в Ином.

Благородное величие Л.Н. Толстого состоит в том, что он не просто обнаружил эту внутреннюю противоречивость современной науки, не просто подверг ее уничтожающей критике, но и нашел разрешения неразрешимых для науки ее же противоречий.

Видоизменяя уже сложившуюся традицию, Л.Н. Толстой выделяет *естественные (опытные), общественные и умозрительные науки (философия, метафизика)*.

Но над всеми этими науками возвышаются и громко кричат на весь мир о своей незаменимой полезности науки-паразиты, которые Л.Н. Толстой презрительно называл полунауками [1, 125]⁴.

⁴ С большой тревогой об этом же писал и Ф.М. Достоевский: «...Полунаука... самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, неизвестный до нынешнего столетия. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонилось с любовью и суеверием, до сих пор немислимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему» [2, 199].

В опытных науках Л.Н. Толстой выделял часть достоверного, истинного знания. Эти науки изучают материальные и движущие причины вещей (что есть и как есть?), не касаясь смыслов, конечных целей жизни, ибо идеальные и духовные явления их методам не подвластны. И все же опытные науки не могут допустить, чтобы ответы на вопросы о целях и смысле жизни приходили из других источников, ибо отсутствие в их сфере таких ответов обесценивает даже их точные знания. Поэтому они или отрицают эти идеальные силы, или же говорят о них такие циничные мнимости, несообразности, которые сразу же их научность превращают в полунучное и наукообразное суесловие. Например, опытные науки могут строго и точно лишь сказать, что жизнь — это сцепление частиц-атомов. «Ты — случайно слепившийся комочек чего-то. Комочек преет. Прение этот комочек называет жизнью. Комочек раскочится — кончится прение и все вопросы» [1, 127].

Сегодня наука ищет суть жизни в спиральных ДНК, хранящей хромосомы, генетический код жизни. Но вот беда: у мертвого все эти спирали со своими кодами остаются, а жизнь уходит, улечувивается. Не совпадает, никак не совпадает жизнь с хромосомами и ДНК! И Л.Н. Толстой видел, что опытные знания, чем менее они касаются духовных сил человека, чем менее они нужны людям, чем менее отвечают на их жизненные вопросы, тем более они точные и ясные. [1, 126]. Поэтому опытные науки взваливают на человека массу ненужных сведений, всячески доказывают их полезность и благость, чтобы заменить ими смысловые вопросы жизни.

В итоге своих ложных усилий они создают некую искусственную идеологию жизни, которая резюмируется в слове «прогресс». Все развивается, совершенствуется, а научные знания — источник и движущая сила прогресса. Л.Н. Толстой возмущенным разумом русской культуры вскрывает, что прогресс — это «суеверие, которым люди заслоняют от себя свое непонимание жизни» [1, 123]. В муках и страданиях умер молодой брат писателя. И никто, никакой прогресс не сможет ответить: «Зачем он родился и жил? Зачем умер? Куда исчез?». Прогресс заслоняет своими иллюзиями и призраками ясную неотвратимость этих же вопросов для всех людей, цинично оправдывая чудовищные насилия, жертвоприношения людей и детей на черный алтарь неведомого им божества. Л.Н. Толстой показывает, что незнание самого важного и главного, т. е. незнание исходных и конечных пунктов развития мира, смысла человеческой жизни, прогресс превращает в некий неявный и абсурдный догмат, который вопреки очевидным фактам принудительно навязывает людям свою алчную суеверность.

Поэтому опытные науки нужно строго разделять на собственно науки, занятые тяжелым и кропотливым трудом добычи полезных и благих знаний, и на полунауку, занятую пропагандой мнимой благодати прогресса, его ученых жрецов, сокрытием растущего насилия над трудящимися. Тем самым полунаука становится паразитом, живущим за счет подлинной науки и неотвратимо пожирающей ее организм. А поскольку быть глашатаем прогресса проще, легче и более престижно, чем заниматься научным и физическим трудом, то число его поклонников быстро умножается и подлинная наука уже теперь для них становится опасной, ибо может разоблачить их паразитизм на духе и теле народа. И прогрессивно мыслящие ученые, как правило, ничего не зная о жизни и в жизни, умеют зато учить других людей неизвестно какой жизни. Л.Н. Толстой не склонил своей головы перед жрецами прогресса, назвав их суеверие сумасшествием.

Но если в опытных науках все же есть часть достоверного знания, на котором паразитируют псевдонауки, то в общественных науках Л.Н. Толстой вовсе не находит какого-либо ясного, честного и полезного знания. Почему?

Общественные науки, не зная целей и смысла жизни, не умея подступиться к отдельному человеку, подменяют их изучение такими еще более неопределенными и неопределимыми величинами, как общество, человечество, история. Не зная и не понимая человека как личность, общественные науки придумывают законы и правила сразу для всего общества и человечества, насильственно затем принуждая индивидов жить по своим искусственным уставам, создавая для поддержки и осуществления этого насилия массу институтов и организаций. Это все равно, как если бы человек, не умея считать до ста, взялся бы считать до миллиона, полагая, что таким путем он легче научится считать до сотни. Такого человека все сочли бы безумным. Но когда таким же образом действуют историки, юристы, экономисты, социологи, лингвисты, психологи, то они считают себя серьезнейшими учеными-обществоведами, а свои безумные занятия — общественными науками. Л.Н. Толстой сокрушается: «Я долго жил в этом сумасшествии, особенно свойственном, не на словах, но на деле, нам — самым либеральным и ученым людям. ...Теперь мне ясно, что разницы с сумасшедшим домом никакой не было; тогда же я только смутно подозревал это, и то только, как и все сумасшедшие — называл всех сумасшедшими, кроме себя» [1, 138, 112].

Ничего не зная и не понимая в проблемах добра и зла, нужного и ненужного, вредного и полезного, справедливого и несправедливого для человека, общественные науки становятся орудием государствен-

ного, экономического, правового, психологического и другого насилия, сами незаметно превращаясь в разновидность инквизиторского тестирования и преследования людей.

Особенно зловредной Л.Н. Толстой считает политическую экономию, которая является главным предводителем всех псевдонаук. Эта псевдонаука трактует о земле, законах, деньгах, капитале, рынке, богатстве, но всячески обходит коренной вопрос всей общественной жизни, вопрос о чудовищном насилии, посредством которого власть и богатство выют из людей веревки, которыми их затем и удушают, если они уклоняются от их воли. «Но удивительно то, каким образом наука, так называемая свободная наука... пресерьезно разбирает законы экономической жизни народа, все отправления и вся деятельность которого зависит от воли поработителя, признавая это влияние поработителя естественным условием жизни народа» [1, 266, 267], т. е. объективным и необходимым фактором его бытия. И занимается апологетикой зла и насилия политическая экономия «не от глупости, а от большого ума. Наука эта имеет очень определенную цель и достигает ее. Цель эта — поддерживать суеверие и обман в людях и тем препятствовать человечеству в его движении к истине и благу» [1, 267—268]. Но зло от этой науки гораздо более глубокое, чем от других наук и почти не поддается разоблачению и одолению. Превращая насилие, рабство из неестественных, аномальных состояний в нечто естественно и объективно нормальное, политическая экономия закладывает ложь и зло в фундамент мысли и сознания, извращает их, делая их неспособными к понятию человеческой жизни. Эта якобы наука и ее жрецы получают сполна за ложь и словопрения, а истину и справедливость они третируют бесплатно, не допуская проникновения этих спасительных идей в умы и сознание трудящихся⁵.

⁵ Положение ничуть не изменилось и в наши времена. Масса онаученных экономистов изучают, изучают вдоль и поперек экономическую жизнь; и чем больше они ее изучают, тем более она становится запутанной и непонятной не только для рядовых ее объектов, но и для ее генералов-субъектов от науки. А все дело в том, что эта наука не рассматривает НАТО и евроамериканскую глобальную бюрократию в качестве именно экономических факторов, которые определяют, вернее, диктуют все структурные, функциональные и целевые параметры современной экономики. «Невидимая рука» А. Смита стала сегодня уже видимым глобальным монстром, но многомудрые ученые на то и ученые, чтобы отучать людей не видеть очевидного. Ну, как можно назвать науку, изучающую львов и тигров в цирке, описывающую их потребности, рационы, их львиное и тигриное поведение, их работу на арене, и при этом считать цирк, дрессуру, кнут и пряник естественными условиями жизни этих звериных царей? Экономическая наука изучает свой предмет вроде того ученого, который объяснял экспериментальное поведение кроликов естественными условиями кроличьего бытия, а эксперимент и замыслы экспериментато-

С помощью общественных наук «люди повергнуты в рабство самое ужасное, худшее, чем когда-либо; но наука старается уверить людей, что это необходимо и не может быть иначе» [1, 268]. Можно сделать человека рабом, чинить над ним любое насилие, заставить его делать самому себе зло. Но нельзя заставить человека думать и признавать, что все учиняемое над ним зло есть высшая свобода и истинное благо. «Это кажется невозможным, а это-то и сделали в наше время с помощью науки» [1, 269].

Общественные науки доказывают, что насилие над людьми необходимо для государства, государство же необходимо для защиты свободы и блага людей, а в итоге приходят к нелепости, что насилие над людьми необходимо для их же свободы и блага. Поэтому общественные науки оказались в западне: или отказаться от логики и стать безумием, или же признать логику и отказаться от своих ложных оснований, признать противоестественность зла, насилия и объявить им научную войну.

Но общественные науки нашли «третий» путь своего процветания, сочетающий в себе скрытую ложь и незримое насилие. Это — путь паразитизма и суеверия. Люди, не участвующие в производительном труде, но незаконно пользующиеся его плодами, издревле назывались ворами и преступниками. Часть этих людей религии и философия временно оправдывали, называя их жрецами, дворянами, духовенством. Теперь появилась новая часть этого люда, который живет лжетрудом, лжетворчеством, но который сам себя оправдывает, называя себя учеными, людьми науки.

Л.Н. Толстой увидел, что наука становится суеверием, «вероучением научным», которое скрывает от людей и от ученых предательство интеллектуалами интересов труда и жизни. Наука внушает людям недоверие к совести, морали, требуя безоговорочно верить в науку. «На опытной, критической, позитивной науке теперь зиждется оправдание всех людей, освободивших себя от труда». Наука «теперь стала раздавательницей дипломов на праздность...» [1, 330, 313]. Но именно

ра считал составной частью этих естественных условий. Современная экономика именно такова, каковой ее желает видеть воля мировой бюрократии и НАТО, а не такова, какой ее видят сами экономические кролики. Да вот беда! Львы и тигры в этих естественных условиях почему-то очень плохо размножаются, настолько плохо, что каждый родившийся в неволе левенок и тигренок — это мировая сенсация. Но ведь и экономика, и экономические люди тоже хиреют не от своей естественности, а от пагубного воздействия внешних сил, принуждающих людей хозяйничать по законам экономического цирка Европы.

это оправдание праздности, паразитизма, лжетворчества сделало политическую экономию и вместе с нею всю науку невменяемыми и неисправимыми орудиями зла. Они учат не только своими теориями, но и делами. А учат они тому, как пользоваться посредством насилия и лжи жизнью других людей.

Даже если такая наука и станет на сторону трудового народа, то никаких иных благих целей и смыслов жизни, кроме разрушительных революций, она предложить людям не сможет, ибо ее дух насквозь отравлен злом и насилием, которые наиболее ярко выплескиваются наружу посредством революций. Поэтому победившая в России революция и создала по науке для трудящихся такой экономической ад, из которого и поныне никто не может найти выход. А не могут найти выход лишь потому, что ищут его с помощью той же науки, которая этот же ад устроила, питается им, и максимально заинтересована в сокрытии адских источников общественного безумия и своего паразитизма.

Но долгое время быть апологетом лжи, несправедливости, зла возможно лишь для князя мира сего, но для науки, и даже для псевдонауки это невозможно. Все же неотвратим закон этого пути: «Принявший ложь от лжи погибнет!». И политическая экономия вместе со всем своим крыловским ансамблем псевдонаук сама становится жертвой своего абсурда и безумия, вовлекая в кровавые катаклизмы доверившихся ей людей.

Л.Н. Толстой показывает, что науки и искусства на службе богатства неизбежно становятся всемирными аферами, в которых мошенники всех мастей в целях наживы поставляют государству и народу псевдознания, псевдооткрытия, псевдокрасоту, псевдолитературу, вытесняя и заменяя собой истину, красоту, подлинную науку.

В то же время на пути обретения этих псевдонаучных навыков и умений происходит необратимая деградация научной молодежи. Чем дальше молодые люди продвигаются по неведомой им научной стезе, тем больше теряют они всякие критерии добра и зла. Чем больше усваивают они жаргон условных научных выражений, «тем больше и больше лишаются они способности не только самостоятельно мыслить, но понимать даже чужую, свежую, находящуюся вне их талмуда человеческую мысль; главное же, проводят лучшие годы в отвыкании от жизни, т. е. от труда, привыкают считать свое положение оправданным и делаются и физически ни на что не годными паразитами, и умственно вывихивают себе мозги и становятся скопцами мысли. И точно также, по мере оглупения, приобретают самоуверенность, лишаящую их уже навсегда возможности возврата к простой трудовой жизни, к простому, ясному и общечеловеческому мышлению» [1, 332].

Ученые — скопцы мысли! Жуткое клеймо! Господи! Доколе будет продолжаться такое глумление над мыслью и разумом?

Более снисходителен Л.Н. Толстой к умозрительным наукам, хотя и они вносят свой вклад в общую погибель людей. Но все же философы и метафизики, как правило, не жировали, а бедствовали, проповедуя к тому же почти что аскетический образ жизни. Но Л.Н. Толстой снисходителен к ним по иной причине. Дело в том, что философия рассматривает мир и человека в их отношениях к бесконечному, вневременному, беспричинному началу. Поэтому она может правильно поставить основные вопросы человеческой жизни: «Что такое мир и Я? Зачем мир и Я?». Философия — единственная, пожалуй, наука, которая не только ясно ставит эти вопросы, но столь же ясно и отвечает на них: «Не з-н-а-ю!». Все ценность философии в том, чтобы хранить эти вопросы в чистоте и сохранности, разоблачая ложность всех научных ответов на них, косвенно намекая о некоей мудрости, которая все же имеет ответы на эти вопросы. Если же философия пытается прямо и научно отвечать на них, выдвигая в качестве причины беспричинных (!) начал материю, дух, бессознательное, прогресс, субстанцию, то она сразу же становится псевдомудростью и умственным развратом.

Итак, каков смысловой баланс разбора Л.Н. Толстым научных пождений ученых людей, ученых чичиковых?

Опытные науки посредством малой пользы приносят большую ложь и большое зло. Приносимая ими польза дает им малое основание считать себя науками, но приносимое ими большое зло делает их полунауками, воображаемыми науками. Опытные науки, втискивая разум, добро, мораль, справедливость в цепи мертвых и механических причин, фактически отрицают смысл жизни людей, а вместе с ним и свою собственную полезность. Эти науки дают хорошие ответы на вопросы, которые сами же они и ставят; а на вопросы о справедливой, праведной жизни ответы их совсем негодны.

Общественные науки, подменяя добро, мораль, справедливость абстракцией неведомого им человечества, дают ложное, извращенное истолкование жизни людей, представляя и оправдывая насилие, паразитизм в качестве объективного фактора экономики мнимыми законами разделения труда. Их нельзя даже назвать полунауками, ибо в них нет никакого ясного и непротиворечивого знания. Они плохи своими вопросами и вредны своими ответами. Умозрительные же науки в качестве высшей и несомненной истины доказали, что истина науке недоступна, а ложь ее разрушает или превращает в орудие насилия. Они хороши своими вопросами и хороши отсутствием ответов на них, но вредны своими мнимыми ответами. Совместными же усилиями опыт-

ные и общественные науки сотворили теорию эволюции и прогресса, который оправдывает перерождение науки в полунауку, скрывает возникновение нового сословия паразитов, новых форм симуляции труда и хозяйства.

Естественные науки изучают движения частиц, тел, организмов, создают технологии, оружие, средства уничтожения женского плодородия; общественные науки изучают экономические, социально-политические, правовые институты, культуры, чтобы скрыть осуществляемое посредством них насилие; умозрительные науки хранят вопросы, на которые они не могут ответить. Но все эти науки не могут даже приблизительно ответить на главные вопросы человеческой жизни: «Зачем родился человек? Зачем живет? Что для него нужнее всего? В чем его благо и добро? Зачем умирает? Куда исчезает?».

Л.Н. Толстой подчеркивает, что без ответов на данные вопросы «не может быть никаких настоящих наук и искусств, ибо предметов наук и искусств *бесчисленное* множество; и без знания того, в чем состоит назначение и благо всех людей, нет возможности выбора в этом бесконечном количестве предметов, и потому без этого знания все остальные знания и искусства становятся, как и они сделались у нас, праздной и вредной забавой» [1, 350—351].

Л.Н. Толстого всегда поражала врожденная слепота науки, которая не замечает того ужасающего факта, что она изучает мир, живое, человека с точки зрения мертвого, неживого, убиенного и убиваемого. Полунеоосознанно она стремится обрести знания о мире и вещах, а полунеоосознанно она глядит на них глазами горгоны Медузы, инфицируя их вирусами гибели и смерти, активизируя в них силы саморазрушения и самоотрицания. Наука для Л.Н. Толстого — это поцелуй смерти.

С какой-то демонической пассионарностью, с неподдельно безумным восторгом эту тайну науки затем огласил В.И. Ленин: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, не огрубив, не разделив, *не омертвив живого*. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и *всякого* понятия. И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство и борьба противоположностей» [3, 33]. И вся эта возвышенно жуткая муть высказана о сознании, мысли, чувствах человека; все они, оказывается, несут в себе эликсир смерти, окропив и умертвив которым познаваемые предметы, их только и можно будет познавать!

Поразительно! Кто это, «мы», занятые омертвлением живого? Если познание, вообще, сознание, мысль, ощущения омертвляют познаваемое, то какова жизненная, жизненная, а не мертвящая роль этих идеальных органов и добываемого ими знания? Зачем к неизбежной смерти добавлять еще искусственную? И какое благо может нести живым людям мертвечина в облике точного знания? Да и знание ли это или же его призрак безобразный? А где, в каком познании, и как должно (или может) происходить оживление омертвленного, ну, хотя бы во благо диалектики и ее догмата о единстве противоположностей?

Если знание действительно омертвляет живое, тогда сам познающий субъект предстает в качестве служебного средства смерти; если субъект чувствует, воспринимает себя в качестве мертвого, мумии, тогда права Библия, считающая познание истоком греха, гибели, смерти и дьявольщины. И тогда мы имеем дело не со знанием, а с черной магией, в которой познающий субъект выступает как всемогущий и всезнающий маг, но который знает истину не живого, а мертвого, паразитирующего на живом. И тогда познание действительно есть безболезненное убийство, блаженное умертвление познаваемого для нужд владыки мрака и тени смертной.

Если же познание не омертвляет познаваемые предметы, а соучаствует в них как их законная сила, тогда оно становится высшим действием самой жизни, питающей человека сакральными энергиями вечности. И тогда субъект познания становится уже не просто ученым, а благодетелем человечества, раскрывая и творя смыслы жизни. Но тогда современная наука должна возвратиться в лоно первоначальной науки человечества и поверить ценностями истины и справедливости свои знания и цели.

Но если учесть, что раздвоение единого на противоречия — это принцип не только диалектики, но и лукавого, то все сходится по Ленину. Мертвое паразитирует на живом, внушая посредством диалектики простым умам, что поскольку мертвое невозможно без живого, то и живое-де никак не может обойтись без мертвечины. А, проникнув в науку, мертвое посредством одиалектической науки питается жизнью ничего не ведающих об этой черной магии трудящихся людей. Л.Н. Толстой же всю эту инфернальную диалектику просто именовал полунаукой, воображаемой, преступной наукой и новым суеверием. Действительно, а как же иначе назвать науку, которая посредством диалектики оправдывает не только борьбу, но и органически задушевное единство живых существ и их паразитов?

Поэтому конкретный рационализм Л.Н. Толстого, ратуя за науку для жизни (а не за жизнь для науки), превосходит своей жизненной

научностью даже самый смелый и отчаянный научный утопизм. Он спас идеи «наука» и «теория» от мертвящей пагубы интеллектуальных паразитов, скрывающихся за этими возвышенными словами.

Итак, Л.Н. Толстой доказал, что почти все науки, вернее, то, что провозглашает себя науками, за небольшим исключением опытного знания, на деле вовсе не науки, а полунауки и социальные суеверия, которые профессионально охраняют ложь, паразитизм, скрывая и оправдывая свое участие в насилии власти и богатства над трудовой жизнью. В то же время Л.Н. Толстой выступал пламенным защитником подлинной науки. Что имел в виду возмущенный разум нашего пророка?

Л.Н. Толстой видел, что смысл и суть науки нельзя понять, исходя из нее самой и из ее представлений о себе. Объективно науку можно понять и оценить лишь в сакральном контексте, который только и хранит в себе истинное соотношение целей и средств человеческой жизни.

Л.Н. Толстой различал науку как всеобщую творческую рациональность человеческой жизни и частичную, искусственную рациональность современной науки, которая служит не жизни, а средствам жизни — богатству и власти; и в этом служении наука незаметно искажает свою суть, становясь орудием лжи, насилия, войны, паразитизма, становясь врагом жизни и соавтором антижизни. Поэтому Л.Н. Толстой считал, что науку нужно спасать от ее же собственных врагов и паразитов, превращающих гордый разум и логику в слуг князя тьмы и смерти.

Л.Н. Толстой требует, прежде всего, логически развести всеобщее понятие науки с ее отдельными видами. Нельзя отождествлять науку даже с математикой и естествознанием, как нельзя отождествлять дерево с дубом и кленом, как нельзя отождествлять пищу с картофелем. Объем понятия «наука» шире ее отдельные видовых проявлений, среди которых могут доминировать и уродливые виды. Точно так же понятие «дерево» охватывает помимо дуба и клена массу еще и других своих типов, а понятие пищи совпадает с картофелем лишь для тех, кому иная пища недоступна. Но нельзя и разрывать роды и их видовые формы, а нужно находить их объективные и естественные связи.

Далее, Л.Н. Толстой требует в оценке науки опираться на истинные соотношения целей и средств человеческой жизни. Все науки и искусства — это всего лишь средства жизни, а не ее цели; цели же вообще не люди выбирают, ибо они даются вместе с самой жизнью, а избираемые человеком цели взаимоотрицают друг друга, превращая в итоге своих избирателей в бесцельные существа.

Родовую специфику науки Л.Н. Толстой видит в том, что она, прежде всего, *рационально* проясняет, уточняет людям цели и смыслы их жизни, критерии добра и зла, справедливого и несправедливого, определяет полезное и вредное, необходимое и ненужное.

Только после обретения главных знаний о целях и смысле жизни науки могут успешно трудиться над изобретением *средств* облегчения, облагораживания жизни. Именно ради решения этих задач наука ищет и раскрывает законы материального и духовного, объективного и субъективного, эмпирического и теоретического опыта трудовой деятельности людей в их соотношениях с природой, обществом, властью, с высшими духовными силами правды и справедливости. Именно для решения этих задач наука вырабатывает, создает специальные *методы* рационального познания, которые должны быть общедоступны для изучения.

И, наконец, наука должна выражать добытые знания в ясной понятной *форме*, допускающей логически разумную их проверку другими людьми. Ибо на всем разумном, истинном, добром, необходимом и справедливом всегда стоит печать чарующей ясности и простоты, а все ложное, несправедливое, излишнее всегда скрывается в обликах сложности, запутанности, туманности, неясности, а потому и трудно постижимо, если вообще постижимо, ибо постигать-то нечего. «Все необходимое — легко, а все трудное — излишне» (Эпикур). Только такое целостно всестороннее знание, согласно Л.Н. Толстому, достойно называться наукой⁶.

Современная же наука, по Л.Н. Толстому, является лишь мизерной, к тому же извращенной и развращенной, частью рационально разумной деятельности всего человечества, выделяющего в сферу науки свои лучшие интеллектуальные и моральные силы. И эта извращенная часть, установив монополию на науку, теперь отрицает все науки, которые не соответствуют их паразитическому образу жизни, неустанно искажает сам смысл и назначение науки.

А на деле, «наука, в смысле всего знания, приобретенного человечеством, всегда была и есть, и без нее немислима жизнь; и ни нападать на науку, ни защищать ее нет никакой возможности. ...Наука и искусство дали много человечеству, но не потому что служители их имели

⁶ Подобное понятие науки было развито Аристотелем, который доказал, что наукой может называться лишь такое знание, которое раскрывает и содержит в себе иерархию целевых, формальных, движущих и материальных причин. Например, камни — материальная, деятельность строителей — движущая, проект архитектора — формальная, воля хозяина — целевая причина дома. И только такая полнота причин превращает знание в науку, где истина, польза и цель совпадают.

изредка прежде и теперь всегда возможность освободить себя от труда, а потому, что были гениальные люди, которые, не пользуясь этими правами, двигали вперед человечество» [1, 349, 337].

О, как прав наш пророк-рационалист! Бесконечное количество изучаемых предметов дает на выходе бесконечное число возможных наук. И чтобы не потеряться в этой бесконечности, нужно знать, что нужно всего знать в первую очередь. А знать нужно то, в чем благо, смысл и назначение человека, чего хочет, требует от него создавшая и сохраняющая его сила. И именно это первознание блага и назначения человека определяло, что, как и сколько нужно знать человеку. «И это-то руководящее всеми другими знаниями знание люди всегда называли наукой в тесном смысле. ... Человечество жило-жило и никогда не жило без науки о том, в чем назначение и благо людей» [1, 350, 351]. И эту науку люди всегда называли мудростью; и развивали ее Моисей, Сократ, Христос, Будда, Магомет, вообще религии. Л.Н. Толстой со всей смелостью своего дерзномыслия и своей научной совести не просто заявляет, а доказывает, что у всех народов считалось единой наукой то, что «теперь у нас презрительно называется религией» [1, 353]. Подлинной, всеобщей и первой наукой является именно религия, которая устанавливает главное благо-назначение жизни людей, главные их обязанности в отношении к нему. Именно эта первонаука-религия приручила первых (и последних!) животных, вывела первые (и последние!) злаки, создала язык, числа, открыла железо, тайны зодчества, законы кораблестроения и навигации, установила первые незыблемые императивы морали, совести. Последующая якобы чистая и научная наука ничего жизнестроительного не прибавила к этим миротворным открытиям, сохраняющим и берегущим человека. Наоборот, она объявила эту первонауку человечества дикостью, варварством, темнотой и невежеством, хотя она сама в глазах этой первонауки, знанием которой жили и живут миллиарды людей, на знании которой паразитирует современная научность, является неким несообразным и опасным призраком.

С эпохи Возрождения европейцы стали утверждать, что именно эта первонаука мешает всем людям правильно и хорошо жить. А потому ее нужно отвергнуть и создать «самую точную научную науку», «науку обо всем», кроме... кроме науки о высшем благе человека.

Л.Н. Толстой разбивает в щепы самое опасное и ядовитое оружие, придуманное наукой Нового времени против истины и человечности. Речь идет о якобы абсолютной несовместимости религии и науки. Для Л.Н. Толстого здесь вовсе нет никакой проблемы, ибо религия есть наука об истинном благе людей, а наука есть та же религия, опреде-

ляющая истинные средства достижения высшего блага. Религии, противопоставляющие себя науке, вовсе не религии, а суеверия, псевдорелигии, скрытые науки зла. Науки, которые противопоставляют себя религии, вовсе не науки, а псевдонауки, суеверия, своего рода религии зла. За противоречием религии и науки стоит война двух паразитов (суеверия и псевдонауки) за право монопольного сосания своих доноров. Вот почему в XX в. с подачи псевдоучености «люди отрицают всякую науку, самую сущность науки — определение того, в чем назначение и благо людей, и это отрицание науки называют наукой» [1, 351]. Поэтому для Л.Н. Толстого современная наука в точном и строгом смысле слова есть отрицание подлинной науки и жизни. Пусть кто-либо попробует опровергнуть этот вывод!

Но люди безумны и глупы как дети, которые, разобрав часы, удивляются, а почему это они не работают. Разрушив веру, эти же глупые и безумно взрослые дети затем спрашивают, а почему это вдруг жизнь теряет смысл, останавливается? Ответ Л.Н. Толстого гласит: «Вера есть сила... знание смысла человеческой жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит... Без веры жить нельзя» [1, 141]. Да и умирать без веры тоже нельзя, ибо иначе не избежать вечного скитания призраком безобразным.

Но Л.Н. Толстой пошел дальше. В самом возникновении вопроса о смысле жизни в недрах христианской цивилизации он увидел и серьезнейшее предупреждение самому христианству, которое ведь и возникло как ответ на этот вопрос. В этом же вопросе он увидел грозное предзнаменование для сословия богатых и образованных, которые, живя бессмысленной и безумной жизнью паразитов, закрывают от трудящихся смысл жизни, провоцируют их на то, чтобы они искали этот смысл на путях революционного возмездия⁷.

И если люди в этой словесно христианской цивилизации все еще живут, значит, несмотря на то, что они покинули свою веру, свое божественное назначение, Бог и вера еще не покинули их, еще не ушли от них, еще надеются на них... И для этого изредка посылают им вечного Л.Н. Толстого, который в который уже раз снова и снова создает

⁷ Л.Н. Толстой еще в 1884 г. предупреждал правящие классы: «Рабочая революция с ужасами разрушений и убийств не только грозит нам, но мы на ней живем уже 30 лет и только пока, кое-как разными хитростями на время отсрочиваем ее взрыв. ...Давящие народ классы, кроме царя, не имеют теперь в глазах нашего народа никакого оправдания; они держатся все в своем положении только насильем, хитростью и оппортунизмом, т. е. ловкостью, но ненависть в худших представителях народа и презрение к ним в лучших растут с каждым годом» [1, 379]. Однако, крайне важно, что царь для Л.Н. Толстого стоит вне кланов грабителей и насильников.

спасительную науку, науку о спасении человека и науки, науку преображения веры в истинную жизнь, в жизнь по истине и для истины.

Для Л.Н. Толстого настоящими учеными могут быть очень немногие люди, которые не могут не мыслить, даже если бы и очень возжелали этого, которые в равной мере стали личностными орудиями Бога и мысли. Наука, отрицающая религию, фактически пытается обойти, обмануть нравственную жизнь, уничтожить ее путем изобретения универсального средства против женского плодородия. Такую науку Л.Н. Толстой считает содомским грехом, ибо в ней разум пытается рожать знания из знаний без участия в хозяйственной жизни человека.

Поразительно и невероятно! Л.Н. Толстому приходилось защищать даже ценность научной теории в полемике с самими же учеными, которые прятались от толстовской критики научного паразитизма за простодушно-коварной формулой: «В качестве теории идеи графа Л.Н. Толстого истинны и прекрасны, но реально на практике они неосуществимы».

Л.Н. Толстой прямо-таки выходил из себя от таких наглых, идиотски развязных и отвязных рассуждений ученых людей. Да, пылающие слова писателя невыносимы для любого честного человека и ученого, требуя от них немедленно какого-то реального действия. Л.Н. Толстой даже в самых своих реалистических увлечениях все же очень, даже очень высоко ценил теорию, теоретическое знание, каждый атом истины научных теорий. Поэтому он и стал на защиту высшего плода разума и научной мысли.

Аргументы нашего ученого мыслителя просты и неотразимы. Что есть теория? Понимание предмета, с которым имеет дело ученый, да и любой человек. «Теория — ведь это то, что человек думает о предмете, а практика — это то, что он делает. Как же может быть, чтоб человек думал, что надо делать так, а делал бы наоборот?» [1, 275]. Так теория хлебопечения гласит, что сначала нужно вспахать землю, посеять, скосить, обмолотить, смолоть зерно, замесить муку, выстоять тесто, а затем испечь хлеб. Наоборот поступают только преступники и мошенники, воруя хлеб у тружеников или же отнимая его посредством обмана и насилия. Поэтому истинная теория, которая практически не применима, фактически означает одно из двух: или это не теория и не истина, или же люди, которые должны применять эту теорию, сами занимаются ложным, паразитическим делом, являясь по сути скрытыми ворами и мошенниками, а потому они всячески противятся уже любой теории, пытаясь вообще дискредитировать теоретическое знание, ибо оно в любой миг может разоблачить всю ученую фальшь их бытия.

Л.Н. Толстой не приемлет даже малейшего умаления теории. Вряд ли бы он согласился с Гёте, у которого в «Фаусте» можно встретить такие пассажи: «Теория, мой друг сера, но вечно древо жизни зеленеет!». (Это выражение часто любил повторять В.И. Ленин, даже не справившись о том, кому же все-таки принадлежат эти двусмысленные слова, серьезно подмачивающие репутацию «единственно верного учения». А слова эти сказал Мефисто — главарь бесов; и слова эти тоже являются теорией, теорией!, которой Мефисто хитроумно заменил людям истинно научные теории!)

Для Л.Н. Толстого само выражение «ложная теория» есть уловка предельной лжи, ибо если есть ложь, нет теории, ну, а если есть теория, то ложь исчезает, ибо теория — это дом истины. Ложная теория — это не теория, а ее призрак; и люди, которые придерживаются таких теорий, незаметно удерживаются в когтях призраков.

Итак, да здравствует теория как истинное понимание и выражение истинной жизни! Итак, да здравствует теория вечно зеленого древа жизни! Ибо теория эта называется на Руси — Л.Н. Толстой, в котором разум и жизнь, слившись воедино, сотворили непостижимый для мира феномен Л.Н. Толстого. И в феномене этом нужно искать тайну и правду науки.

Все дармовое человек должен возместить, оплатить своим трудом, ибо за всякий паразитизм неизбежно грядет революционное и генетическое возмездие. Наука же есть главная дармоедка, живущая в кредит неисполнимыми обещаниями всеобщего будущего благоденствия, а пока коварно изобретающая очередную, уже последнюю, бомбу, которая и принесет человечеству последнее благо — внезапную и безболезненную гибель. За научные блага человек должен расплачиваться своей жизнью, а за человеческие блага науке она уже давно расплачивается с людьми все более совершенными бомбами.

И вещи, загадочные, ужасающие слова Л.Н. Толстого о науке заставляют нас заглянуть в самые темные глубины научного духа и задуматься: «Не всяким наукам доверяйте, а испытывайте их: “От Бога ли всякая наука и всяк дух научный”?!».

Размышления Л.Н. Толстого настолько просты, что требуется гениотская извращенность, чтобы их не понять и не принять. Так, у человека есть ноги, руки, спина, голова, разум, сознание, язык, чувства. Но если они есть, они должны работать, упражняться, исполнять то, что им полагается по их устройству и назначению. И это исполнение ими своего назначения сохраняет им силу, приносит людям пользу, доставляет человеку радость, а колдунам и паразитам горести, ибо лечить и сосать некого.

Кажется, банально напоминать о том, что если человек не использует этих своих органов или же использует их не по своему назначению, то это неизбежно завершится их атрофией и отмиранием. Но паразитические сословия не думают и не верят в это возмездие природы.

Л.Н. Толстой вовсе не отрицает технических благ, изобретений. Но не принимать же их ценой разрушения человека. Да, железные дороги, машины вроде избавляют человека от тяжелого физического труда. Но какой ценой? Они уничтожают леса, пастбища, водоемы, воздух, все естественные условия жизни вообще, загоняя людей в искусственные и губительные режимы промышленного техновроза и технобесия ради роста богатства и совершенствования паразитизма. Решение социальных проблем посредством техники — это тупиковый путь жизни. Мыслитель считал вздором и пустыми мечтаниями, что наступит время, когда работать будут машины, а человек станет комом наслаждающихся нервов (???)⁸. Л.Н. Толстой видел выход из тупиков труда-насилия и псевдотруда-развлечения в труде как естественной игре физических, умственных сил, в труде как нравственной жизни, исполняющей Божью правду.

Но Л.Н. Толстой своей мыслью идет еще дальше. Нравственность, сама жизнь даны человеку для того, чтобы познавать, понимать, исполнять волю сотворившей их силы и служить ей всеми своими способностями и умениями. Это необходимо делать, даже не задаваясь вопросом о характере этой творящей силы! Если же этого не делать,

⁸ Эти выводы уже принудительно навязываются современной мысли. Ж. Бодрийяр пишет по этому поводу: «Можно утверждать, что применение техники... играет роль отвлекающего средства и воображаемого решения проблем» [4, 65]. Французский философ критикует техноведов, которые заявляют: «Как на каждый день в году есть свой святой — так и для каждой проблемы есть своя вещь; главное — в нужный момент изготовить ее и выбросить на рынок» [4, 138—139]. Он приводит суждения-приговоры социолога Л. Мамфорда: «В нашей цивилизации машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич. ...Механическая организация зачастую представляет собой временную и дорогостоящую замену настоящей социальной организации или же здоровой биологической адаптации. ...Машина приводит к отмиранию функций, граничащему с параличом» [4, 138, 65]. Техника, вынуждая человека поклоняться неживым вещам, упрощает его, отучает его от живого, формирует у него дополнительный инстинкт смерти. «...Фактически свершилась настоящая революция быта: вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Вещи делаются все более, а наши жесты — все менее дифференцированными... Спроецировав себя в связную структуру, человек сам оказывается отброшен в бессвязность. Перед лицом функциональной вещи он оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен: отныне он — пустая форма, открытая для любых функциональных мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью внешнего мира...» [4, 143, 64].

то атрофия начнет поражать смысл жизни, а затем и саму жизнь. На определенной ступени этой атрофии жизнь начинает улетучиваться и заменяться смертью. Незаметно вырабатывается искусственная и вредная привычка умирать, принимать смерть как нечто естественное; и люди начинают воевать, убивать друг друга, ибо не знают, что делать в итоге со своей жизнью, зачем и для чего она им дана. Если жизнь не служит Богу, то она не служит и людям, а становится донором смерти.

Л.Н. Толстой не использовал термин «философия хозяйства», но все его учение есть авторская версия этой первонауки человеческого рода. Он разъясняет даже смысл жизни на примере хозяина, который организовал, создал арену труда и дает работу людям, которые должны исполнять его, хозяина, волю, а не свои критические и паразитические наклонности [1, 149]. Тем более это относится к Хозяину всех хозяев, к Богу, чью волю должна исполнять жизнь людская, чтобы оставаться жизнью.

Первоисточник греха Л.Н. Толстой видит не в древе познания добра и зла, а в паразитизме, в уклонении человека от своей доли хозяйственных тягот. Хозяйство — основное посредствующее и спасительное звено между человеческой жизнью и Богом; и кто не участвует в хозяйственных работах, тот отпадает от Бога и обрекает себя на паразитическую гибель. Через хозяйство вершится воля Бога, его Премудрость, софийность творения; поэтому через хозяйство человек обогащается правдой этой софийности и тем самым спасает свою жизнь, избавляясь от страха смерти, ибо знает, что Божья правда ведет трудящихся не к смерти, а к воскресению.

Именно поэтому Л.Н. Толстой считает, что только хозяйство, а не политическая экономия, может сохранить природу, человека, мысль, науку. И даже деньги, кредит, процент в условиях хозяйства утратят свои насильственные и паразитические функции, а станут средствами облегчения, совершенствования жизни.

Л.Н. Толстой неустанно повторяет, что люди ошибаются не потому, что неправильно мыслят, а потому, что неверно, порочно, безнравственно живут; а дурно и порочно живут потому, что не участвуют в хозяйственном труде, паразитируя на жизни работников [1, 147]. Прародители согрешили в раю от безделья, от паразитического образа жизни, а не потому, что не распознали ложь искусителя и вовремя не отвергли ее. Если бы они трудились, хозяйничали, как трудился и хозяйствовал сам Бог, создавая мир, то на грех у них просто не было бы времени. Любой паразитизм, даже с поущения Божьего, несет в себе возмездие. Бог-то рай создал не для блаженства, а для испытания, ис-

кушения более серьезного, чем словоблудие змия. Да и Христос пришел к людям главным образом для того, чтобы поддержать трудящихся, чтобы спасти именно их от зарвавшегося государственного и религиозного паразитизма и фарисейства. Кто не работает, тот не ест⁹, тот, в общем-то, и не живет, а мается в качестве призрака. Кто не работает, говорит Л.Н. Толстой, тот лжет, сочиняет «науки для науки», «искусства для искусства», «Бога для церкви» и др. Кто не работает, тот творит в человеке античеловека, который занят самопоеданием трудовой жизни.

Л.Н. Толстой совершенно справедливо полагает, что в рассуждениях о любых предметах, включая и науку, нужно учитывать не только мнения ученых, экспертов, специалистов, но и голос тех людей, которые своей хозяйственной жизнью обеспечивают само существование этой массы научного люда. И действительно, почему Платон и Аристотель, а не простые крестьяне признаются великими мудрецами? Только потому, что первые создали философские системы, в которых никто не жил и жить не будет? А ведь именно крестьяне являются подлинными мудрецами, ибо они владеют умениями, искусством сохранения и продолжения жизни во всех катаклизмах и катастрофах истории. И реализуют они свою мудрость не столько в словах и текстах, сколько в хозяйственном обустройстве и обеспечении жизни. Они имеют лишь одну непрерывную обязанность перед жизнью, а наука и ученые имеют и знают лишь одни свои права. Для Л.Н. Толстого хозяйствование и хозяйство являются подлинным чудом и подлинной мудростью, которая служит неиссякаемым источником живой веры и живой науки. Хозяйствование является неким родом целостного знания, которое нуждается лишь в осознании своей истинности.

Поэтому все люди, от мала до велика, перед неотвратимой угрозой саморазложения и гибели должны нести свою долю хозяйственного обеспечения жизни, присутствуя и участвуя в ней не только своей головой, но и своими руками. Это — общий закон жизни, ведомый даже детям малым, которые вместе с языком и сознанием обретают способ-

⁹ «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... (Мф. 11, 28). Апостол Павел увещевал, что христиане должны прежде всего показывать пример своего служения Христу, зарабатывая себе на жизнь личным трудом, не беря платы за проповедь Благой Вести. «Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременять кого из вас, — Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. Но слышали, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся...» (2 Фес. 2, 7—8, 10—11).

ность к самостоятельному обеспечению своего бытия, яростно сопротивляясь опеке взрослых («Я сам(а)»).

Л.Н. Толстой высмеивает нелепость, искусственность так называемого разделения труда, которое якобы умножает его продуктивность, а фактически закрепляет разделение людей на тружеников и паразитов. Да и кому нужна эта производительность труда, если она достигается ценой извращения и разрушения человека, когда одни только и заняты реальным трудом, а другие только потребляют его плоды, а третьи — требуют обеспечивать их жизнь, ибо они собираются открыть людям что-то очень важное и великое, о чем их, кстати, никто и не просит. Л.Н. Толстой личным примером доказал известную истину: после пахоты, косьбы и других физических работ интеллект, фантазия работают яснее, быстрее, продуктивнее, изобретательнее, а воля и мораль обретают смысловую твердость и целенаправленность.

Такую правду с такой откровенностью и с такой полнотой о современной цивилизации не смог высказать даже Р. Генон, который считал само собой разумеющимся кастовый строй, когда одни работают лишь головой, а другие изводят ради них свою жизнь. Он не увидел великий смысл почитаемой им Великой Традиции, которая состоит в том, что она напрочь отрицает любой паразитизм, любое псевдотворчество. Мудрость кучки даже самых выдающихся гениев все же не может даже близко сравниться с мудростью трудового человечества, сохраняющего посредством хозяйствования общий строй жизни. Но категории «хозяйство», видимо, совсем нет места в творчестве Р. Генона и его отечественных преследователей.

И восстановление исходного единения головы и рук, мозга и тела, мысли и дела, идеи и предмета, образа и реальности, хозяйства и жизни, справедливости и рациональной эффективности, труда и свободы Л.Н. Толстой нашел в школе, которую он рассматривал не только как учебный, но и как основной хозяйственный институт человека. Созданная им от «А» до «Я» школа является единственным и вечным ответом на все временные и не совсем временные проблемы общества, уклонившегося от божественного предназначения человека. А исполнение этого назначения требует, чтобы каждый человек в равной мере трудился умом, руками и душой, чтобы никакое разделение труда не служило оправданием паразитизма, искусства одних людей жить пожиранием жизни других людей. Созданию такой школы Л.Н. Толстой отдал в итоге весь свой божественный дар, весь свой жизненный опыт и средства. Школа для него стала не только началом, серединой и концом праведной жизни, но ее продолжением, спасительным ковчегом,

который только и может доставить человечество к причалам вечной истины.

Сколько бы возражений и опровержений Л.Н. Толстого не выдвинули смертельно пораженные им паразиты, все же будет так, как научно доказал наш пророк, или же никак и ничего не будет. «На земле останутся лишь хозяева труда, а паразиты все исчезнут навсегда!» И никакие диалектики никогда, никак и ни за что не сумеют примирить в торжественном единении божественную жизнь и ее паразитов — инфернальных и земных.

Литература

1. *Толстой Л.Н.* Соч.: В 22 т. Т. 16. М., 1983.
2. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л., 1974.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29.
4. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 2001.

И.М. ТЕНЯКОВ, З.А. КОРЧАГИНА

Рикардо и Маркс для политической экономии и экономической политики в XXI веке*

В докладе «Трудовая теория стоимости: устарел ли вклад К. Маркса» докт. экон. наук **А.И. Колганов** (МГУ) подчеркнул, что значение вклада К. Маркса в разработку трудовой теории стоимости, получившей до этого наиболее полную разработку в трудах Д. Рикардо, не ограничивается только идеей двойственного характера труда, заключенного в товаре (что Маркс сам выделял, как его собственный вклад в эту теорию). Во-первых, разработка К. Марксом концепции формы стоимости позволила ему развить оригинальную теорию денег. Во-вторых, К. Маркс осуществил последовательное исследование противоречий товарного производства на основе трудовой теории стоимости таким образом, что она стала органической составной частью и исходным пунктом целостной системы экономических категорий капитализма.

* Изложение дискуссии, прошедшей в декабре 2007 г. на проблемной группе кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (см.: *Философия хозяйства*. 2008. № 2).

И именно последующий анализ экономических категорий капитализма на основе трудовой теории стоимости, проделанный К. Марксом, привлекал и привлекает всеобщее внимание (как благожелательное, так и неблагожелательное) и нередко становится отправным пунктом и для оценки трудовой теории стоимости. Утрируя, можно сказать, что отношением к теории прибавочной стоимости определяется и отношение к трудовой теории стоимости. По мнению докладчика, основные положения, развитые К. Марксом в «Капитале» на основе трудовой теории стоимости, выдержали проверку временем. Это, однако, не значит, что в этой области теоретического наследия Маркса невозможен критический взгляд на предложенные им решения, или что это наследие полностью исчерпывает все проблемы развития теории стоимости. Представляется, что в «Капитале» содержится ряд положений, которые вырабатывались на исторически ограниченном материале, а потому справедливы лишь в этих ограниченных рамках, и не могут быть распространены за их пределы. Это относится, например, к всеобщему закону капиталистического накопления и анализу тенденции к абсолютному обнищанию пролетариата. Соответствующие положения «Капитала» вполне справедливы для периода капиталистического промышленного переворота (что подтверждается и современной историей стран, этот переворот ныне претерпевающих), однако нуждаются в коррекции применительно к более поздним стадиям развития капитализма. До сих пор не находит однозначного решения с точки зрения трудовой теории стоимости и проблема формирования абсолютной ренты, в условиях, когда органическое строение капитала в сельском хозяйстве сближается или даже превосходит уровень промышленности. Наконец, открывается целый ряд проблем в связи с происходящим разложением товарного производства и, соответственно неприменимостью положений трудовой теории стоимости к реалиям новой экономики (что было предсказано сами К. Марксом).

Докт. экон. наук, проф. **В.М. Кульков** (МГУ) сделал акцент на соотношении теоретических взглядов Рикардо с другими научными подходами. Можно увидеть серьезные различия между Рикардо и Смитом, несмотря на их принадлежность к одной школе. Одно из них касается соотношения рыночных (простых товарных) и специфически капиталистических отношений или, в другой терминологии, исходного и основного отношений капитализма. Смит подчеркивает их различие в историческом плане, фактически смешивая их в капиталистической системе. Рикардо же, напротив, подчеркивает самостоятельную роль простого товарного отношения в этой системе, подвергая «допросу» через его призму все категории системы. Маркс не просто развил тру-

довую теорию стоимости, но в рамках этого развития осуществил и синтез подходов Рикардо и Смита по указанной проблеме, представив названные отношения как исторически и логически самостоятельные.

Любопытным выглядит вывод о близости теории предельной полезности и учения Рикардо (Вернадский, Туган-Барановский, ряд современных немецких экономистов). Он кажется парадоксальным, но имеет некоторые основания: господство в обоих направлениях принципа методологического индивидуализма и рационализма, нечеткое разграничение у Рикардо полезности и трудовой стоимости, вызванное непониманием двойственного характера труда.

Третий ракурс сопоставлений касается сравнения взглядов Листа и Рикардо, исторической школы и классической политэкономии. Последняя, по мнению Листа, «обнаруживает полное незнакомство с сущностью национально-экономических отношений. Она избрала предметом не экономию отдельных наций, а экономию общества вообще». Рикардо абсолютизировал универсализм экономических процессов и стимулов, недооценивал роль неэкономических факторов и национальных особенностей, не делал акцента на национальной экономической безопасности (в частности, в теории сравнительных преимуществ во внешней торговле). Эти позиции преобладают и в сегодняшнем мейнстриме. Разрабатывая основы и параметры российской экономической модели, следует видеть проистекающие из этого подхода опасности.

Докт. экон. наук, проф. **А.В. Сорокин** (МГУ) рассмотрел основания критики «Капитала» К. Маркса Е. Бем-Баверком, Й. Шумпетером и М. Блаугом.

Одним из наиболее распространенных заблуждений является представление о том, что в первом томе «Капитала» Маркс выводит стоимость из меновой стоимости, а в третьем отказывается от стоимости и вновь переходит к рассмотрению цены (цены производства). По Бем-Баверку, «В первом томе утверждалось, что всякая стоимость основана на труде и только на труде, что стоимости товаров относятся друг к другу как рабочее время, необходимое для их производства. Эти положения были *выведены и отдистиллированы непосредственно и исключительно из меновых отношений товаров*. А теперь, в третьем томе, нам ясно и сухо заявляют, что в действительности отдельные товары должны обмениваться в совершенно ином отношении, чем в отношении овеществленного в них труда» [1,33—34].

Однако Маркс не выводит стоимость из меновой стоимости. Вывести стоимость из меновой стоимости также невозможно, как вывести массу физического тела из его веса. Маркс действительно исходит «из

менового отношения товаров, *чтобы напасть на след* скрывающейся в них стоимости» [2, 56]. Но «напасть на след» и «вывести» — разные вещи. Анализ менового отношения показывает, что за ним скрывается «нечто третье», т. е. ни в коем случае не меновая стоимость, а *качественно* отличная от нее стоимость. «Форма стоимости, или выражение стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости» [2, 70]. Меновая стоимость (относительная и денежная цена, относительная стоимость денег) получает свое определение в первой главе первого тома «Капитала» в параграфе «Форма стоимости, или меновая стоимость». Она определяется как *форма* относительного выражения, относительного измерения стоимости одного товара потребительной стоимостью другого товара той же стоимости. В первой главе дается полный и всесторонний анализ меновой стоимости, применительно к рядовым товарам цена определяется как денежное выражение стоимости. Никакого «повторного анализа» цены в третьем томе не проводится. В основе заблуждения критиков Маркса, по мнению А.В. Сорокина, лежит типичное для классики и неоклассики отождествление стоимости и меновой стоимости, а также твердая уверенность в том, что Маркс не продвинулся дальше классиков, а лишь «обосновал» трудовую теорию относительных цен. Анализируя «экономическую теорию марксизма», Блауг ставит задачу: «нашей первой задачей будет объяснить, как Маркс использует трудовую теорию ценности для того, чтобы дать определение... относительных цен...» [3, 207]. Вслед за Бем-Баверком он предлагает искать решение в третьем томе «Капитала». Что касается «Формы стоимости, или меновой стоимости», где дается полное изложение теории относительных цен, то Блауг советует пропустить этот раздел: «читатель мало потеряет, пропустив педантичный третий раздел главы 1, в котором чувствуется излишне тяжелый стиль Гегеля» [3, 248]. По Шумпетеру, Марксу вменяется положение, согласно которому *«относительные стоимости или цены всех товаров должны быть пропорциональны количеству человеко-часов»* [4, 59—60]. Шумпетер мог бы усилить критику, сославшись на оценку этого же положения Марксом: «невероятная ошибка всей политической экономии, начиная со Смита», «абсурдная», «баснословная догма, проходящая через всю политическую экономию со времен А. Смита», «ортодоксальный символ веры политической экономии». По Марксу, *«стоимость товара определяется всем рабочим временем, прошлым и живым трудом, который входит в этот товар»* [5, 286].

Вторая составляющая ошибочного утверждения Бем-Баверка воспроизводит так называемое «противоречие между первым и третьим томами “Капитала”». В первом томе действительно утверждалось, что «стоимости товаров относятся друг к другу как рабочее время, необходимое для их производства». Стоимость товара — кристаллизация времени, необходимого обществу для изготовления потребительной стоимости. Величина стоимости на этом абстрактном уровне определялась как старая стоимость плюс новая стоимость, а затем конкретизировалась как $c+v+m$ часов общественно-необходимого рабочего времени (час. ОНРВ). В третьем томе отнюдь не утверждается, что «отдельные товары... должны обмениваться в совершенно ином отношении, чем в отношении овеществленного в них труда». Товары продолжают обмениваться «в отношении овеществленного в них труда», или кристаллизованного рабочего времени, необходимого обществу. Это качество не меняется. С переходом к цене производства меняется только количество общественно необходимого рабочего времени, в соответствии с которым происходит эквивалентный обмен. Цена производства, или *реализованная стоимость*, это $(v+m)+p_{\text{ср.}}$, или $k + p_{\text{ср}}$ (в час. ОНРВ) может быть больше, меньше, или равна *произведенной стоимости* $c+v+m$ (в час. ОНРВ). Категория «общественно-необходимое рабочее время» конкретизируется, а не отменяется. В первом томе рассматривалось рабочее время, необходимое обществу в среднем для изготовления потребительной стоимости. В третьем томе выясняется, что для воспроизводства необходимо производство товаров во всех отраслях, безотносительно к их органическому строению. *Цена производства* это *стоимость*, величина которой определяется временем, необходимым обществу для производства набора товаров, удовлетворяющего общественную потребность.

Здесь следует отметить еще одно заблуждение, породившее так называемое «противоречие между первым и третьим томами «Капитала»». В третьем томе рассматриваются категории в том виде, в котором они «выступают в обыденном сознании самих агентов производства» [5, 29]. Прибыль, издержки производства, цена производства — не более чем названия реальных экономических явлений, которые ничего не говорят об их природе. В модели «Капитала» эти категории получают определения с позиций природы явления. Так, издержки производства представляются простой затратой денег на факторы производства. В этом смысле «категория издержек производства не имеет никакого отношения к образованию стоимости товара» [5, 33]. Издержки производства определяются как часть товарной стоимости, как «эквивалент или *стоимость*, возмещающая в товаре капитальную стоимость $c + v$, израсходованную в виде элементов производства» [5, 30]. Прибыль

представляется как превышение цены над издержками, но она получает определение как часть товарной стоимости: «прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму прибыли» [5, 43]. «Так называемые цены производства» [5, 45] (Маркс) — это совсем не цены, т. е. не денежное выражение стоимости, а сама стоимость. «Цена производства товара равна его издержкам производства плюс средняя прибыль» [5, 172]. Цена производства состоит из двух *стоимостных* частей. Издержки производства — стоимость, средняя прибыль — стоимость, поэтому сумма двух стоимостных величин может дать только стоимость, измеряемую часами ОНРВ. Нет ничего удивительного в том, что «цена производства» имеет денежное выражение, т. е. цену, которая была определена в первом томе «Капитала».

Канд. экон. наук, доц. **В.Т. Рысин** (МГУ) в своем выступлении поставил вопрос: шагреневая кожа или вечный фундамент ценообразования? Именно такой вопрос относительно трудовой теории стоимости вновь возникает в XXI в. по меньшей мере по трем причинам, из которых только две первые (п.1) объективны.

1. Сокращение материальной экономики вообще, причем в двух направлениях: а) рост экономики интеллектуальной собственности, где вознаграждение получает талант, «искра божья», измерить которую трудовыми затратами так же невозможно, как сон Д.И. Менделеева; б) рост виртуальной экономики, где продукты производства оцениваются либо на той же основе, что и в предыдущем случае (в значительной мере подпадая под него), либо на аналогичной основе под влиянием первой.

2. Распространение маржиналистских подходов в практической жизни, как макро-, так и микроэкономики, вплоть до использования прикладных учебников, построенных на этом подходе.

Представляется, что в первых двух случаях сохраняет силу тот вывод, который в свое время был сделан в отношении общественных благ: оценки, формирующиеся в реальном секторе на основе трудовых и материальных затрат, наводятся на все остальные предметы, поступающие в обращение в экономической системе, будь то природные объекты, творения ума или совесть продажных политиков [6, гл. 9].

Докт. экон. наук, проф. **Г.Г. Чибриков** (МГУ) остановился на проблеме закона тенденции нормы прибыли к понижению, отметив, что статистическое доказательство этого закона само по себе проблематично. Прибыль может быть переоценена или недооценена. По налоговым соображениям она может быть занижена. По спекулятивным или престижным соображениям она может быть переоценена, как это было в случае с итальянской корпорацией «Пармалат».

В экономической литературе имеются расчеты долгосрочных трендов в движении норм прибыли. Результаты не всегда полностью сопоставимы друг с другом. Дело в том, что используются различные методы измерения инвестиций в основной капитал и величины прибылей. Информация о прибылях, предоставляемая компаниями и правительствами, подвергается значительным искажениям (компании предпочитают преуменьшать прибыли для правительств по налоговым соображениям и для того, чтобы оправдывать низкие заработные платы).

Г. Дюменил и Д. Леви приводят следующие статистические данные о движении нормы прибыли в бизнес секторе США, исключая чрезмерно капиталоемкие отрасли (средняя величина за десятилетие): 1948—1957 гг. — 43%, 1958—1967 — 39%, 1968—1977 — 30%, 1978—1987 гг. — 22% [7, 6]. Эти авторы полагают, что их расчеты подтверждают существование значительного и продолжительного падения нормы прибыли с конца Второй мировой войны. Существует согласие, что падение нормы прибыли с середины 1970 до начала 1980 г. не было результатом роста заработной платы. Это был период, когда реальная заработная плата начала уменьшаться. Это уменьшение не было полностью восстановлено до конца 1990-х гг. Томас Митчелл, Фред Моселей, Анвар Шейх, Ахмет Топак, Эдвин Уодфф свидетельствуют, что растущая пропорция капитал/труд была фактором уменьшения нормы прибыли. Р. Бреннер рассчитал норму прибыли в обрабатывающей промышленности США, Германии и Японии (рис. 1).

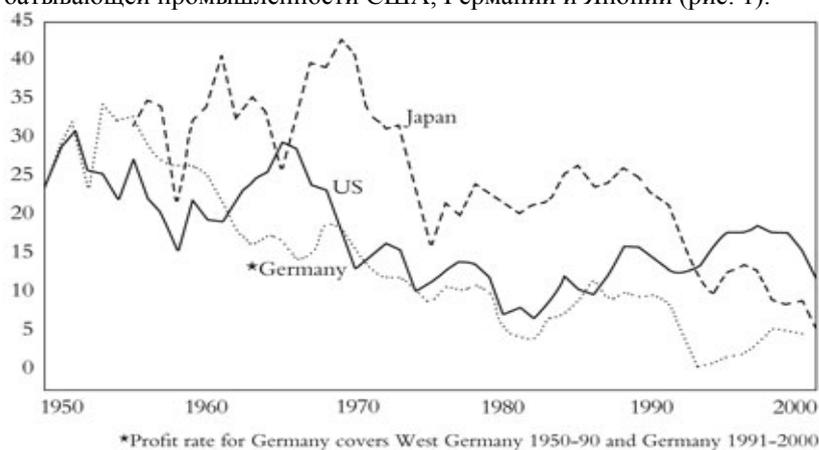

Рис. 1. Норма прибыли в обрабатывающей промышленности США, Германии и Японии [8, 7]

График на рис. 1 показывает, что во всех трех странах норма прибыли в 1950—2000 гг. обнаруживает тенденцию к падению. Но ее понижающее движение прерывается периодами подъема. Обращает внимание падение нормы прибыли в Японии в 1990-е гг., когда страна вступила в застойный период. В Германии падение нормы прибыли в 1990-е гг. объясняется последствиями объединения с Восточной Германией. В США намечившееся повышение нормы прибыли, начиная с 1980-х гг., связано с развитием информационной революции.

Канд. экон. наук, доц. Е.В. Красникова (МГУ) высказала предположение о чрезмерной идеологизации К. Марксом отношений капиталистической эксплуатации. Суть этих отношений он усматривает в безвозмездном присвоении капиталистической прибавочной стоимости.

О безвозмездном присвоении можно говорить лишь о той ее части, которая используется капиталистом в доле накопления, т. е. для осуществления расширенного воспроизводства. Но именно она является объективной закономерностью на протяжении всей экономической истории человечества. В условиях обобществленного производства эту часть прибавочной стоимости невозможно оставить у наемных рабочих и заставить их использовать производительно. А потому говорить об отношениях эксплуатации в данном случае неправомерно.

Тем более это неправомерно относительно той части прибавочной стоимости, которая используется для личного потребления капиталиста. Капиталист отнюдь не бездельник, не рантье. Он выполняет функцию управленческого труда, необходимого в условиях крупного обобществленного производства. Но и К. Маркс сам определяет этот труд как производительный.

Что же касается классовой борьбы пролетариата, то она, выступая механизмом

формирования заработной платы наемных рабочих в соответствии с законом стоимости рабочей силы, корректируется в сторону улучшения условий труда и быта рабочих, развития социальной сферы. Сама она постоянно приобретает цивилизованные формы переговоров, заключения индивидуальных и коллективных трудовых соглашений и т. д.

Проблемам актуализации классического наследия посвятил свое выступление докт. экон. наук, проф. **К.А. Хубиев** (МГУ). Основным смыслом обращения к классическому наследию в современных условиях должен быть, по мнению выступавшего, поиск путей его актуализации. Такая необходимость диктуется и тем, что современная экономическая теория, занявшая привилегированное положение в виде

мейнстрима, при высокой изоциренности инструментально-модельного аппарата. Проявляет удивительную ограниченность идейно-теоретического арсенала, демонстрирующего к тому же угасающую функциональность в новых реалиях преодоления чистой конкуренции.

1. Сама неоклассическая теория актуализирует теорию свободной конкуренции, используя ее для объяснения механизма формирования нулевой экономической прибыли. Следует более тщательно разобраться с теоретическим соотношением средней нормы прибыли и нулевой экономической прибыли. Следует отметить, что механизм внутритраслевой и межотраслевой конкуренции К. Маркса дает для такого исследования большие возможности.

2. Современная экономика актуализирует универсальное измерение стоимости (ценности, как ее определяет экономика) рабочим временем. Никогда прежде экономические субъекты не ценили свое время так высоко. Социально-экономическое развитие неуклонно ведет к уплотнению времени, оно дороже ценится и становится универсальным альтернативным соизмерителем вариантов его расходования. Следует, видимо, обратить внимание на новое экономическое качество рабочего времени с целью развития теории стоимости, основанной на труде.

3. Реальность постсоветского пространства дает богатейший материал для развития теории первоначального накопления капитала. Отделенные от средств производства работники испытывают на себе особенности начальных стадий подчинения труда капиталу. Особенно ярко этот процесс в России проявляется в распространении нелегального и бесправного наемного труда.

4. Заслуживают внимания и парадоксы классической теории, когда рост органического строения капитала не сопровождается растущей безработицей. Но этот и подобные парадоксы тоже имеют свои объяснения на основе классической теории, например, на основе анализа новых производительных сил, которые дают возможность создания индивидуальных и семейных форм занятости.

Правы участники дискуссии, считающие, что классики прежде обожествлялись и были вне критики. Дело, однако, в том, что критика критике рознь. Гегель считал, что науку развивает критическое возвышение над оппонентом. А для этого надо подняться на адекватную высоту. Иначе критика будет поверхностной и спекулятивной. Например, известный экономист Р. Солоу упрекал Маркса в том, что он в своей теории экономического роста (расширенное воспроизводство) не учитывал технический прогресс. Очевидная нелепость, но она демонстрирует второй тип критики, с чем, к сожалению, приходится встре-

чатся в среде тех, кто считается достаточно основательным знатоком классического наследия. И более всего жаль, что за критикой не просматривается потенциал актуального развития экономической теории.

В своем выступлении канд. экон. наук, доц. **З.А. Грандберг** (МГУ) прежде всего заметила, что нет большего повода для обращения к учению Рикардо, чем острота и актуальность проблемы земельной (ресурсной) ренты в современной российской экономике.

В анализе земельной ренты Рикардо опирался на трудовую теорию стоимости и делал это более последовательно, чем Адам Смит. Рикардо не давал никакого повода для вульгарной трактовки ренты как продукта земли, в чем он оказался и сегодня, почти двести лет спустя, неизмеримо выше нынешних либералов-неоклассиков.

Известно, что исследование Рикардо дифференциальной ренты, ее источников, условий и причин образования, по существу, были использованы К. Марксом в его теории земельной ренты, изложенной в третьем томе «Капитала» и в «Теориях прибавочной стоимости». Различие позиций Рикардо и Маркса заключалось в том, что Рикардо, отождествляя прибыль и прибавочную стоимость, не рассматривал ренту в качестве неоплаченной части труда наемных сельскохозяйственных работников. Острые критики Рикардо было направлено не на капиталистов, а на крупных земельных собственников, препятствовавших развитию капитализма. Рикардо делал упор на то, что именно землевладельцы ответственны за рост цен на землю и на сельскохозяйственную продукцию. Маркс критиковал закон убывающего плодородия почвы Рикардо, подчеркивая, что для понимания дифференциальной ренты имеет значение не переход от лучших земель к худшим, а то, что различие условий земледельческого производства не устранимо. Отсюда — дифференциальная рента, получаемая собственниками лучших земель.

У Рикардо нет теории абсолютной ренты в Марксовом ее понимании. Ренту со всех, в том числе и худших, участков он объясняет превышением рыночных цен над их действительной стоимостью, т. е. особенностями ценообразования на сельскохозяйственные продукты. «Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог». В этой формуле — отход от стоимостного подхода к раскрытию природы ренты. Для Маркса же такой подход имеет принципиальное значение. Поэтому абсолютную ренту он объясняет более низким органическим строением капитала в земледелии, а следовательно, более высокой стоимостью сельскохозяйственных продуктов и соответственно их рыночных цен. Земельная собственность, подчеркивает Маркс, «является творческой причиной этого повышения цены. Сама

земельная собственность создала ренту». Приведенное высказывание не означает, что Маркс отступает от трудовой основы в объяснении ренты, но оно свидетельствует о том, что создание стоимости и ее реализация собственниками земли опосредуются сложной системой ценообразования. И в том, что касается особенностей механизмов ценообразования на сельскохозяйственную продукцию, позиции Рикардо и Маркса оказываются очень близкими.

Известно, что теория абсолютной ренты К. Маркса остро дискутировалась в советской научной среде в 1960—1970 гг. Поводом для дискуссий явился несомненный рост органического строения капитала в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран в условиях ускорения научно-технического прогресса. З.А. Гранберг считает, что главный акцент в спорах об абсолютной земельной ренте должен быть сделан на том, что частная собственность на землю является творческой причиной присвоения ренты земельными собственниками. Отсюда вопрос о целесообразности национализации земли даже с позиции интересов капитала. По известным причинам земля в буржуазном обществе не была национализирована, но знаменательно то, что в нескольких развитых капиталистических странах (Израиль, Норвегия, отчасти США) земля является государственной собственностью.

Инициаторы российских рыночных реформ 1990-х гг. приложили огромные усилия к тому, чтобы в стране утвердился приоритет частной собственности на землю. К расцвету аграрного сектора экономики это не привело и не могло привести. Что касается недр, то, несмотря на огромное давление нефтяных и других лобби, их собственником в Российской Федерации остается государство. Отсюда проблема аккумуляции государством (в государственном бюджете и в Стабилизационном фонде) огромных сверхприбылей, возникающих в ресурсных отраслях вследствие беспрецедентного роста цен на нефть, газ, черный и цветные металлы и т. д. З.А. Грандберг считает, что по своей природе рентные доходы в ресурсных отраслях имеют в России преимущественно монопольный характер. Следует признать, что изъятие в пользу государства рентных доходов с помощью механизмов ценообразования, налогообложения, экспортных пошлин и антимонопольной деятельности не является оптимальным, о чем свидетельствует громадная дифференциация доходов в российском обществе, чреватая социальными конфликтами. Отсюда важнейшим объектом государственного регулирования экономики современной России должно быть формирование научно обоснованной экономической политики распределения ресурсных доходов государства.

Канд. экон. наук, доц. **В.А. Бирюков** (МГУ) остановился на проблеме источников доходов населения в условиях либеральной и социально-ориентированной рыночной экономики. В этом вопросе четко просматривается широко распространенное представление о том, что либеральная экономика (и соответствующая система политических и социально-экономических взглядов) противопоставляется социально-ориентированной рыночной экономике. Никким образом не отрицая наличия такого противопоставления в идеологии, политике и экономике, следует отметить, что оно неявно опирается на преувеличение роли идеологии и политики в объективном процессе формировании модели экономического развития. На его взгляд, социальная ориентированность экономики формируется объективно в любых странах, независимо от проводимого правящими режимами любого толка экономической политики, при превышении определенного уровня производительности труда в этих странах. Сама идеология и политика, реализуемые разными по своей направленности режимами, лишь модифицируют объективно существующее влияние роста производительности общественного труда на ориентацию экономики.

Для объяснения сделанного утверждения можно вспомнить так называемые законы Э. Энгеля, в соответствии с которыми по мере роста производительности общественного труда в любой рыночной экономике происходит и рост средних доходов населения, а по мере этого роста происходят и изменения структуры потребностей, расходов и спроса населения. Закономерными и универсальными для всех стран рыночной экономики являются сначала повышение, а затем обязательное снижение доли затрат на приобретение товаров первой необходимости (удовлетворяющих физиологические потребности), рост доли затрат на цели образования, здравоохранение, рекреацию. Иначе говоря, это означает снижение доли затрат на сельскохозяйственные и промышленные товары и соответствующий рост доли затрат на услуги. Совокупный спрос на эти товары и услуги меняет свою структуру в соответствии со структурой спроса среднего домохозяйства. Но рост доли затрат в валовом национальном доходе и совокупном спросе на отмеченные услуги и означает изменение социальной ориентированности и экономики, а впоследствии государственных бюджетных расходов, хотя изменение структуры последних не является автоматическим следствием изменения структуры совокупного спроса.

А реализуемая правящими режимами и правительствами экономическая политика (проявляющаяся в изменении структуры и государственного бюджета, в том числе) лишь модифицирует отмеченную объ-

активную необходимую связь между уровнем производительности общественного труда и социальной ориентацией экономики.

Вот почему наблюдается в последние десятилетия принципиальная общность многих экономических явлений в рассматриваемой области в странах развитого рыночного хозяйства, независимо от моделей их капиталистического развития. Например, так называемая шведская модель стала практически универсальной для всех стран Западной Европы. А англосаксонская модель демонстрирует принципиально однопорядковые структурные изменения, весьма похожие на западноевропейские страны. Этим же объясняется и тот поразительный факт, что в бывших социалистических странах провозглашавшаяся из идеологических и политических соображений социальная ориентация экономик существенно отставала от подобной ориентации развитых западных стран, причем для советских экономистов не была тайной эта зависимость неразвитости социальной сферы от уровня производительности общественного труда. Важнейшим ограничителем и объективным экономическим аргументом социальной ориентации экономики любой страны является производительность общественного труда, а не реализуемая идеологическая и политическая парадигма, что, подчеркнул выступавший еще раз, хотя и важно, но вторично.

Канд. экон. наук **И.М. Теняков** (МГУ) остановился на проблеме соотношения универсальных принципов экономической теории Д. Рикардо и национальных особенностей развития капиталистической экономики. В частности, И.М. Теняков отметил, что применение теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо в конкретно-исторических условиях XVIII—XIX вв. стимулировало промышленное развитие Англии и закрепляло сырьевую специализацию за ее конкурентами, что отвечало национальным экономическим интересам Англии. Так, снижение таможенных пошлин на ввозимые из Португалии вина одновременно со снижением Португалией импортных пошлин на английское сукно в 1703 г. привело к разорению суконных фабрик Португалии, свертыванию начавшегося было развития обрабатывающей промышленности и усилению сырьевой специализации португальской экономики. Суконная промышленность Англии, напротив, получила дополнительный рынок сбыта, и ее развитие ускорилося. В XIX в. история повторилась в большем масштабе: отмена «хлебных законов» привела к росту импорта хлеба в Англию из континентальных стран Европы и России, падение цены на хлеб сделало рабочую силу дешевой, удешевляя и стоимость промышленных изделий. В то время как страны Европы поставляли в Англию сырье и продовольствие, Англия развивала обрабатывающую промышленность, становясь «мастерской

мира». Таким образом, заключил И.М. Теняков, было бы неправильно утверждать, что Рикардо обходил вниманием проблему национальных экономических интересов; другое дело, что они не ставил ее прямо, как это сделал Ф. Лист.

Отталкиваясь от высказывания Е.В. Красниковой, что «у нас у всех свой Маркс», канд. экон. наук, доц. **А.М. Белянова** (МГУ) обратила внимание на отношение к учению Д. Рикардо таких экономистов, как А. Маршалл и Дж.М. Кейнс. У каждого из них «свой Рикардо» в том смысле, что оценка места и роли Рикардо в экономической науке зависит от того, насколько его взгляды соответствовали их собственным воззрениям. Такой подход вел к упрощенной трактовке многих научных достижений классической школы. Признавая гениальность Рикардо, Маршалл критически оценивал пристрастие Рикардо к методу дедукции, считая, что это явилось причиной чрезвычайно абстрактного характера исследования им человека, труда, прибыли, заработной платы и проч. Фактически из этого следовал вывод, что многие положения рикардианской теории «имеют лишь очень малое прямое отношение к современной обстановке». По-своему истолковывал Маршалл и «чрезмерное» значение, которое Рикардо придавал производству и издержкам производства, уделяя значительно меньше внимания сфере обращения и спросу. Маршалл объяснял это тем, что Рикардо упрощал проблему спроса, а также и тем, что он не всегда четко выражал свои мысли и поэтому часто его неправильно трактовали. Примерно в этом же ключе рассуждает и Кейнс, отмечая, что «полнота победы рикардианской теории представляет собой загадочное явление». Он пытался ответить на вопрос, почему «Рикардо покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию». Разгадку Кейнс видит не в научных достижениях Рикардо, а в том, что его теория подошла господствующему классу Англии, ибо из нее вытекало, что способы избавления буржуазного общества от социальных противоречий могут принести больше зла, чем пользы, так как могут замедлить присущий обществу прогресс в развитии производительных сил. Критически оценивал Кейнс и недостаточное внимание со стороны Рикардо проблеме эффективного спроса, считая, что это закрывает возможность исследования проблемы занятости, заработной платы, сбережений, инвестиции и проч. Он считал, что теория Рикардо весьма абстрактна и непригодна для целей научных прогнозов, для объяснения новых явлений в экономике. Он писал: «Рикардо демонстрирует перед нами величайшее интеллектуальное достижение, создав для себя некий воображаемый мир, весьма далекий от опыта». Но при этом оставались в стороне те новые положения Рикардо, которые вошли в золотой фонд классической политической экономии и послужили основой создания

научной экономической теории Карла Маркса. В «Нищете философии» Карл Маркс писал, что миссия таких экономистов, как А. Смит и Д. Рикардо, состоит в том, чтобы доказать, что экономические отношения в рамках буржуазного общества гораздо удобнее для производства богатства, чем отношения феодального общества. Но для этих доказательств необходимо было перенести центр исследования из сферы обращения в сферу производства, чтобы открыть источник богатства народов и законы его распределения. Возвращение к фундаментальным работам прошлых лет позволяет не только акцентировать внимание на проблемах, которые не были тогда решены, но и извлечь пользу для осмысления нового времени. В работах Д. Рикардо для этого имеются огромные возможности. Что касается положения, что у нас у всех свой Маркс, Смит, Рикардо и пр. — пусть будет так, если только это не искажает истинный смысл их учения и не ведет к созданию псевдонаучных концепций.

Литература

1. *Бем-Баверк О.* Критика теорий Маркса. К завершению марксистской системы. М., 2002.
2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М., 1963.
3. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
4. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
5. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 1. М., 1985.
6. *Рысин В.Т.* Современная экономика как система. М., 2006.
7. *Dumenil Y., Levy D.* The Profit Rate: Where and How Much did It Fall? Did It Recovered? (USA 1948 — 1997). P., 2005.
8. *Brenner R.* The Economics of Global Turbulance // *New Left Review*. 2006. Vol. 229.

А.П. ЯЦЕНЮК

Экономическая ситуация в Украине: вызовы времени *

Сегодня в экономической ситуации в Украине налицо один из самых серьезных вызовов — вызов инфляции. И это ключевая проблема

* Стенограмма выступления Председателя Верховной Рады Украины перед студентами Львовского института банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины 12 июня 2008 г. Встреча посвящена презентации книги А.П. Яценюка «Финансовые тайны Оранжевой революции» (Киев, 2008). Текст подготовила заведующая кафедрой общественных наук Львовского института банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины З.Э. Скрынник.

не только для Украины, но и для всего мира. Мы имеем невероятные инфляционные темпы, фактически почти на уровне 30%. Инфляция — так называемая двенадцатимесячная инфляция — с начала года на уровне 15%. При этом нужно четко понимать, что инфляционные процессы не находятся исключительно в какой-то одномерной плоскости или лишь в отдельном сегменте.

Инфляция — явление, с которым столкнулся весь цивилизованный мир. Одна из основных причин этого мирового явления — невероятный рост цен на энергетические ресурсы. В 2000 г. цена на баррель нефти составляла 18 дол. США. Сейчас она достигла 140 дол. Речь идет фактически о десятикратных темпах роста цен на энергоресурсы. А что такое нефть? Это в первую очередь все составляющие энергетического сегмента. В том числе и цена на природный газ, которая формируется на основе цены на нефть. Это компонент и угля, и так называемого газоида. А также всей химии, начиная от автомобильных шин и заканчивая авторучками, пластиком и т. д. Так что первый и главный фактор, который сформировал невероятное давление на инфляцию в мире, в том числе в Украине, — это энергетическая составляющая. Этот фактор действует уже фактически 5—6 лет.

Второй основной вызов — продовольственный кризис. Он возник в результате действия абсолютно нетрадиционного фактора — изменения геополитической конъюнктуры, развития рынков «третьих» стран — Китая, Индии, Вьетнама и др. Изменилась структура потребления на этих рынках. Например, структура потребления китайского рынка по продуктам питания — китайцы стали есть больше мяса и молочной продукции — и ровно через три месяца Европа получила двукратное увеличение темпов роста цен на мясомолочную продукцию.

Третий вызов — глобальное потепление, определяющее иную переменную урожайности и доходов от агропромышленного сектора в целом ряде стран. Оно также связано как с энергетическим, так и с продовольственным кризисом. Продовольственный кризис был спровоцирован за счет роста потребления энергоресурсов и перехода на альтернативные энергоресурсы — рапс, биотопливо и т. п.

Ну и четвертый фактор, который сегодня не является кризисным, но в принципе должен расцениваться как негативный — это так называемый кредитный перелом, или кредитная турбулентность, которая существует во всем мире. Началась она в Соединенных Штатах и дошла, конечно, и до Европы. Речь идет о банкротстве банков, о существенных программах сокращения кредитования банков, об ухудшении финансового состояния финансовых агентов. Этот элемент можно добавить к факторам общей нестабильности.

Теперь перейдем к внутренним причинам. Объективно инфляция должна тормозиться внутренними факторами. Первый и самый ключевой элемент влияния — это государственный бюджет. Здесь нет ничего нового — сокращение дефицита государственного бюджета, сокращение социальных расходов, как это ни непопулярно звучит, и таким образом сдерживание инфляционного фактора.

В Украине существенно возросла так называемая базовая инфляция. Это та инфляция, из которой исключаются энергоресурсы и которая концентрируется в основном в продуктах питания. У нас потребительская корзина на 53% состоит из продуктов питания, а номинальные темпы роста — 30 с лишним процентов по социальным расходам, реальные — 13%, т. е. рост минус инфляция. Фактически бюджетная политика, ориентированная на проедание, провоцирует инфляционную спираль в любой стране.

Второе — это товарное покрытие. К сожалению, в Украине не была создана система покрытия товарных дисбалансов. Денежному предложению нет соответствующего товарного обеспечения. У нас происходит рост и цен, и импорта — тут ничего нового нет. Государство как агент через аграрный фонд — подчеркнем, через аграрный фонд, а не через госрезерв (госрезерв это не его функция) — не выполнило свою функцию и потому не произошло товарного покрытия.

Третий элемент касается в первую очередь банкиров — это невозможность остановить инфляцию исключительно монетарными средствами. Кто-то думает, что изменением, например, учетной ставки и повышением цены ресурса можно остановить инфляцию. Это сказка! Даже в Соединенных Штатах Америки, чья экономика остается ведущей на сегодняшний день, лаг между изменением учетной ставки федеральной резервной системы и последствиями этого изменения занимает шесть месяцев.

Если кто-то думает, что дефляция в этом месяце вызвана монетарной политикой Национального банка (точнее, не дефляция, а уменьшение инфляционных процессов), тот глубоко ошибается. Она вызвана только одним — сезонностью. Необходим ввод инфляционного таргетирования, которое предусматривает целый ряд элементов. Первое — гибкий валютнообменный курс, ручное управление валютнообменным курсом. Второе — скоординированные действия с правительством по расходованию бюджетных средств, которых сегодня, кстати, на счетах государственного казначейства 20 млрд.

Третье — товарное покрытие и товарное предложение, которое должно формироваться за счет национального товаропроизводителя.

И только четвертое — в чрезвычайных случаях, когда это все угрожает национальной безопасности, когда действительно не хватает товарного предложения по продуктам питания — использование гибкой политики относительно импорта тех или иных товаров и услуг.

Вот эти четыре элемента могут влиять на инфляцию, и их можно учитывать при правильном применении для уменьшения темпов инфляции.

Важно отметить, что сегодняшняя перспектива для Украины, как это ни странно звучит, не в металле, не в газе, не в нефти. Сегодняшняя перспектива — это возвращение к столетней истории Украины: аграрному государству. Так сложились мировые обстоятельства, что при правильном и разумном использовании нашего наибольшего приоритета, которым является земля, Украина имеет на ближайшие 20 лет абсолютно понятную и четкую перспективу как ключевого аграрного игрока в мире. Поэтому еще раз хотел бы подчеркнуть, что аграрный сектор и влияние Украины на общемировое производство аграрной продукции — это самое важное, на чем нужно сконцентрировать внимание. У россиян имеется нефть и газ, у Украины — абсолютно понятная и четкая перспектива в виде продуктов питания.

По оценкам Мирового банка, Украина может увеличить валовой сбор урожая до 70 млн т. Много, конечно, зависит от погоды. И здесь снова важна роль государства. Если государство примет решение о запрете экспорта, что уже было предпринято, — это будет удар в спину как экономике в целом, так и аграрному сектору. Запрещение экспорта влияет на цену. Невозможность продать по нормальной цене — это невозможность для товаропроизводителя получить соответствующие доходы, купить новую технику, это потеря партнерских отношений Украины с другими странами. Мы должны постоянно присутствовать на аграрном рынке и демонстрировать партнерам свою надежность.

Второе, что очень важно для Украины, что должно быть ключевым для построения конкурентного государства — это новые идеи. Сейчас идет борьба идей. Не борьба машин, а борьба новых технологий, борьба новых идей, которые формируются только одним способом — из головы. И образование является основным генератором таких идей. Если мы действительно создадим круг талантливых людей, которые в каждом сегменте смогут генерировать инновации и в каждом сегменте смогут предложить новый выход из сегодняшних кризисных ситуаций — это самое достойное, что мы сможем предложить и украинской экономике, и миру. Сегодня это ключевой двигатель конкурентоспо-

собной экономики — умные люди, способные предложить и реализовать те или иные идеи.

До сегодняшнего дня в Украине нет системной реформы образования, даже нет реальной государственной программы и системы. Поэтому важно сегодня — талантливые люди, талантливое образование и создание человеческого потенциала, способного многое сделать не только для Украины, но и для других стран.

Третье — это, конечно, строительство, и это неплохой «драйвер» для формирования внутреннего валового продукта.

Четвертое — металл. Существенный рост экспорта у нас достигнут фактически не за счет объемов, а за счет возрастания ценового показателя на внешних рынках. Металл останется одним из основных факторов, которые формируют рост валового внутреннего продукта.

Ну и торговля. Мы сделали все, чтобы внешняя торговля была либерализована. Наконец, через 15 лет подписан протокол относительно вступления Украины во Всемирную торговую организацию (ВТО), либерализовали таможенный торговый режим, стали полноценными членами клуба мировой торговой организации. Но в любом клубе нужно уметь играть. Если не умеешь играть, нечего и вступать в него. Двери открылись, и теперь важно, чтобы те люди, которые отвечают за торговую политику, имели возможность реализовать эти идеи, реализовать здоровый протекционизм в рамках ВТО.

Итак, здесь были коротко очерчены те постулаты и столпы, на которых стоит сегодня украинская экономика. Очевидно, что инфляционный риск будет сохраняться и в дальнейшем. Что касается стабильности финансово-банковской системы, то важно, что в банковском секторе Украины значительна доля иностранного капитала. С одной стороны, в страну пришли новые технологи, с другой — наши ожидания относительно присутствия иностранного капитала были, вероятно, завышены. Поэтому еще раз отметим необходимость формирования национального капитала на всех уровнях. При этом банковская система Украины должна отражать интересы именно национального украинского капитала.

В современном состоянии банковской системы важно, что тот разрыв, который существовал между темпами роста активов, с одной стороны, и обязательств — с другой, сейчас несколько сократился, и практически идет синхронное движение по росту капитала и по росту

обязательств банков. Это позитивный элемент, но негативным является отсутствие ресурсной позиции в банках. Иначе говоря, когда овернайт практически составляет до 40%, то это трясет всю систему; 40%-ый овернайт — это перекладывание на стоимость кредитного ресурса, а также существенный стимул для инфляции.

Важно, чтобы правительство внесло изменения в закон о государственном бюджете и сформировало ресурсную позицию, чтобы был принят соответствующий закон, который полностью обеспечил бы доходы.

Что касается других законопроектов, то нужно завершить земельную реформу, потому что земля — самый важный капитал, который остался в Украине. Потеря контроля над земельными ресурсами и земельными потоками будет означать потерю контроля над государством.

И последнее — это реформы. К сожалению, процесс реформ как таковой в Украине тянется уже почти 15 или 16 лет, но активная стадия так и не наступила. Думаю, что в течение ближайших полутора лет реформ и не будет, потому что страна постоянно находится в предвыборном состоянии, а предвыборное состояние провоцирует популизм дешевых политических идей, а не основательных экономических знаний.

Известно, что то, что нужно сделать, уже давно прописано — начиная от административной реформы и заканчивая судебной реформой; остается только одно — реализовать все это. Иными словами, осталось сформировать политическую волю. Это будут определенные непопулярные вещи в краткосрочной перспективе, но в средне- и долгосрочной перспективе это укрепит фундамент украинского государства.

За 16 лет так и не было сформулировано, что же такое «национальная идея». Все говорят: давайте продвигать национальную идею — так что же это такое? Национальная идея — это не только украинский язык, культура, это и идеи, гуманитарные вопросы. Это и мощное государство, составляющими которого являются и эффективная власть, и некоррупцированная судебная система, и сильное геополитическое положение среди соседей. У нас сложные соседи, причем я говорю не только о россиянах. Если кто-то думает, что только россияне сложные соседи, то я вас разочарую: каждое крупное государство является эффективно сложным соседом.

Ну, а что касается моей книги, то она написана как инструкция: что делать, когда все пропало. Ведь шансы на то, что мы выживем в 2004 г., не были минимальными, потому что когда шансы минимальны, это значит, что они все-таки есть — а их вообще не было. Помогла Божья милость и профессионалы Национального банка. В книге много аналитики, много интересных вещей, о которых вы не могли бы узнать из других источников.

Е.Е. ОЛЕЙНИК

«Присутствие бытия в мире...»*

О чем он, этот фильм? Некоторые задаются вопросом. Наверное, о жизни, о непростых взаимоотношениях людей, которые живут вместе. Нам представлены три типа семьи с различными внутренними структурами. А, как известно: каждая семья — это своя маленькая «империя». И жизнь любого из ее членов, так или иначе, погружаясь в этот мир, начинает видеться глазами того персонажа, которого он играет в семье. Это определенный оптический уклон полностью поглощает наших героев. И каждый видит по-своему, каждый находится в своем смысловом пространстве и несет его с собой, не находя «тропинки» к пространству другого. Они разобщены, несмотря на кажущееся благополучие, и от того глубоко одиноки. Наиболее остро это чувствует Вера — главная героиня фильма.

Вера

Кто она — эта Вера, что ей не так? Казалось бы, все у нее благополучно. Решительный, заботливый муж. Она за ним как за каменной стеной, двое замечательных ребятишек. Все они переезжают в дом его отца, обустраиваются. Покой, тишина — идиллия. Она — классическая мамаша, никаких заскоков. Но что-то гнетет ее. Какой-то «нерв» присутствует во всем ее облике.

Она объявляет мужу, что беременна не от него. И все: кошмар, скандал — все кончено! Конец идиллии! Обстановка накаляется до

* Рецензия на художественный фильм режиссера А. Звягинцева «Изнание».

предела. Алекс (муж) в бешенстве. Это ведь предательство. Все сломано, ничего нельзя вернуть. Он обращается к Марку (к брату) за советом. У того тоже печальный опыт семейного «счастья». Марк говорит Алексу, что когда все «сломано», то ничего нельзя поправить. Можно только сделать выбор. Выбрать, как поступить (убить жену, простить ли ее). И любой выбор будет правильным, так как ничего уже не имеет значение. Сам он просто забыл о своей семье (и это тоже правильно).

После долгих мучительных раздумий Алекс решает простить свою жену, но при условии, что она сделает аборт. Вера соглашается.

После операции женщина умирает. Муж в отчаянии. Так видится ситуация глазами Алекса. Он чувствует себя виноватым, но в чем ему себя винить? Его предали, унизили, растоптали его чувства. Он же сумел простить и пытался наладить отношения, но только без чужого ребенка.

Но вся картина меняется, когда мы узнаем, что же на самом деле происходит с героиней фильма. Оказывается, разговор о чужом ребенке был только предлогом поговорить с мужем. По ее словам, она долгое время никак не может «достучаться» до него. Супруг ее не понимает и любит свою семью только для себя. Вера чувствует их разобщенность и не может с этим смириться. Скорее, раньше, наверное, могла, а теперь — нет. Откуда это взялось? Попытаюсь угадать ее прошлое. Вера вся «растворена» в семье: своем муже и детях. Ни о каких профессиональных навыках речи здесь и не идет. Она верная жена, хорошая хозяйка, заботливая мать. Похоже, в прошлом у нее ничего не было, кроме мужа. Он является «капитаном» их маленького «суденышка», которое называется семьей. Он решает: куда надо идти, что делать. Она же всегда следует за ним. Но что-то произошло, что-то изменилось. Она продолжает следовать за ним, но это ее уже не радует. Ее не устраивает такая постановка вопроса. Не устраивает — слабо сказано! Ей невыносима такая постановка. Почему? Раньше — да. Теперь — нет. Надо полагать, что эта женщина не лишена ума, таланта и утонченности восприятия. Ее жизненный путь был прост и ясен. Как все. Родилась, где-то там училась, выросла, вышла замуж, родила детей. Все просто и ясно. Живи и радуйся. Такая же модель семьи у их знакомых, в семье которых три дочери. Их мать полностью «раствори-

лась» в своих детях. У них дружная семья, уютный дом, воспитание в лучших традициях.

Но Вера не может удовлетвориться таким положением вещей. Ее не развившийся интеллект, на который, по всей видимости, никто никогда не обращал внимания, тем не менее дает о себе знать. Врожденная способность тонко чувствовать, этот дар более глубокого видения мира, с годами и жизненным опытом дал свои плоды. И вот она видит, что все неправильно. Можно жить и радоваться жизни только тогда, когда они с мужем «идут» вместе, когда они находятся в едином духовном пространстве. Он же у нее единственный. У нее больше ничего нет. Но она не может «докричаться» до супруга, не может найти к нему «тропинки». Женщина в отчаянии. Ведь если это не так: не так, как она хочет, то ничего не имеет смысла, все мертво! «И зачем рожать еще мертвых?!» — в отчаянии кричит она. Ее тщетные попытки «дотучаться» до мужа, чтоб он ее «услышал», доводят ее до критического состояния. Жизнь в ее глазах становится невыносимой. Об этом явно свидетельствует сцена с яблоком. Несмотря на свою глубокую депрессию, Вера продолжает жить обычной жизнью. Она следует за мужем, заботится о детях. В разговоре с дочерью (Евой) она пытается адекватно реагировать на капризы ребенка. Но после нескольких «нет», теряет самообладание. Разговор заканчивается: «Но ведь ты хочешь салат из яблок?». Ответ: «Нет». Вера: «А что ты вообще хочешь?». Ева: «Ничего». И это — «ничего» — как конец, как тупик. Дальше разговор не может продолжаться. Конечно, нормальная мать всегда найдет, что сказать в подобном случае. Но для Веры, в ее душевном состоянии, это прозвучало как проекция, как подтверждение ее мрачных мыслей. Она расплакалась от усталости и бессилия. Ева просит прощения у матери. «Ты ни в чем не виновата», — говорит та дочери. И правда, Ева всего лишь ребенок. Вера понимает, что проблема заключается в ней самой, так как все обычные вещи кажутся ей теперь невыносимыми. Мы узнаем, что женщина пыталась покончить жизнь самоубийством. Но что-то ее остановило. Она попросила помощи у сослуживца мужа — Роберта. Ему-то она и рассказала о своих проблемах. Он ей посочувствовал. Но, к сожалению, у этого человека не хватило ни ума, ни души, ни фантазии, чтобы грамотно поддержать, помочь, открыть ей новые пути, дать «ключи» для новой жизни: не ограничиваться отношениями с мужем, а попытаться раскрыть себя для себя. Его веселый рассказ о

потерянных ключах был весьма неуместен. Молодой человек, конечно, пытался отвлечь женщину от тягостных мыслей. Собственно, это все, на что он был способен на своем уровне. Вера, которая только что «заглянула в глаза смерти», которая пережила такую драму, могла едва поддерживать этот разговор, чтобы выглядеть адекватно. Очень трудно, «стоя над бездной», поддерживать светскую беседу. И позже. Когда над женщиной сгустились тучи мужниного гнева, она вновь обратилась к Роберту, позвонив ему. Ведь он все про нее знал, и обратиться больше не к кому. «Береги себя и детей», — прозвучало в трубке. «Спасибо», — сказала Вера. Ну а что тут еще скажешь? Спасибо и на этом.

Женщина решается на отчаянный поступок: сообщить мужу, что ждет не его ребенка. Таким образом она пытается обратить на себя его внимание. Это известие должно его поразить. И тогда, быть может, он спросит: «Почему? Что происходит?.. Что в их жизни было не так?..». Она бы ему все объяснила. И он смог бы понять ее, и они вместе решили бы свои проблемы.

Ей действительно удалось его поразить, но реакция оказалась непредсказуемой. У мужа был шок. Он бросился от нее прочь. Высвободившаяся энергия от пережитого потрясения преобразилась в неуправляемую стихию. Его единственным желанием было убить жену. Ни о каком разговоре не могло быть и речи, хотя она пыталась еще объясниться с ним. Атмосфера накалялась. И Вера поняла что проиграла. Последняя попытка наладить отношения с мужем провалилась. И более того, на порядок усугубилась. Это был полный провал ее жизни. «Загнанная в угол» сложившимися обстоятельствами, Вера уже с радостью соглашается на предложенный ей мужем аборт. В дом приходят чужие мужчины — врачи — и «потрошат ее». А ведь этот ребенок был для нее последней надеждой на мир, на счастье с любимым человеком. Жизнь для нее больше не имеет значения. И продолжать ее у обессиленной и подавленной женщины не оставалось ни малейшей возможности. Мысль о грехе, о долге перед детьми не имеет в данной ситуации никакой силы. Воля к смерти оказывается непреодолимой. Бездна, однажды показавшаяся, на этот раз уже не отступает. Я не хочу оправдывать героиню за то, — она наложила на себя руки. Но единственное, что надо признать, что жизнь, подчас, бывает сильнее всего.

Сильнее наших взглядов, убеждений, веры и даже любви. И с этим приходится считаться.

Героиня этого фильма чем-то мне напоминает Анни из романа Сартра «Тошнота». Та тоже жила иллюзиями об идеальном. С детства она представляла себе выигрышные ситуации и в них идеальные моменты; когда все должно вести себя подобающим образом. Полагаю, что это — желание увидеть в нашем несовершенном мире кусочек рая на земле, мира горнего. Восстановить воспоминание, по Платону, мира идей, в котором мы находились до нашего рождения. Но Анне не удалось это сделать: идеальные моменты всегда кто-то портил. Впрочем, позже она поняла, что их вообще не бывает. За это открытие она заплатила смертью. Смертью, но не физической. Женщина потеряла интерес к жизни и совсем очерствела. Но, в отличие от Веры, у нее было больше возможности и внешней свободы. Она стала путешествовать. И в данной ситуации неизвестно, что честнее: уйти из жизни или таскать свое брненное тело, полностью лишенное души, по всем городам и весям.

Полагаю, нелегко родиться женщиной с тонкой душевной организацией. Тем более что все гуманистическое образование способствует развитию творческих способностей. И после юношеских иллюзий оказаться в жерновах обыденности, в окружении обывателей. Обоим героиням, пожалуй, нет и тридцати лет. Это период, когда жизнь, так или иначе, устраивается. Ожидание «фейерверка» событий утихает, будущее становится прозрачным. А в нем — ничего. Ничего, о чем мечталось, о чем грезилось в детских волшебных снах. Все старания усовершенствовать себя оказываются никому ненужными. «Принцесса» превращается в «прачку». Ей только приснилось, что она была на балу. Зачем все? Зачем было, к примеру, учиться музыке, хорошим манерам, изящным искусствам? Утончать зрение и слух, чтобы воспринимать прекрасное, возвышенное? Когда это не с кем разделить. А вместо этого тащиться «овцой» за своим «узколобым» прямолинейным мужем. Быть всегда в его тени, выполнять беспрекословно его поручения: подай, прими. Он, конечно, быть может, идеал в глазах других женщин. Обладает всеми достоинствами, но от этого не легче.

Общение же с другими женщинами только усугубляет чувство тоски и скуки. Так как они живут в этой обывательской жизни и вполне довольны. Приятельница Веры, возможно, и недовольна своим супру-

гом. Но она нашла себя в воспитании дочерей. Женщина живет как добропорядочная бургерша: дети, кухня, церковь. И вполне счастлива. И девочки ее довольны. Это другая «империя», другая расстановка сил. И когда они все вместе так уютно сидят и читают Библию, полные смысла и благоговения, отец семейства, как рваный ненужный башмак, сидит на кухне и пьет пиво. Он как бы и неуместен, спивающийся мужчина, в этом оазисе благочестия. Разговоры с такой женщиной сводятся к повседневным проблемам.

Но коль скоро все так бездарно, так обыденно и тупо, то все пусто, все мертво. Ни в чем нет никакого смысла. Зачем рожать детей, воспитывать, давать образование? Что бы все повторилось? Зачем рожать «мертвецов»?! «Я не хочу так... и не могу!» — как бы кричит Вера («и это тоже правильно» — по словам Марка).

Здесь была совершена попытка понять мотивацию Веры. Увидеть жизнь ее глазами. И все же они, на мой взгляд, не правы: что Вера, что Анна. Ничего нельзя переделать. И рассчитывать, что можно спроецировать свой богатый внутренний мир на жизнь в эмпирическом пространстве — весьма наивно. Эти женщины выстроили свое внутреннее видение, и это хорошо. Попытка разыграть его во внешнем мире не удалась. Надо было это вовремя осознать и не «биться о стену», разрушая себя. А суметь сконцентрироваться, не расплескивать энергию, быть гибче. Неудачная попытка выразить себя во внешней жизни должна была дать возможность вернуться к себе, сделать некий «виток». Надо было научиться жить для себя. На себя потратить накопленные «сокровища». Развивать их, проявить фантазию. Реализовать в себе. «Энергия» тогда вернется и приумножится, а следовательно, человек будет меняться, и силы будут расти. В свою очередь, постепенно будет изменяться поведение индивида. И окружающие это почувствуют. Таким образом, и внешний мир будет изменяться. Сильный творческий человек — как доминанта в любом обществе. Он интересен, на него обращают внимание, к нему тянутся. Творчество в жизни. Прекрасно! Но и это не панацея для счастья. Это только очередной «виток». И здесь придется платить. Впрочем, как и за все: за творчество — плати, за нетворчество — плати. Но это уже другая история.

Алекс

Что касается Алекса... Во всей этой истории он видел только одно — предательство! Ослепленный гневом и отчаянием: ведь «разрушено» все, ничего нельзя исправить. Он мечется из стороны в сторону, не находя себе места. После разговора с братом, который сказал, что после того, как наступил «конец», любое его решение будет правильно, Алекс пытается найти действительно верный выход. Он все же любит свою жену и не хочет потерять детей. Он предлагает Вере сделать аборт. Только на этих условиях, возможно, есть надежда начать все с начала. Но смутная тревога беспокоит его: Вера после операции не приходит в себя. Тревога сменяется сомнением: а правильное ли он принял решение? За стремительно короткое время человек полностью преобразуется. Вот он уже сидит у кровати супруги, держит ее руку и в слезах просит прощение. За несколько часов мужчина пережил целую палитру чувств: от гнева, от неистовства, через прощение, до полного раскаяния. Кажется, что, держа ее руку в своих руках, он «увидел» ВСЕ. Скорее не увидел, а почувствовал, что происходило с ней, что она переживала. Это можно только почувствовать. Ибо от линейного мышления получить сразу объемное восприятие — невозможно. Но почувствовать, что все твоё видение мира лишь тонкая полоса в картине мира другого человека, что рядом с тобой мир в глазах другого был огромней и многограннее, а ты этого не заметил, что ты, оказываясь, вообще ничего не понимаешь, хотя всегда считался умным, — это жутко! И вот теперь, действительно, ничего нельзя вернуть! Это как предстояние перед чем-то огромным и неизведанным. И земля ускользает из-под ног, и в глазах темнеет. И все основы, такие твердые, устойчивые и понятные, рушатся. «Нет!» — кричит он и падает в отчаянии, когда узнает о смерти Веры. Это движение души, быть может, единственно истинное, которое было у него за всю жизнь. Пережив такое потрясение, Алекс перестает ориентироваться в событиях. Его брат Марк берет на себя ответственность за происходящее: надо срочно похоронить Веру, чтобы полиция не докопалась до причин смерти. С ним случается сердечный приступ, но он все же едет на похороны. И оттуда его привозят уже мертвым. Алекс дает распоряжение врачу позаботиться о брате и едет к мнимому любовнику своей жены, чтобы наконец-то прояснить обстоятельства. Замечательна сцена в машине. Любовника (Роберта) не было на месте. И Алекс ждет его в машине.

Идет сильный дождь. Измученный человек закрывает глаза. События последних суток потрясли его. Все, все — не так, как должно быть. Абсолютная дисгармония жизни. На минуту покоя хочется поверить, что это все — страшный сон. А на самом деле все хорошо, и мир полон гармонии. Дождь стучит по крыше. Он такой сильный, что «ожил» старый пересохший ручей, который Алекс показывал своим детям. «Папа, а почему ручей не течет?» — спрашивали они. «Не знаю. Всегда был, а теперь нет. Неизвестно». Так нет же! Это было в том плохом сне! Ручей течет и никогда не пересыхал! И еще много-много воды... и все на самом деле очень хорошо!

И все же реальность остается реальностью. Алекс выясняет (наконец-то) у Роберта обстоятельства всего дела. Вера ему не изменяла.

Жизнь продолжается. Алексу пора ехать за детьми, они в гостях. Как дальше сложится жизнь этого человека, по фильму неизвестно. Но он — реалист. Есть надежда, что мужчина «возьмет себя в руки» и продолжит свой жизненный путь, со всей присущей ему ответственностью. Надо поставить детей «на ноги».

Марк

Но, как ни странно, на мой взгляд, больше всего этой историей был потрясен брат главного героя (Марк). Он старше Алекса, умнее, умудрен жизненным опытом. Он знает о жизни все, может владеть ситуацией, распоряжаться своими чувствами. Он-то прекрасно знает, что в жизни нет никакого смысла, не существует никакой логики. Просто происходят какие-то события, а ты вправе решать, как тебе поступить. И как бы ты не поступил, все будет правильно. Жизнь бессмысленна, но ее надо прожить. В семье Марка произошло примерно тоже, что и у брата. Он решил оставить семью. И о своих троих детях даже не вспоминает. А зачем? В его глазах Алекс выглядит суетным и недалеким; одним словом — младший. Марк ничего конкретного брату не советует. «Делай, как хочешь: хочешь убить жену — убей, хочешь простить — прости. И все это будет правильно». Он философ: спокойный и рассудительный, очень уставший от жизни и смотрящий на нее «сквозь пальцы». Чувства его притупились, и рассудок взял над ними верх. После смерти Веры самообладание его не покинуло. Надо помочь растерянному брату. И Марк берет ситуацию в свои руки, чтобы не было вскрытия (не обнародовать аборт). Он дает указания как и в чем надо

хоронить женщину, учитывая все тонкости и нюансы: положить ее в ночной рубашке, не гримировать, вообще не трогать.

Но, похоже, что спокойствие и рассудительность этого человека мнимые: узнав о смерти Веры, он сказал: «Бедная девочка». Его, такого беспристрастного, рассудочного, тронула ее кончина. А это уже — «червь» сомнения в непогрешимости собственной теории. Он, хотя ничего конкретного брату не советовал, так или иначе, несет ответственность за произошедшее. И вопль горем убитого Алекса, и его проклятия всей этой премудрости заставляют чувствовать философа, что все-таки что-то не так. Стройная и ясная теория жизни дала сбой. Не сработало, «неужели я чего-то недопонял, упустил», — полагаю, думал он неосознанно. Но думать некогда — времени нет, надо действовать. Необходимо удерживать ситуацию под контролем. Время играет против Марка. Похороны должны пройти быстро. А сомнения — это появление чего-то неизвестного для человека уверенного, что всю жизнь он разобрал, как свои пять пальцев. Сомнения в таком случае могут «вытащить» из подсознания все-все, что было подавленно рассудком и волей: страх, чувство вины, а главное — ужас перед грехом — страх Божий. Который присутствует в каждом человеческом существе и который так же передается генетически, поскольку был воспитан во многих поколениях. Проще говоря — страх смерти, т. е. полного уничтожения.

Такие перепады: от полной уверенности в своей правоте — к предостоянию перед настоящей реальностью, неизведанной и незнакомой (оказывается, вся жизненная мудрость была только иллюзией), очень опасны для психики. Если Алекс искал правильное решение и ошибся — это одно. Но Марк-то знал цену реальности... Но все, не надо ни о чем думать! Надо срочно делать дело!

Но почему-то темнеет в глазах. Марк падает. Врач констатирует его тяжелое состояние. Больному нельзя вставать с постели. «Дай мне что-нибудь. Мне надо продержаться еще три часа... мне нужны только три часа...» Несмотря на возражения врача, мужчина встает и едет хоронить жену брата. Обрато привозят его труп.

Смерть Марка красива. Ему удалось довести свою жизнь до логического завершения. Или хотя бы до иллюзии логического завершения. Так как, по его словам, логики в жизни не существует. Марк все как всегда рассчитал, все выстроил. Он должен был во чтобы то ни стало

завершить именно это дело, ситуация которого оказалась ему неподвластной. И отдать долг брату за то, что невольно стал участником его разыгравшейся трагедии. И это был его выбор. Человек, отрицающий логику жизни, в последние свои минуты поступал совершенно логично. Парадокс! И это «правильно».

О чем этот фильм? Хотелось бы вернуться к изначальному вопросу. На мой взгляд, не стоит здесь разбираться в психологизме: кто прав, кто виноват. Хотелось сказать словами Хайдеггера — это «присутствие бытия в мире». Каждый человек — определенное проявление бытия. Вот оно какое «бытие». Как вода в дуршлаке. Вода, т. е. бытие, — одна, а проливается разными струями — человеческими жизнями, которые не пересекаются между собой. И только при встряске могут ненадолго соединиться.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

* * *

22—24 мая 2008 г. в г. Ростове-на-Дону в рамках Международной научно-практической конференции «Развитие России в условиях глобализации мировой экономики», организованной Институтом внешнеэкономических связей и экономическим факультетом Южного федерального университета, была проведена секция «Философия хозяйства: глобальные проблемы глобального мира» под руководством директора ЦОН, профессора Ю.М. Осипова. В работе конференции приняли участие члены ФЭУС: доктора наук А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону), И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону), Е.О. Миргородская (Ростов-на-Дону), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), К. Рычь (Варшава), А.З. Новак (Варшава), П.С. Лемещенко (Минск), М.М. Гузев (Волжский), Ю.В. Яковец; кандидаты наук: Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), В.И. Романченко (Новороссийск), В.В. Сорокожердьев (Краснодар) и др.

Ниже публикуем статью Ю.М. Осипова по теме конференции.

Ю.М. ОСИПОВ

Россия: стратегия в эпоху перемен

За XX в. мир сильно изменился, настолько сильно, что стал *другим* миром — миром, как сейчас стало принято говорить, *Постмодерна*, точнее, миром с Постмодерном, рожденным Западом (Европой и Северной Америкой) и Западом же активно ныне культивируемым. Мир Природы и Бога (Премодерн), сменившись на «мир человека против Природы и Бога» (Модерн), стал теперь «миром без Природы и Бога», но зато «ради человека и только человека».

Когда-то человек хозяйствовал (с помощью Божией), в природе и заодно с нею, затем человек принялся хозяйствовать вопреки природному и сакральному началу, а ныне человек, покорив природу и отпав от Бога, хозяйствует непосредственно из себя и ради себя, все более свободно и полно самовыражаясь, наслаждаясь творчеством и инновациями, ведя практически свободно собственную демиургию.

Мир Постмодерна — уже не мир *Модернизации*, как это было в эпоху Модерна (XVI—XX вв.), это мир *Инновации* — не ради жизни и даже не ради вооруженной наукой и техникой жизни, а ради непрерывно обновляющейся жизни, что означает, что не ради модернизации

онного прогресса и прогрессивного возвышения (переделки мира по человеческому замыслу и полного миром овладения), а ради искусственного бытия, возможного только при условии *постоянного изменения*, или, что то же самое, *непрерывных перемен*, как бы поддерживающих этот мир на лету, вроде бы прямо в Космосе.

А поскольку сами эти изменения и перемены не очень-то для реальной жизни нужны, то они по большей части выступают как *инновации ради инноваций*, а не инновации ради жизни, вызывая мощнейший эсхатологический, если не прямо апокалиптический, мотив в бытии современного человека. Ведя уже не просто хозяйство, а самое настоящее *гиперхозяйство*, т. е. *хозяйство ради хозяйства*, а следовательно, и *хозяйство ради ничто* (сделай то, не знаю что!), человек фактически создает и поддерживает *мир-симулякр*, превращая и самого человека в *существо-симулякр* — как новое человекоподобное существо, название которому уже не какое-нибудь, а непосредственно *постчеловек*.

Постмодерн — гиперхозяйство — постчеловек!

Теперь не человек ведет хозяйство, как думается до сих пор, а гиперхозяйство, став вполне самодовлеющим, ведет человека, делая его еще и постчеловеком; не наука и техника теперь при человеке, а человек ныне при науке и технике; не институты при человеке, а человек при институтах; не рост и развитие при человеке, а человек при росте и развитии; не благополучие при человеке, а человек при благополучии; да и не жизнь и смерть ныне все более при человеке, а сам человек все более при жизни и смерти.

Победа человека над Природой и Богом... оказалась вдруг... пирровой победой: изобилие, превращая человека в свою принадлежность, не просто придушивает человека, точнее, человека в человеке, но и требует от человека отказа... и от... самого себя, ибо только отказавшись от себя человекообразное способно существовать в нынешнем переменном и переменчивом мире — ничего устойчивого, никакой тебе остановки, никакой и насыщенности, никакой содержательности, — только форма, только открытость, только пустота, только плазменность, только однообразие и похожесть.

Не человек теперь лишь, а знаки человек, символы, институты, призраки — но только не человеки!

А что Россия?

Россию мутит, Россию корчит, Россию ломает — от Постмодерна. Съела, наелась и, не переварив, уже тужится его выблюнуть. Почему же? В России еще бытует человек — плохой, безобразный, пакостный, но человек — еще не полный симулякр. Даже бандиты в России еще

человеки, даже бизнесмены, даже проститутки, даже политики и даже... ученые.

Уступив мировому глобальному центру, склонившись перед Западом, развалившись и опозорившись, а заодно озверев и оскотинившись, СССР-Россия, не избежав столкновения с остаточной человечностью, вдруг почувствовала, что *все* это новое... совсем не *то*, что надо было бы, что вокруг все мерзко и отвратительно, а гламурное благополучие не более чем прельстительная вспышка перед вполне вероятной гибелью. Почувствовала, колбасясь, но еще не осознала, — и уж, тем более, решительно не отпрянула — от содеянного и неожиданно вдруг благоприобретенного. Однако задумалась... не очень твердо и глубоко... хотя бы от смертоносного жуткого помрачения, ее свободно овладевшего и уже умучивающего.

И что же сегодня?

А сегодня стало вдруг ясно, что *так* нельзя, что потребно *что-то другое*, что нужно *что-то* делать.

А энергии-то для этого и нет, ума нет, воли нет — разве лишь одно слово, брошенное невпопад: *инновация* — еще и не понятое, не осмысленное, не осознанное.

Слово уже есть, а дел великих, естественно, нет, — и не будет, пока не поймем, что Реформа 1990-х тоже ведь была инновация, приведшая не только к нынешнему беспросветью, впрочем, вполне и благостному, но и к нынешнему... *инновационному тупику*, не столько препятствующему скорым инновациям — они есть и будут, разумеется, заимствованные, — сколько требующему нового *инновационного безумства*: *что, как, для чего и с какими последствиями* инновировать в непрерывно и так меняющейся стране, занятой глобальным Вальтасаровым пиром вослед пирровой победы ради безмерного и бестолкового благоденствия?

Новое инновационное безумство!

Либо переходящее в инновационное развитие страны, либо ее — эту страну — окончательно угробляющее. А страна никакого инновационного безумства совсем и не хочет: не до рывков ей ныне, пожить бы, насладиться, порадоваться. Не до инновационного героизма! Вполне достаточно и текущего подражательного обновления, зачем еще какая-то фундаментальная, стратегическая, возвышающая *Инновация*, субъектная и национальная, чуть ли не имперская — чего в России не хватает?

Ситуация в стране сложилась по-своему уникальная: она в целом *антиинновационная*, если под инновацией понимать самостоятельное, хотя и не изолированное полностью, в интересах страны, как и не без

интересов мира, творческое движение по пути обретения нового полноценного бытия, не только не исключает творчество и демиургию, но ставящего их на службу старающегося избежать социогуманитарной катастрофы человека.

Если сегодня говорить об инновации, то таковой может быть только *антикатастрофная* инновация!

Вероятна ли эта катастрофа? Не просто вероятна, она... идет! Апокалипсис, во всяком случае, апокалиптический кризис, в том числе и кризис гиперхозяйства — налицо! Только слепой не видит, хотя, наверно... и кое-что этакое уже слышит.

Постмодерн — время подспудного апокалипсиса, рожденного Модерном, как и время раскручиваемой Постмодерном ползучей катастрофы. Апокалипсис ведь никак не противоречит процветанию и благополучию, он с ними даже солидарен, а катастрофа не обязательно выражается в видимом и слышимом всеми обрушении всего мироздания. Тут все куда как тоньше, лояльнее и незаметнее, одновременно и гадливее.

Когда толкуют старательно об инновациях, то имеют в виду прежде всего любые новшества, кроме социальных и гуманитарных, а главное — сегодня как раз восходит в инновационных деяниях именно к обществу и человеку.

Постмодерн и глобализм — великие инновации, направленные прямо на планетарного человека и на мировой социум. Неужели это еще не ясно? А ежели не ясно, то тогда нечего делать на конференциях по инновациям, ибо постмодерновые и глобалистские инновации «крышуют» сегодня все человечество и весь человеческий мир, ведя их даже не в новое состояние, а в новый, еще невиданный образ бытия, в рамках которого окажутся далеко не все из насельников планеты, а тем, кто окажется, уготовлено свое определенное место, своя роль, а главное, и свой постчеловеческий образ — от киберного до обезьяннего.

Не проморгать бы за призрачными нанотехнологиями самые важные на сегодня нововведения — социальные и гуманитарные: с одной стороны, губительные — для той же полоумной России и все еще лупоглазых россиян, а с другой — спасительные — все для той же, но уже тревожно озирающейся, России и тех же, только-только прозревающих, россиян!

Инновационная политика в России нужна, ох, как нужна! Однако сама из себя представляющая инновацию, которой еще не было, мало того, ведущая к *социальным* и *гуманитарным инновациям*, которых тоже еще не было, к тем самым, которые, преодолевая постмодерн и

глобализм, а соответственно, апокалиптику и катастрофику, сообщают жизни на планете новое плодотворное дыхание.

Эпоха перемен! Каких и куда? И где тут *наши* перемены, способные, встроившись в поток всеобщих перемен, дать потребные *нам* итоговые перемены?

И тут вылезает пренеприятнейшая вещь: повести нужные нам перемены *только* через обретение... *традиции*, не обветшавшей вовсе, а обновленной — смотрящей вперед, осваивающей будущее.

Ох, эти перемены, ах, эта переменная элита... эх, эта переменчивая власть!

* * *

10 — 11 июня 2008 г. в г. Львове (Украина) на базе Львовского института банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины состоялись Международные философско-экономические чтения «Философия финансовой цивилизации: человек в мире денег», организованных совместно с Центром общественных наук при МГУ. В чтениях приняли участие члены ФЭУС доктора наук А.И. Агеев (Москва), З.Э. Скрынник (Львов), В.В. Ильин (Киев), В.М. Сологубов (Екатеринбург), кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.С. Зотова (Москва). К чтениям подготовлены: *Філософія фінансової цивілізації: людина у світі грошей: Матеріали Міжнародних філософсько-економічних читань (10—11 Червня 2008 року, м. Львів) / Університет банківської справи Національного банку України; Редкол.: Відп. Секретар З.Э. Скрынник. — Львів, 2008. — 416 с.*

* * *

С 11 по 13 июня 2008 г. в г. Оттаве (Канада) прошла международная конференция «Образование как диалоговая модель общественного развития», организованная совместно Мировым общественным форумом «Диалог цивилизаций» (Россия) и Карлтонским университетом (Оттава) при поддержке Парламента и Министерства иностранных дел Канады. В конференции в качестве докладчика и модератора секции «Экономика» принял участие директор Центра общественных наук при МГУ профессор Ю.М. Осипов.

Ниже публикуются тезисы его выступления, а также ответы на вопросы оргкомитета.

Ю.М. ОСИПОВ

Экономический мир на переломе

Что бы ни говорили об экономике, главное в экономике деньги и погоня за ними — посредством все тех же денег, превращающихся в капитал — возрастающие деньги.

Иное дело, что деньги сами по себе не растут, они должны в форме капитала пройти через неденежную среду — производство благ и их обмен в виде товаров, и только после этого возрасти уже как деньги.

Экономика — процесс введения денег в реальную неденежную сферу, оденение этой сферы, ее кредитование, движение денег по этой сфере и выхода денег из нее с приростом — прибылью, то же самое — рентой.

Денежные доходы превышают в экономике денежные же расходы.

Денежные доходы, однако, — не от денег, а от неденежной реальности — природной, трудовой, производительной. Запускаемый посредством денег неденежный производительный процесс (природный, трудовой) доставляет неденежный прибыль, превращающийся в новые — прибыточные, прибавочные — деньги.

Вот и вся экономика!

Это не более чем денежная эксплуатация природы и труда, от которых и весь производительный эффект.

Отсюда простой вывод: кто владеет деньгами, тот и господствует в экономическом мире, конечно же, владеет деньгами, способными побуждать к производительному, а не одному лишь потребительному эффекту. Сначала производительный, а затем уже потребительный эффект, тоже одененный.

Без денег в экономическом мире никуда, с них все начинается (авансирование, инвестирование денег) и ими же все заканчивается (денежным доходом с прибытком).

Мир денег опосредует и контролирует мир денег, его организует и им управляет.

Это и есть экономика, экономический мир, экономическая цивилизация.

Мир денег устроен иерархически и централизованно.

В экономике всегда есть централизованный верх — вершина, она же и экономическое правительство (локальное, национальное, международное, мировое, глобальное). Это правящий верх выпускает деньги, вводит их в экономический оборот, организует и контролирует их движение и их работу в неденежном мире, обеспечивает возврат с

приростом (под реальный прирост все время создаются новые деньги — как в центре, так и частично, но под контролем центра, на местах, в однеженном пространстве).

Деньги, их система — пирамида, в рамках которой располагаются разные владельцы и распорядители денег, соответственно, и получатели доходов (с учетом разного рода перераспределений).

Доходы достаются не одному правящему верху, они достаются не только всяким распорядителям денег (инвесторам, кредиторам), но и производителям денег.

Так воспроизводится вся экономическая система, она же пирамида, называемая экономическим сообществом.

И каждому там свое место — ни больше, ни меньше!

В настоящее время экономика глобальна, что означает не только охват ею планетарного пространства, но и образование всемирной экономической пирамиды во главе со столь же всемирным правящим экономическим центром, в сердцевине которого, конечно же, соответствующее экономическое правительство.

Но дело тут не только в том, что экономика ныне глобальна, а и в том, что эта глобальная экономика переживает первый для нее после исчезновения двухмирового (двухсистемного) мира глобальный же кризис.

Это кризис не только вообще экономики, но и характерного для нынешней экономики глобализма.

Данный кризис интересен тем, что ставит под сомнение сложившуюся всемирную экономическую пирамиду, включая всемирную систему денег.

Что хорошо для национальных экономик и даже для международных региональных образований (типа ЕС), вовсе не хорошо для всего планетарного мира.

Глобальное пирамидальное устройство планетарной экономики и мировых денег оказывается не слишком эффективным и подходящим для всей планетарной экономики, социально несправедливым, а во многом уже ретроградным и на перспективу недееспособным.

Крупные экономические игроки (все равно какие: корпоративные, национальные или региональные международные) не соглашаются по тем или иным соображениям и обстоятельствам на глобальную экономическую пирамиду, которая ныне уже настойчиво и настоятельно трещит по швам (рост цен на энергию и сырье, на природные и продовольственные ресурсы, кризис доллара, ипотечный кризис, общая инфляция и т. д.).

Глобальное экономическое правительство пытается найти новое, — конечно же, глобалистское, — решение, т. е. перестроить под себя выпестованную им пирамиду, включая и свойственную ей денежную систему, но дело в том, что планетарный мир на это пойти уже не может, а потому на повестке дня, надо полагать, возможность новой конфигурации планетарного экономического мира, основанная на взаимосоответствии крупных международных региональных образований и лишь дополняемая в виде надстройки мировой координационной структурой, подчиненной новым гигантским регионалам.

На место глобального моноцентризма приходит, по-видимому, планетарный полицентризм, хотя его приход может и весьма растянуться во времени.

Так или иначе, но впереди маячит затяжная тяжба между моноцентрическим глобализмом и полицентрическим планетаризмом.

Без денег экономики нет и быть не может, а потому борьба за новое экономическое обустройство планеты станет борьбой за новую организацию денег и, соответственно, новую денежную организацию планетарной экономики.

Ответы Ю.М. Осипова на вопросы оргкомитета Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций»

1. Как Вы полагаете, почему назрела именно эта основная тема международной конференции «Образование как диалоговая модель общественного развития»?

Мир и человек, его сознание, изменяются. Образование, само изменяясь, является фактором и орудием изменений в мире и в человеке. Каково образование, таков и во многом, если не в главном, человек. Реализация образования — реализация будущего через будущего человека. Отсюда и актуальность проблемы.

2. Что вы ждали от этих трех дней встреч, докладов, обсуждений в Оттаве? В какой степени эти надежды оправдались?

Ожидал сведений, мнений, диалога. Все это получил.

3. Какое впечатление было для Вас самым полезным и памятным? Какие доклад или дискуссия показались наиболее проблемными, конструктивными и интересными?

Доклады и суждения ряда российских и отдельных зарубежных коллег. Есть общее, есть и различия: фиксация того и другого важна. Открытий не было, но были подтверждения, что тоже важно.

4. Какой лучший опыт по Вашему мнению имеют сегодня Россия, Канада и США в сферах: образования, науки, экономики, миграционной политики?

Поиск нового и неудовлетворение от нового.

5. Чему мы можем и должны поучиться друг у друга? Как это практичнее осуществить?

Обновляясь, не забывать традиции, а увлекаясь, находить и поддерживать меру.

Быть партнерами по общим заботам, а не навязанным задачам. Канада ни о каком Болонском процессе понятия не имеет, что превосходно!

Отсюда на первом месте свобода, маневр, приемлемость.

6. Появились ли у Вас в Оттаве новые друзья, единомышленники, коллеги?

Впечатления от коллег в основном положительные. Полезные беседы. Знакомства, от которых возможна в будущем и конструктивная отдача.

7. Какие, по Вашему мнению, общие задачи и проблемы стоят сегодня перед ведущими странами мира, в первую очередь — Россией, Канадой и США?

Насколько ближе к их решению и эффективному сотрудничеству в сферах науки, образования, экономики и миграционной политики мы стали благодаря Международной конференции в Оттаве?

Более справедливое и для всех эффективное устройство мира. Тревога за человека, природу и планету в целом. Преодоление Постмодерна, а вместе с этим пустоты и бессмыслицы, имитации труда и жизни.

Стали ближе по части взаимопонимания, как и увидели большие различия: волнуемое Россию мало волнует Канаду (весь этот «буржуазно-социалистический» рай).

Россия страдательнее, и мысль в ней бьется сильнее.

8. В каких направлениях нам всем вместе нужно работать впредь? Какие пути и методика для этого Вы бы порекомендовали?

Ближе бы к реальной жизни и к жителям посещаемых стран.

9. Какие направления и события в совместной деятельности в рамках МОФ «Диалог цивилизаций» Вы бы посоветовали на будущее?

Оставлять больше текстуальных следов (Интернет, журнал, книги). Больше пропаганды в СМИ. Больше материалов для заграницы на иностранном языке. Больше микровстреч и микробесед во время конференций.

10. *В чем, по Вашему мнению, главные опыт и итоги Международной конференции «Образование как диалоговая модель общественного развития» для других стран мира?*

Познание других и интеллектуальное обогащение.

11. *Что Вы привезли с собой из Оттавы, в память о конференции?*

Впечатления о людях, а также о весьма благополучной, но не тревожащей воображение стране.

12. *Что в первую очередь расскажете об этих трех днях в Оттаве Вашим близким, родным, коллегам, ученикам?*

Что жизнь продолжается.

* * *

24 июня 2008 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Гламур как искушение и порча в хозяйстве и в жизни», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Е.А. Карцев, Т.В. Кузнецова, С.П. Макаров, Г.Р. Наумова, М.А. Пивоварова, Л.И. Ростовцева (Тула), В.А. Твердислов, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук А.К. Попов, И.П. Смирнов, Ю.В. Якутин; соискатели Я.И. Нисанов, И.И. Рудяк, аспирант В.А. Луковенко, студент Д.В. Ковинько, поэт Э. Шац (Милан).

Анонс

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

***Экономический суверенитет
и суверенная экономика***

Глобализация хозяйственной жизни и национальные интересы. Нация и национальное государство, их суверенитет. Суверенитет национальной экономики. Безопасность. Механизмы обеспечения экономического суверенитета, роль государства и хозяйственного центра. Что такое сегодня суверенная национальная экономика? Российская экономика как суверенная: реальность, тенденции, проблемы. Экономический суверенитет и суверенная экономика как категории науки.

**14 октября 2008 г., вторник, ауд. 413, 2 учебный корпус МГУ,
в 15 часов.**

* * *

ЧЕТВЕРТЫЙ
МАЛЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРУМ

3—5 декабря 2008 г.

Национальная элита — судьба России

Историю творят прежде всего элиты, те верхние слои общества, которые, держа в своих руках власть, неважно какую, принимают судьбоносные решения — хорошие или плохие, все равно. Именно элиты, которые легко оборачиваются антиэлитами, устраивают войны и мир, подъемы и застои, революции и реформы. Вот и перестройку СССР с его последующим развалом тоже.

Присвоив оставшуюся от СССР Россию в свое собственническое владение, российская элита, она же антиэлита, обогатила историю новым социохозяйственным устройством, неспособным к самостоятельному инновационному развитию. Главная причина — приоритет присвоения и несправедности над развитием и праведностью, следственно, отсутствие жизнеспособной элиты, нацеленной на интересы социума в целом, его благополучие и всестороннее развитие. Антиэлита благоденствует, слишком медленно эволюционируя в элиту, не пропуская вперед и возможную новую элиту. Отсюда задача целенаправленного формирования элиты — что может сделать только сильная централизованная власть. Без нормальной и действенной национальной элиты — лишь эфемерное прозябание и неминуемый крах.

Конференция состоится во 2 учебном корпусе МГУ на Ленинских горах, с 10.00 до 18.00 с перерывом на обед с 13.00 до 14.00 (расписание заседаний с указанием аудиторий будет вывешено на доске объявлений к. 441 2 декабря 2008 г.).

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2 учебный корпус, экономический факультет, к. 441, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.econ.msu.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2009 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, прини-

маются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 10 ноября 2008 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 15 ноября 2008 г. по тел. (495) 939-4183, факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухиной.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России.

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ.

ГОРЮНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

соискатель степени к.ф.н., Государственный университет гуманитарных наук.

ХОХЛОВ СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ,

публицист.

АГЕЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

действительный член РАЕН, президент Международной академии исследований будущего, д.э.н., профессор, генеральный директор, Институт экономических стратегий при отделении общественных наук РАН.

НОВАК АЛОИЗЫ ЗБИГНЕВ,

д.э.н., профессор, декан, факультет управления, Варшавский университет.

РЫЧЬ КАЗИМЕЖ,

д.э.н., профессор, факультет управления, Варшавский университет.

СОЛОГУБОВ ВЛАДИСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, директор Представительства Центра общественных наук, Уральский технический институт связи и информатики (г. Екатеринбург).

БЕЛОЛИПЕЦКИЙ ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член (АГН), д.э.н., профессор, кафедра экономики инноваций, экономический факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ.

ГУБАНОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

к.э.н., заместитель главного редактора журнала «Экономист».

ФИЛИПЕНКО АНТОН СЕРГЕЕВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мирового хозяйства и международных экономических отношений, Институт международных отношений Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

действительный член АГН, д.э.н., профессор, научный руководитель Представительства Центра общественных наук, Волжский гуманитарный институт Волгоградского государственного университета; депутат Волгоградской областной думы.

РУСТАМБЕКОВ ГАДЖИАГА БАХЫШ ОГЛЫ,

к.э.н., доцент, кафедра международных экономических отношений, Азербайджанский государственный университет (г. Баку).

ДУНАЕВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, старший преподаватель, кафедра экономики зарубежных стран и внешнеэкономических связей, экономический факультет МГУ.

ДЕЙНЕКО ЛИДИЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

аспирант, экономический факультет МГУ.

АНТРОПОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

научный сотрудник лаборатории философии хозяйства, экономический факультет МГУ.

МАКАРОВ СТАНИСЛАВ ПАВЛОВИЧ,

действительный член АГН, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, факультет государственного управления МГУ.

ПОПОВ АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ,

к.э.н., старший эксперт, Институт экономических стратегий при отделе общественных наук РАН.

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛAVOVНА,

соискатель ученой степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ.

ЛУКОВЕНКО ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

аспирант, экономический факультет МГУ.

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., старший преподаватель, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.

КОРЧАГИНА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА,

к.э.н., старший научный сотрудник, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ.

ЯЦЕНЮК АРСЕНИЙ ПЕТРОВИЧ,

к.э.н., Председатель Верховной Рады Украины.

СКРЫННИК ЗОЯ ЭДУАРДОВНА,

д.ф.н., доцент, заведующая кафедрой общественных наук, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины.

ОЛЕЙНИК ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА,

соискатель ученой степ. к.ф.н., кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ.

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2008 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — не только философия о хозяйстве, не одна лишь отрасль философии, даже не философская интерпретация экономики, это еще и особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира. Что есть хозяйство, почему оно, чего хочет, к чему ведет? И что есть человек в хозяйстве, как и для чего он действует, что переживает, чего творит? Эти, как и многие другие, вопросы волнуют философию хозяйства, ибо это воистину философские вопросы, на которые даются, если возможно, и философские ответы.

Отсюда и признание философией хозяйства трансцендентной сложности мира, жизни, человека и самого хозяйства, как и необходимость учета всего разнообразного природного, социального и культурного контекста, политических, этнических и психологических аспектов, характерных для хозяйственной жизни, духовной составляющей человеческого бытия.

Не отрицая ни традиционной политэкономии, ни новейших математизированных версий научной экономики, философия хозяйства, поверяя теоретическую экономию, обогащает и дополняет ее, вырабатывая и новые, более емкие и гибкие смыслы. За философией хозяйства большое будущее.

Представляя этот журнал, который издается в виде Альманаха, предлагаем обратиться на него Ваше внимание как возможного подписчика и читателя. Концепция журнала уже оправдана жизнью: научная содержательность и новизна, свобода мысли, разнообразие, добротный стиль.

Среди авторов журнала видные ученые и высококвалифицированные специалисты, члены академий, профессора, многие из которых составляют активное ядро Философско-экономического ученого собрания. Журнал может быть интересен ученым, преподавателям, диссертантам, студентам, как и государственным деятелям и предпринимателям.

Выписывайте и читайте журнал «Философия хозяйства». Размышляйте в русле нового научного направления. Становитесь авторами журнала.

Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 15—20 п. л.) осуществляется в лаборатории философии хозяйства.

Стоимость подписки на год — 400 р.

Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс — 83115. Библиотечный индекс — 741.

Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, 2 учебный корпус, экономический факультет, к. 441. Контактный тел. 939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).